

Жена
богатого дракона
просит милостыню

→ Кристина Юраш ←

Кристина Юраш

**Жена богатого дракона
просит милостыню**

«Автор»

2026

Юраш К. Ю.

Жена богатого дракона просит милостыню / К. Ю. Юраш —
«Автор», 2026

Я пять лет экономила на себе, считала каждую копейку, потому что верила мужу, младшему герцогу - дракону. Верила, что его богатая семья отказалась от нас после рождения дочери. Верила, что денег нет. Верила, что дешёвое лекарство для больной доченьки — лучшее, что он смог достать. Я носила единственное платье, плакала, когда не хватало на еду и гордилась мужем. Он пошел против семьи ради меня. А потом старший брат моего мужа, глава рода, бросил передо мной счета. Изумруды. Рубины. Шёлк. Игрушки. Тысячи золотых. Всё — якобы для меня и моего ребёнка. Теперь мне предстоит узнать, кто виноват в том, что моя дочь оставалась без врача и лекарства. Кто виноват в том, что мои ботинки прохудились, и я мерзла, потому что не было дров. А ещё — почему холодный герцог-дракон, которого не интересуют ни женщины, ни любовь, вдруг решил вмешаться в мою жизнь.

© Юраш К. Ю., 2026

© Автор, 2026

Кристина Юраш

Жена богатого дракона просит милостыню

ПРОЛОГ

— Ты пустая, никчёмная оболочка женщины, которой нравится притворяться нищей, чтобы унижать нашу семью? Вон отсюда! С тебя хватит денег, которые я тебе давал!

Герцог Аскалон Эрланте резко ударил по столу рукой. Я вздрогнула, глядя на его пальцы, которые напряглись и сжались. Мне вдруг перестало хватать воздуха, словно эти пальцы сжали мое горло.

— Можете... можете унижать меня сколько угодно, — выговорила я, стараясь не дать голосу сорваться. — Но мне нужны деньги. Айталине стало хуже. Температура поднялась ещё сильнее, и она такая горячая, что мне страшно к ней прикасаться. Я многого не прошу. Дайте мне десять тысяч золотых. Я оплачу доктора и дорогие лекарства.

Просить было уже не стыдно. Стыд остался где-то по дороге сюда, когда я в который раз повторяла себе, что речь идёт не обо мне. Для себя я ничего не прошу! Я прошу для неё!

Я заставила себя остаться на месте, хотя мне хотелось прямо сейчас развернуться и уйти, чтобы не терпеть эти помои, которые льются на мою голову. Но я пообещала себе, что без денег я домой не вернусь. И это был мой последний шанс.

Между нами стоял широкий письменный стол, и сейчас я была почти благодарна этой тяжёлой преграде: без неё мне пришлось бы выдерживать его взгляд совсем близко.

Кабинет герцога выглядел именно так, как должен был выглядеть кабинет человека, которому никогда не приходилось считать мелочь перед аптекарем и просить записать долг в тетрадочку.

Полированное дерево, тяжёлые шторы, дорогой ковёр, серебро на письменном приборе. Я цеплялась глазами за эти вещи и невольно переводила каждую в лекарство, врача, несколько дней без страха открыть пустой кошелёк.

А потом я снова посмотрела на Аскалона и почти физически почувствовала, насколько мы жили в разных мирах.

Он был красив той тяжёлой, недоступной красотой, которая не просит нравиться. Длинные белые волосы, бледная кожа и яркие синие глаза. Высокий, широкоплечий, с резкими правильными чертами лица, он выглядел человеком, которому не требовалось ни улыбаться, ни стараться понравиться, чтобы на него смотрели. Даже сейчас, когда во взгляде было одно холодное раздражение, отвести глаза оказалось труднее, чем мне хотелось.

На нём не было ничего нарочито вычурного, и от этого каждая деталь казалась ещё дороже: идеально сидящая одежда, тонкая работа застёжек, гладкая ткань на широких плечах, кольцо на сильной руке. Он не выглядел праздным богачом; наоборот, в нём чувствовалась та спокойная уверенность человека, который привык распоряжаться огромным состоянием, домом, слугами и людьми так же естественно, как я распоряжалась последними монетами в кошельке.

Мой муж не раз говорил, что его брат — самый жадный дракон на свете и что Аскалону проще отгрызть себе руку, чем добровольно расстаться с золотым.

Раньше я думала, что Алвиш преувеличивает из братской обиды. Сейчас, глядя на герцога и роскошь вокруг него, я была готова поверить каждому слову.

Моя дочь лежала дома в жару, мёрзла зимой и донашивала перешитые мной вещи, а мужчина, который после смерти родителей стал главой её рода, не собирался дать мне даже десять тысяч золотых на врача.

Аскалон медленно отложил перо. На его красивом лице я увидела только усталое отвращение человека, которому снова предъявили давно надоевший счёт. Он окинул меня взглядом

с головы до ног и задержался на платье, словно уже нашёл простейшее решение задачи, с которой я зачем-то явилась к нему лично.

— Продай одно из своих роскошных платьев и оплати доктора, — посоветовал он с ледяной насмешкой. — Или вынь что-нибудь из шкатулки. Серьги. Браслет. Шпильки. Это же всего лишь украшения, Югетта. Или их трогать нельзя, а мои деньги можно? Я не дам тебе ни золотого. Хватит тянуть из меня деньги!

Глава 1

Я опустила взгляд на юбку и впервые увидела себя так, как, наверное, должен был увидеть посторонний человек. Платье было чистым, но чистота не делала ткань новой. Манжеты давно пришлось перелицевать, возле локтя проступала тонкая сеточка штопки, а часть ткани я уже использовала, когда перешивала свои вещи для Айталины. Я подняла руку и потянула ткань на локте, чтобы старый шов стал заметнее.

— Вы хотите сказать, что платье, в котором я сейчас стою перед вами, стоит десять тысяч золотых? — спросила я, уже не пытаясь скрыть злость. — Я ношу его три года. Три года, герцог. Посмотрите на рукава. Они протёрлись. Я сама их латала. За это платье мне никто даже десяти золотых не даст.

Он действительно посмотрел. Мне хватило одной секунды, чтобы вцепиться в этот взгляд надеждой: сейчас увидит, поймёт хотя бы маленькую часть того, что я пытаюсь ему объяснить. Но Аскалон поднял глаза к моему лицу и только сильнее сжал губы.

— Как же я устал от твоей лжи, — проговорил он, и теперь в сдержанности его голоса слышалось больше ярости, чем если бы он закричал. — Я каждый месяц выделяю младшему брату огромные суммы на тебя и ребёнка. И тебе всё мало. Несколько дней назад я отправил Айталине лекарство, которое стоило достаточно, чтобы я хотя бы сегодня не слушал рассказ о том, как вы умираете от нищеты. Так что возвращайся домой, а платье верни служанке, у которой ты его выпросила!

При слове «лекарство» я перестала думать о собственном унижении. Перед глазами сразу возникло лицо дочери: красные от жара щёки, спутанные волосы у висков и то, как страшно горячей была её кожа ночью.

— Да, Алвиш передал его перед отъездом, — поспешно сказала я. — Но после него ей стало только хуже. Доктор посмотрел пузырёк и сказал, что это обычный дешёвый настой от болей в желудке. Его продают на каждом углу. Он вообще не понимает, зачем такое дали ребёнку с её симптомами. Пока говорила, я теребила ногтем шов на манжете; грубая нитка цеплялась за подушечку пальца, а перед глазами стояла Тайина горячая ладонь, которую я держала ночью.

Аскалон выслушал меня до конца, не смягчившись ни на мгновение. По его лицу я видела: история с дешёвым настоем только добавила ещё один пункт к списку моей лжи. Он резко выдвинул ящик стола, и дерево глухо ударило о внутренний упор.

Я ещё не понимала, что из этого ящика он сейчас достанет доказательства чужой жизни — и назовёт её моей.

Глава 2

— Ложь, — процедил он, перебирая лежавшие внутри бумаги. — Если ты собираешься утверждать, что теперь подменили ещё и лекарство, выбери хотя бы одну версию своего спектакля и держись её до конца.

Я сделала шаг к столу и тут же остановилась, потому что Аскалон выпрямился с толстой пачкой счетов в руке.

От одного вида этих бумаг меня охватило бессильное раздражение: он собирался спорить документами, пока моя дочь лежала с жаром.

— Я ничего не выбираю! Я говорю вам, что произошло! Хотите, я принесу пузырёк? Посмотрите сами. Мне сейчас не важно, кто ошибся и где. Мне нужен доктор для дочери. Сейчас! Ей плохо!

Вместо ответа он бросил бумаги на стол. Верхний лист проехал по гладкой столешнице почти до края, и я машинально прочитала крупные строки, не сразу понимая, какое отношение они имеют ко мне.

Аскалон выдернул из пачки верхний лист и прижал его ладонью к столу. Теперь я снова заметила его руки — крупные, сильные, с длинными пальцами; такие же безупречные, как всё в этом кабинете.

— Серьги с изумрудами, — отчеканил он, глядя мне прямо в лицо. — Дорогая работа, камни отличного качества. Гроздь. Ты ещё жаловалась, что оттенок тебе не подходит.

Я уставилась на строчки под его пальцами. В моей шкатулке никогда не было изумрудов. После рождения Айталины украшений там становилось только меньше: сначала я расставалась с тем, без чего могла прожить, потом с тем, что было жалко, а в конце перестала открывать шкатулку без необходимости, потому что слишком хорошо знала, сколько там осталось.

Аскалон уже вытянул следующий счёт и, не давая мне времени прийти в себя, продолжил:

— Браслет в виде ленты из рубинов. Золотые шпильки с алмазами. Не самые дешёвые прихоти для женщины, которая сегодня изображает передо мной нищую.

Рубины. Алмазы. Я даже не представляла, как выглядели эти вещи. Зато очень хорошо помнила одну маленькую жемчужину на тонкой цепочке. Алвиш подарил её после рождения дочери, смущённый и виноватый, словно просил прощения за то, что не смог позволить себе больше. Я тогда плакала, прижимая жемчужину к ладони, и убеждала мужа, что лучшего подарка мне не нужно. У нас была Айталинка. Мы были вместе. Мы обязательно должны были справиться.

Аскалон листал дальше, и каждая новая бумага звучала для меня всё нелепее.

— Платье. Шёлк. Работа портнихи. И после этого ты показываешь мне эти рукава?

Глава 3

Я посмотрела на собственное платье. Прошлой зимой я распоролла часть своих старых вещей, чтобы перешить их для Айталины. Там, где он видел оплаченный шёлк и работу портнихи, у меня были ночи с иголкой в руках и вечный страх испортить единственную ещё пригодную ткань.

Аскалон нашёл ещё один лист и почти швырнул его передо мной.

— А вот здесь десять тысяч золотых. Здесь ещё сто. И это далеко не всё, что я каждый месяц передаю Алвишу на содержание вашей семьи. После этого ты смеешь приходить в мой дом с протянутой рукой и использовать болезнь ребёнка, чтобы вытянуть из меня ещё денег? Я сильнее навалилась ладонями на край стола; гладкое дерево впилося в основания пальцев, потому что стоило их отпустить, и руки начинали дрожать.

Десять тысяч. Я не могла оторвать глаз от цифры. После рождения Айталины Алвиш сидел рядом со мной и совсем другим голосом рассказывал, что старший брат ужасно недоволен.

Я вспомнила день, когда доктор протянул мне долгожданный свёрток. Я прижимала его к себе слабыми после родов руками. «Мой брат ужасно недоволен... — вздохнул муж, а я посмотрела на него с удивлением. — Он рассчитывал на мальчика!» «А по-моему, она чудесная девочка», — вздыхала я, целуя кроху, которая принесла мне столько мучений и счастья одновременно. «Я написал ему о рождении дочери. И знаешь, что он мне ответил? — произнёс муж, а голос его дрогнул. — Мой брат ответил, что ему плевать. Так что никакого праздника в честь рождения дочки не будет. А ещё он... он отказался выделять деньги на дальнейшее содержание нашей семьи!»

Именно тогда я поняла, что не выполнила ту самую роль, которую мне отвели. Не подарила наследника. Слезы текли по моим щекам, я смотрела на крошечное, сморщенное личико малышки и понимала, что она не виновата в том, что нарушила семейные планы.

Я подняла со стола один из счетов. Бумага дрожала в пальцах, а цифры от этого не менялись.

— Где всё это? — спросила я, переводя взгляд со счёта на Аскалона. — Где серьги, браслет, шпильки? Где эти платья и шёлк? Я никогда ничего этого не получала. Это какая-то ошибка.

Аскалон смотрел на меня с таким презрением, будто именно этой реплики и ждал.

— Ошибка не в счетах, Югетта, — холодно произнёс он, отодвигая от себя бумаги. — Ошибка в том, что мой младший брат вообще на тебе женился. А моя ошибка в том, что я столько лет оплачивал каждый твой каприз, полагая, что хотя бы ребёнок получает всё необходимое. Вот! Смотри! Это отдельно потрачено на нее! Плечи сами подались назад, будто этими словами меня действительно выталкивали из семьи вместе с дочерью, и я упёрлась ладонью в стол, чтобы не отступить.

Он швырнул мне в лицо счет, а я схватила его и стала читать.

— Детская кроватка за двадцать тысяч? — прошептала я, вспоминая кроватку, которую отдала нам соседка. — Игрушки за десять тысяч?

У моей дочери не было ничего из этого. Значит, либо Аскалон лгал мне в лицо, либо эти вещи покупали для совсем другого ребёнка.

Глава 4

Я вспоминала куклу, которую шила дочери из обрезков ткани. В прежней жизни такие игрушки называли тильдами: мягкое вытянутое тело, длинные руки и ноги, простое платьице, крошечные вышитые глаза. Волосы я сделала из толстых ниток распоротой накидки и специально не пришивала ни бусин, ни пуговиц, ни других мелких деталей, которые Тайя могла бы оторвать.

— Быть такого не может! — усмехнулась я. — У моей дочери есть единственная кукла! И ее я шила сама! Своими руками! Из лоскутков!

— Наглая ложь, — усмехнулся Аскалон, а его губы презрительно искривились. — Мой брат каждую неделю отчитывался о каждой покупке. Он лично завозил счета.

Что-то внутри дрогнуло. Нет, этого быть не может. Он врёт! Врёт!!!

— Я не знаю, кому и что вы оплачивали, но для своей дочери я шила платья сама из тех, которые мне достались в качестве приданного! — выпалила я, пытаясь вернуть счет.

— Можешь оставить его себе на память! — усмехнулся Аскалон. — Открывай почаще и напоминай себе о том, что со мной этот номер не прокатит! Мой брат говорил мне, что ты готова на всё ради новых украшений. Или ты думаешь, я не знаю, какие скандалы ты закатываешь дома, когда узнаешь, что кольцо не подходит к браслету!

Я? Скандалы? Я посмотрела на свои руки, которые уже забыли, что такое кольца. Более того, они не помнили, что такое крем для рук!

Мне вспомнился наш скромный праздник после рождения Айталины. Ни гостей, ни шампанского, ни дорогих подарков. Только мы втроём и соседка, которая принесла пирог. Я тогда была счастлива.

Алвиш обнимал меня, а позже, когда я считала монетки и не знала, как растянуть их до конца месяца, говорил, что однажды всё изменится. Аскалон из-за своего недуга никогда не женится и не оставит прямого наследника, значит, всё состояние в конце концов перейдёт младшему брату. Я ещё смеялась, что драконы живут слишком долго и я скорее состарюсь, чем дождусь нашего богатства.

Сейчас передо мной лежали оплаченные кем-то изумруды, рубины, шёлк и огромные суммы, и я впервые не понимала, над чем именно мы тогда смеялись.

— Я не знаю, кого вы с кем перепутали, — сказала я, возвращая счёт на стол. — Может быть, это подарки какой-нибудь вашей любовнице, а Алвиш просто...

Глава 5

Я осеклась сама. Аскалон очень медленно поднял на меня глаза, и я сразу поняла, что сказала.

Про его недуг в семье не говорили вслух.

Алвиш однажды объяснил мне, почему старший брат не женат: женщины, любовь и постель его не интересовали, драконья природа не проснулась так, как должна была, и все уже почти смирились с тем, что прямого наследника у герцога не будет. Я сейчас ткнула его именно туда, куда никто не смел.

— Как ты смеешь, — произнёс он сквозь зубы, и его ладонь легла на стол так тяжело, что один из листов сдвинулся под пальцами. Я невольно отступила на полшага; между лопатками выступил холодный пот, хотя в кабинете было тепло.

Стыд за собственную глупость продержался во мне меньше секунды.

Я пришла сюда не издеваться над его болезнью; я пришла за помощью ребёнку, а он уже успел назвать меня лгуньей, побирушкой и ошибкой своего брата. Я подняла подбородок, хотя от слёз начинало ломить переносицу.

— Вы тоже меня оскорбили, — напомнила я, разворачивая к нему ладони. — Посмотрите на мои руки. Если вы не верите платью, поверьте хотя бы им. Видите эти точки? Это следы от иголок. Я сама чиню одежду. Я перешиваю свои платья для дочери, латаю рукава и подшиваю то, что ещё можно носить. У нас давно нет денег на то, о чём вы сейчас рассказываете.

Аскалон посмотрел на мои пальцы. На коже действительно темнели мелкие следы, один у самого ногтя ещё болел после вчерашней работы. Я ждала, что наконец увижу в его лице сомнение, но он неожиданно усмехнулся, будто и это доказательство прекрасно укладывалось в его версию.

— А вот и розы, которые я оплатил совсем недавно, — заметил он, кивнув на мои руки. — Что ж, по крайней мере теперь я знаю, что букет ты получила. Хотя, кажется, он тебе тоже не понравился. И ты устроила скандал, что розы не того оттенка, который ты хотела!

На мгновение я просто не поняла, о чём он говорит. Потом посмотрела на собственные пальцы и ощутила такую ярость, что даже слёзы отступили.

— Это от иголок, — повторила я, уже не пытаюсь говорить спокойно. — Я шью. Сама. Вы понимаете человеческую речь? Я латаю одежду своими руками, потому что новую покупать не на что. Мы живём в нищете! Мы считаем каждую монетку! О каких розах вы говорите! Вы вообще в своем уме?! Мы нищие! Нищие! Потому что я родила девочку вместо наследника! Правильно муж говорил, что вы готовы придумать любую ложь, лишь бы не раскошелиться!

Глава 6

Аскалон с силой захлопнул папку, будто вместе с ней собирался закрыть и сам разговор.

— Если это нищета, то король у нас просто зажиточный лавочник. Я устал от постоянных требований. То бриллианты недостаточно крупные, то шёлк не такой, то заколка не понравилась, то камни в серьгах другого оттенка и нужны новые. Всё. Моя щедрость закончилась там, где началась твоя наглость. Если ты сейчас же не уйдёшь отсюда сама, я прикажу вывести тебя и довести до кареты! Ступни ныли в старых ботинках после дороги сюда, и эта тупая боль вдруг показалась почти издевательски уместной рядом с его уверенностью, что где-то у дверей меня ждёт карета.

Последнее слово оказалось настолько нелепым, что я почти рассмеялась. Я вспомнила дорогу сюда и то, как торопилась, боясь потерять ещё час рядом с дочерью.

— Нет никакой кареты, — выдохнула я. — Наша единственная карета сейчас у Алвиша. Он уехал на несколько дней. Я пришла сюда пешком.

Аскалон скользнул взглядом вниз, к моим ботинкам и подолу. Там не было нарочно приготовленных доказательств нищеты — только старая ткань и поношенная обувь, в которой я прошла сюда несколько кварталов.

Но даже это его не убедило; он смотрел на меня так, словно я заранее продумала каждую деталь своего появления, а я уже не знала, чем ещё доказывать очевидное.

От бессилия слова посыпались быстрее, чем я успевала их выбирать.

— Я могу показать вам долговые расписки, — сказала я, сжимая край стола, чтобы руки перестали дрожать. — Все до единой. Сколько брала, когда и у кого. Могу показать, что сдавала в ломбард. Там стоят даты. Суммы. Подписи. Я принесу всё, если вы только дадите деньги сейчас и пошлёте доктора к Айталине.

Аскалон чуть наклонил голову, разглядывая меня с тем же холодным вниманием, с каким, наверное, изучал сомнительный контракт, и даже не потянулся за воображаемыми расписками. Он уже заранее решил, чем они окажутся.

— Подделки, не так ли? Вижу, к спектаклю ты подготовилась основательно. Bravo! Какой продуманный образ нищенки! Я бы поверил, если бы не знал, как ты скандалила целый вечер из-за того, что на платье мало бриллиантов, и оно выглядит «убого»!

Я смотрела на него и не понимала одного: откуда он вообще знал подробности скандалов, которых никогда не было?

Глава 7

Вот тогда я всё-таки заплакала. Не красиво и не тихо: дыхание сбилось, пришлось прижать губы друг к другу, чтобы не всхлипнуть перед ним, но слёзы уже текли по щекам, и спрятать их было невозможно.

Больше всего меня унижало даже не то, что он видел меня такой, а то, что дома Айталины ждала, пока я добуду помощь, а я тратила драгоценное время на человека, который способен объявить подделкой даже долговую расписку, если она не совпадает с его мнением обо мне.

— Вы мне не верите? — сквозь слёзы спросила я, ненавидя дрожь в собственном голосе.

Аскалон не отвёл глаз и ответил без колебания:

— Разумеется, нет. Ты ужасная актриса, Югетта. Разыгрывать бедность — не твоё. Я вообще жалею, что дал согласие на этот брак! Мой брат годами терпит твои скандалы, а теперь ты решила устроить один и мне.

Я вытерла лицо ладонью. На коже осталась влажная полоса, но мне уже было всё равно, как я выгляжу в его дорогом кабинете. Хотелось только уйти и никогда больше не видеть ни этот стол, ни счета, ни мужчину, который предпочитал верить в свою правду, а не женщину в заштопанном платье перед ним.

— Я бы никогда к вам не пришла, если бы не ребёнок, — с плохо скрываемой яростью процедила я, и вместе с каждым словом унижение превращалось в ненависть. — Никогда. Зная, как вы поступили с моим мужем, я бы и шагу не сделала в этот дом, если бы от этого не зависела жизнь моей дочери.

Аскалон нахмурился, но я уже не собиралась ничего ему объяснять. Он отвернулся от меня так, словно разговор был окончен, и холодно приказал слуге за дверь:

— Опять началось! — выдохнул он с таким раздражением, словно видел перед собой не женщину, которая впервые пришла просить у него помощи, а давно знакомый спектакль. — Уберите её отсюда.

Аскалон повысил голос, а за дверью послышались спешные шаги.

— И чтобы больше я её в этом доме не видел. Маленькая жадная женщина, решившая шантажировать меня ребёнком. Я до сих пор не могу прийти в себя от такой бесстыдной наглости. В тебе есть хоть что-то святое?

— Не переживайте! Я уйду сама! — сквозь зубы процедила я.

Я уже сделала шаг к двери, но после этих слов остановилась. Нет. Так уйти я не могла. Я повернулась к нему и впервые за всё время не отвела взгляд.

— Вы самый мерзкий человек, которого я встречала, — сказала я, чувствуя, как дрожит подбородок, и всё равно договорила: — И если моя дочь умрёт, я до конца жизни буду помнить, что вы могли ей помочь. Могли дать всего десять тысяч золотых на врача и лекарство. И не сделали этого. От собственных слов меня передёрнуло. Ладони мгновенно похолодели: произвести вслух «если моя дочь умрёт» оказалось почти страшнее, чем думать об этом всю дорогу.

Глава 8

— А вы самая наглая из всех женщин, которые мне доводилось встречать! Если нужны лекарства, продайте хотя бы одно из своих колец! Можете устраивать истерику моему брату. Со мной у вас этот номер не пройдет! К тому же лекарство я прислал! Так что можете убираться отсюда! Вы не получите ничего сверх того, что я вам даю каждый месяц!

Я вышла из кабинета, пока ещё могла удержаться на ногах, прошла мимо слуг, которые слишком воспитанно отводили глаза, и только в коридоре позволила себе на секунду опереться ладонью о стену.

Ну да, себя-то он не обделил. Роскошь, огромный дом, целый штат слуг — и ни одного золотого для больной племянницы. Я ненавидела его так сильно, что от этой ненависти становилось легче идти.

На улицу я вышла без денег, без доктора и с тем же пустым кошельком, с которым пришла.

Несколько кварталов до дома я прошла пешком, почти не замечая дороги. Слезы то высыхали, то снова выступали, стоило вспомнить счета.

Серьги с изумрудами. Рубиновый браслет. Золотые шпильки. Десять тысяч. Сто. Я пыталась совместить эти суммы с собственной жизнью и не могла. В моей жизни были займы, перешитые платья, ломбард, дешёвое лекарство и вечные обещания Алвиша, что всё скоро станет легче.

В жизни, описанной бумагами Аскалона, существовала другая Югетта — капризная, нарядная, заваленная драгоценностями женщина, которая жаловалась на оттенок камней и требовала ещё.

Я ненавидела эту незнакомку почти так же сильно, как герцога. Её не существовало, но как же было обидно, что мне тычут в лицо чужими тратами, лишь бы не расставаться с собственным богатством! Правильно говорил Алвиш. Воистину драконья жадность!

Алвиш. Это имя откликнулось в душе теплом и надеждой.

Муж должен был вернуться. Он обещал привезти немного денег и лекарство, и я цеплялась за это обещание всю дорогу, потому что больше цепляться было не за что.

Муж объяснит, почему Аскалон показывает чужие счета. Муж разберётся с лекарством. Муж найдёт врача. Я повторяла это до самого дома, как повторяют знакомую молитву не из уверенности, а потому что страшно остановиться и услышать собственные мысли.

Когда я вошла в дом, всё остальное исчезло за одной мыслью: быстрее к Айталине.

Я всё ещё верила, что Алвиш сможет объяснить эти безумные счета. Я ошибалась.

Глава 9

Я поднялась к Айталине так быстро, что запнулась на последней ступени, распахнула дверь и сразу увидела её на кровати.

Дочка лежала поверх смятых простыней, покрасневшая от жара, и даже тонкая рубашка казалась слишком тяжёлой для её разгорячённого тела. Я села рядом, коснулась лба и тут же провела ладонью по волосам, не зная, что ещё могу сделать без доктора.

— Тише, тише, моя хорошая, — шептала я, наклоняясь к дочери. — Сейчас мама что-нибудь придумает. Потерпи ещё немного. Я обязательно что-нибудь придумаю.

Говорить оказалось легче, чем придумать. Я посмотрела на комнату и начала мысленно перебирать всё, что ещё можно было превратить в деньги. Одежда стоила слишком мало.

Миссис Гейден уже поднялась со стула, но, собирая со стола чашку, задела Тайину куклу. Игрушка упала ей на ладонь, и соседка неожиданно задержалась, разглядывая вытянутое мягкое тело, длинные руки и ноги и простое платьице.

— Это ты сшила? — спросила она, повернув куклу лицом к себе. Большим пальцем осторожно провела возле крошечных вышитых глаз. — Странная какая... Я таких никогда не видела. И ни бусин, ни пуговок.

— Специально, — ответила я, поправляя на Тайе одеяло. — Чтобы она ничего не оторвала и не проглотила.

Миссис Гейден ещё раз повертела куклу, теперь уже с явным интересом, и осторожно потянула за длинную мягкую руку, проверяя шов.

— Крепкая. И хорошенькая. Знаешь, такие бы покупали, Югетта. Особенно мамы совсем маленьких детей: дать такую в кровать не страшно.

От этих слов я только устало улыбнулась. Сейчас мысль о том, что кто-то мог бы заплатить за моё шитьё, показалась такой же далёкой, как счета Аскалона на игрушки в десять тысяч золотых. Я забрала куклу и положила рядом с Тайей.

— Я пойду, наверное, — произнесла миссис Гейден, снова оглядываясь на девочку. Старушка явно не хотела оставлять нас одних, но ничем больше помочь не могла. — Ей становится хуже. Попробую узнать, может быть, кто-то из знакомых докторов согласится осмотреть её бесплатно.

— Спасибо, что посидели с Тайей, — прошептала я, опуская глаза. Мне было стыдно даже за эту благодарность, потому что соседка и без того отдала нам весь день. — И спасибо за помощь. Я дальше сама.

Когда дверь за ней закрылась, я стиснула зубы так сильно, что вместо стона вырвалось тихое рычание. Зря ходила. Зря потратила время, пока Тайе становилось хуже. Но жалеть себя было некогда. Я вернулась к кровати, поправила подушку и снова коснулась горячего лба дочери.

— Всё будет хорошо, милая, — прошептала я, хотя самой хотелось зажмуриться и больше ничего не видеть. — Скоро приедет папа. Он обещал привезти деньги и лекарство. Мы найдём доктора, слышишь? Обязательно найдём.

Глава 10

Я взяла её безвольную горячую руку и прижала к губам. Плакать больше было нельзя; слезами врача не оплатишь. Я заставила себя оглядеть комнату и снова стала прикидывать, что ещё можно продать. То, что действительно имело цену, уже частично ушло в ломбард. Оставалась маленькая жемчужина на тонкой цепочке — подарок Алвиша после рождения Айталины, тот самый, над которым я когда-то плакала от счастья и уверяла мужа, что нам больше ничего не нужно.

Я нащупала цепочку на шее. Золота там было совсем мало, сама жемчужина тоже вряд ли стоила десять тысяч золотых, но если другого выхода не останется, придётся расстаться и с ней. Я уже собиралась подняться, когда с улицы донёсся стук колёс. Карета замедлилась совсем рядом с нашим домом, и я застыла над кроватью, вслушиваясь, пока колёса не остановились у самых ворот.

Впервые за весь день мне стало легче дышать. Я наклонилась к дочери и прижалась губами к её горячему виску.

— Папа приехал, милая, — прошептала я, чувствуя, как вместе со слезами возвращается надежда. — Сейчас он найдёт доктора. Сейчас всё будет хорошо.

Шаги Алвиша уже поднимались по лестнице. Он даже не стал снимать дорожный плащ: распахнул дверь спальни, увидел меня возле кровати и сразу направился к дочери. Полы плаща задели край стула, когда он опустился на колено и приложил ладонь ко лбу Айтилины.

— Югетта, что случилось? Она стала ещё горячее, — спросил он, не отнимая руки от дочери, и в следующую секунду в его голосе прорезалось раздражённое недоумение. — Почему ты до сих пор не послала за доктором?

Последний вопрос оказался тяжелее всего, что я выслушала сегодня в кабинете Аскалона. Я весь день держалась ради Тайи, терпела унижение, показывала чужому мужчине потёртые рукава и исколотые пальцы, доказывала, что не прячу драгоценности, которых никогда не видела, а теперь услышала голос мужа и почувствовала, как усталость, которую я отталкивала от себя с самого утра, наконец навалилась всей тяжестью.

— Я пыталась, Алвиш, правда пыталась, — выговорила я, стирая со щеки горячую влагу раньше, чем она успела скатиться к подбородку. — Денег не хватило. Наш доктор сказал, что нужен другой специалист и другое лекарство... То, что прислал твой брат, только ухудшило состояние. Я сходила к доктору. Он не хотел принимать меня без денег, но я поймала его, когда он садился в карету и ехал на вызов. Он сказал, что по симптомам болезнь может быть связана с драконьей природой Тайи и нам нужен специалист. Его визит обойдётся недёшево, а лекарство, которое может понадобиться, стоит восемь тысяч. Я посчитала, сколько это получается, и поняла, что больше просить не у кого. Поэтому пошла к твоему брату.

Глава 11

Рука Алвиша, лежавшая на одеяле возле Айтилины, напряглась. Он не сразу убрал её, только повернул ко мне голову, словно хотел убедиться, что услышал правильно, и медленно поднялся с колена.

— К Аскалону? Ты ходила к нему одна? — переспросил муж уже совсем другим голосом; в нём было столько недовольства. — К этому жадному скряге? Ты ещё и унижалась перед ним!

Я встала с края кровати и машинально поправила одеяло на плече дочери, хотя оно и без того лежало ровно.

— А к кому мне ещё было идти? Ты уехал, денег почти не осталось, Тайе становилось хуже. Я попросила у него десять тысяч на врача и лекарства. Ты бы слышал, что он мне говорил.

Алвиш отвёл взгляд, провёл ладонью по лицу и несколько секунд стоял ко мне боком, будто одно имя старшего брата уже выматывало его сильнее дороги. Потом вернулся ко мне и заговорил тише, почти с укором:

— Зря ты туда ходила, Югетта. Я ведь просил тебя никогда ничего у него не просить. Ты же знаешь Аскалона: если этому дракону приходится расставаться с золотом, он ведёт себя так, словно у него отрывают кусок мяса. А после нашей свадьбы стало ещё хуже.

Мне хотелось возразить, что сегодня я увидела не просто жадность. В памяти снова встало красивое холодное лицо Аскалона, его взгляд на моё платье и счета, которые он швырял на стол так, будто вместе с ними доказывал мою испорченность.

— Он ненавидит меня, Алвиш, — сказала я, и собственная обида прозвучала настолько отчётливо, что стало неловко. — Сегодня я наконец поняла, насколько сильно.

Муж сразу подошёл ближе и обнял меня за плечи. Я уткнулась лбом ему в грудь, вдохнула знакомый запах дорожной пыли от плаща и на несколько секунд позволила себе не держаться. После кабинета Аскалона мне отчаянно нужен был хотя бы один человек, перед которым не приходилось доказывать, что я не лгу.

— Он ненавидит всё, что не может полностью контролировать, — тихо произнёс Алвиш, продолжая гладить меня по волосам. — Меня, наш брак, то, что я выбрал жену без его разрешения. А после рождения Тайи он окончательно решил, что мы оба его разочаровали. Ты же помнишь, как он отреагировал тогда.

Я помнила это слишком хорошо, поэтому вместо ответа крепче сжала пальцами ткань его плаща и наконец рассказала всё, что весь путь домой прокручивала в голове. Сначала про платье, которое Аскалон велел продать, потом про драгоценности, которых у меня никогда не было, и про лекарство, которое герцог якобы оплатил несколько дней назад, хотя Алвиш привёз домой дешёвый настой. Когда я дошла до счетов, ладонь мужа, до этого медленно двигавшаяся по моим волосам, остановилась.

Я отстранилась, чтобы видеть его лицо, и заговорила быстрее, потому что теперь сама хотела услышать от него разумное объяснение тому, что видела.

— Он бросил в меня счетами. Там были совершенно... совершенно безумные суммы. Серьги с изумрудами, рубиновый браслет, золотые шпильки, какие-то платья, шёлк. Он утверждает, что всё это покупали мне, Алвиш. Он говорил так, будто сам оплачивал каждую вещь для меня!

Глава 12

— Это вполне в духе моего брата, — усмехнулся Алвиш. — Жадность дракона порождает изворотливость. Небось снова пробовал ухаживать за очередной красавицей в надежде, что она разбудит в нем дракона!

Алвиш ответил слишком быстро, но почти сразу поморщился и покачал головой, словно устал даже не от меня, а от очередной выходки брата.

— Но там были и детские вещи! Кроватка, платья, игрушки, — начала перечислять я, вспоминая счет.

— Конечно, он именно так и говорил. А что ему ещё оставалось, когда ты впервые пришла к нему и спросила денег? Признать, что он годами урезал нам содержание? Гораздо удобнее достать бумаги и объявить, что ты всё получила, всё потратила и снова пришла с протянутой рукой.

— Я могу понять платья, драгоценности, но игрушки? — произнесла я.

— Тут всё просто, — вздохнул муж. — Аскалону нужно как-то объяснять, куда уходят суммы, которые он якобы выделяет на нас. Вот он и прикрывается бумажками. Молодец. Подготовился заранее. Зато теперь ему есть что показать тем, кто спросит, почему его брат с семьёй живёт в такой нищете!

Слово «нищета» больно зацепилось за то, что я сама старалась не называть: потемневшую кроватку у стены, вытертое одеяло, перешитые вещи Айталины и собственные рукава, которые я латала по ночам. После сегодняшних счетов это слово больше не казалось преувеличением.

Аскалон жил среди дерева, серебра и дорогих тканей, не моргнув глазом отказал больной племяннице и при этом уверял меня, что сам оплачивал мои выдуманные прихоти. После такого поверить в очередную жестокость с его стороны было проще, чем допустить что-то другое.

— Я до сих пор не могу забыть этот счёт на детскую кроватку, — продолжила я, уже спокойнее, и кивнула на старую деревянную кровать у стены. — Двадцать тысяч золотых. А потом он показал игрушки на десять тысяч. Там еще няни, гувернантки... Я чуть не рассмеялась ему в лицо, потому что единственную куклу Тайи шила сама.

Алвиш замер ровно настолько, чтобы я успела это заметить. Его взгляд скользнул к кровати, задержался на потемневшей от времени спинке и вернулся ко мне; в глазах мужа мелькнула такая злость, что я окончательно решила: он тоже понял, до какого абсурда дошёл Аскалон.

— Он показал тебе и эти счета? — спросил Алвиш, сжимая пальцы на застёжке плаща, и теперь в его голосе звучало уже не раздражение, а напряжение, которого я прежде не слышала.

Я внимательно следила за лицом мужа, потому что именно эта часть рассказа казалась мне самой нелепой. — Да, и ещё сказал, что ты каждую неделю лично привозил ему отчёты о

каждой покупке. Будто ты приходил к нему со счетами и рассказывал, что именно купил мне и Тайе.

В комнате стало слишком тихо. Айталиня беспокойно пошевелилась на подушке, и я сразу повернулась к ней, поправляя влажные волосы у виска; за окном скрипнула незакрытая ставня, но Алвиш всё ещё молчал. Когда я снова посмотрела на него, он уже протянул ко мне руки.

И я протянула ему руки — потому что всё ещё не знала, кому из двух братьев на самом деле нельзя верить.

Глава 13

— Югетта, послушай меня внимательно, — попросил муж, обхватывая мои ладони своими. — Мой брат умеет сделать так, чтобы любой человек рядом с ним почувствовал себя виноватым. Он всю жизнь разговаривает со мной именно так: показывает цифры, документы, подсчитывает каждый золотой, а потом объясняет, сколько я ему якобы должен. Не пытайся искать смысл в его счетах. Ты только сильнее себя измучаешь, а тебе сейчас нужно думать о Тайе.

Мне хотелось ему поверить, и дело было уже не только в любви. Другой ответ означал бы, что между мной и мужем существовало что-то огромное, чего я годами не замечала, а сил на ещё одну беду у меня не осталось. Я повернула ладони и сама сжала пальцы Алвиша.

— Тогда помоги мне забыть обо всём этом, — попросила я, стараясь не смотреть на кровать, потому что каждый быстрый вдох дочери заставлял торопиться ещё сильнее. — Мне всё равно, что Аскалон там написал и кому что оплатил. Найди врача. Мне нужны десять тысяч, но если всей суммы у тебя нет, дай хоть сколько-нибудь. Я продам жемчужину, заложу оставшиеся вещи, снова попрошу в долг...

Пальцы мужа разжались не сразу. Он будто хотел что-то сказать, передумал, отвёл глаза и только потом полез во внутренний карман плаща.

— Я привёз деньги, — произнёс Алвиш после короткой паузы, вынимая небольшой кошелек. — Просто получилось гораздо меньше, чем я рассчитывал. Я надеялся достать больше, но сегодня всё пошло наперекосяк.

От вида кошелька у меня так сильно забило сердце, что я протянула руку раньше, чем успела подумать о том, насколько он лёгкий. Алвиш развязал тесёмку и высыпал монеты прямо мне в ладони. Я пересчитала их один раз, потом второй, медленно перекладывая большим пальцем, потому что после первого счёта решила, что от усталости пропустила несколько.

— Здесь сто двадцать семь, — сказала я, подняв глаза на мужа и всё ещё удерживая монеты в сложенных ладонях. — Алвиш, мне нужно десять тысяч.

Он поджал губы и дёрнул верхнюю застёжку плаща, которая вдруг стала ему мешать.

— Я прекрасно знаю, сколько тебе нужно, Югетта, — ответил он резче, чем говорил со мной обычно, но, заметив, как я прижала руки с монетами к груди, сразу понизил голос. — Я не на тебя злюсь. Просто всё это случилось в самый неподходящий момент. Я рассчитывал получить больше, не получилось. Попробую договориться ещё с несколькими людьми.

Сто двадцать семь золотых холодили ладони. Ещё утром эта сумма показалась бы мне спасением хотя бы на несколько дней, но теперь я знала цену осмотра, лекарств и специалиста, которого советовал доктор. Даже если продать жемчужину и миссис Гейден действительно найдёт кого-то, кто согласится осмотреть Тайю бесплатно, нам всё равно не хватит на лечение.

— Но ты ведь уезжал именно за деньгами, — напомнила я, не желая обвинять его и всё же не понимая, как надежда на десять тысяч превратилась в горсть монет. — Ты сказал, что вернёшься с деньгами и лекарством. Я поэтому ждала тебя и не знала, к кому ещё обращаться, когда Тайе стало хуже.

Алвиш не ответил сразу. И впервые его пауза показалась мне слишком долгой.

Глава 14

Алвиш раздражённо потёр шею там, где ворот плаща давил на кожу, и бросил взгляд на дочь.

— И я вернулся с тем, что смог достать. Ты думаешь, мне приятно видеть её такой? — Голос мужа повысился, но он тут же оглянулся на кровать и заговорил тише, хотя злость никуда не исчезла. — Я весь день бегал по людям, унижался, просил, пытался что-то занять, пока мой драгоценный брат сидит на сундуках с золотом и объясняет всем вокруг, какой я бесполезный. А теперь ещё выясняется, что ты сама пошла к нему и дала ему повод снова вмешаться в нашу жизнь.

Мне стало стыдно раньше, чем я успела возмутиться последними словами. Алвиш вернулся уставший, привёз всё, что сумел достать, а я встречала его вопросами и требовала денег, которых у него не было. Я осторожно пересыпала монеты в одну ладонь, чтобы второй прикрыть глаза.

— Прости меня, — попросила я, опуская руку и заставляя себя посмотреть на него. — Я не хотела на тебя нападать. Мне просто страшно. Я смотрю на Тайю и понимаю, что не знаю, сколько ещё можно ждать.

Алвиш сразу оказался рядом. Он обнял меня, прижал к себе и провёл ладонью по спине так же, как делал всякий раз, когда мои страхи становились сильнее здравого смысла.

— Я знаю, — прошептал он мне в волосы. — Мы что-нибудь придумаем. Всегда придумывали, и сейчас придумаем. Только больше не ходи к Аскалону одна. Теперь ты меня понимаешь... Он всегда умеет делать виноватыми всех, кроме себя. Такова его натура.

Во дворе застучали колёса. Сначала я даже не обратила внимания: дом стоял близко к улице, и чужие экипажи проходили мимо каждый день, но этот замедлился прямо у наших ворот. Алвиш услышал то же самое; его ладонь, до этого двигавшаяся по моей спине, остановилась, а затем руки разжались.

— Ты кого-то ждёшь? — спросил он, прислушиваясь к тому, как снаружи хлопнула дверца экипажа, и впервые за весь разговор в его голосе я услышала настороженность, не связанную ни со мной, ни с болезнью Тайи.

Я отрицательно качнула головой, всё ещё сжимая сто двадцать семь золотых в ладони, и не успела ответить словами, потому что снизу раздался тяжёлый стук дверного кольца. Он прозвучал дважды, без суеты и нетерпения, словно человек за дверью не сомневался, что ждать ему долго не придётся.

Алвиш быстро подошёл к окну и отдернул край шторы. Когда он обернулся, лицо у него заметно побледнело. Он вернулся ко мне, положил ладонь на плечо и наклонился так близко, чтобы его голос не вышел за пределы спальни.

По его лицу я поняла: за дверью стоял человек, которого муж совсем не хотел видеть.

Глава 15

— Аскалон, — едва слышно сказал муж. — Видимо, твоего визита ему оказалось мало. Он не терпит, когда его заставляют оправдываться, и сейчас наверняка попытается поставить нас на место. Начнёт трясти переводами и бумагами. Не пугайся: для Аскалона цифры всегда важнее людей. Сейчас он попытается выставить нас виноватыми в собственной бедности. Его ладонь всё ещё лежала на моём плече, знакомо тяжёлая и тёплая; я невольно выдохнула глубже, потому что рядом с мужем предупреждение об Аскалоне звучало не как догадка, а как то, что он давно знает.

После сегодняшнего разговора в его кабинете это не показалось мне преувеличением. Я кивнула, и Алвиш коротко сжал моё плечо.

— Оставайся с Тайей, я сам посмотрю, что ему нужно, — произнёс он уже обычным голосом и вышел в коридор.

После сегодняшнего дня у меня не осталось желания послушно ждать, пока мужчины решают, что мне можно знать. Я положила монеты на край стола возле кровати, поправила

Айталине одеяло, убедилась, что она снова провалилась в беспокойный сон, и пошла следом за мужем.

Алвиш успел спуститься первым. Когда я дошла до последних ступеней, входная дверь уже была открыта, и на пороге стоял Аскалон.

Я так резко остановилась, что ладонь сама легла на перила; уколы от вчерашнего шитья отозвались в пальцах, напомнив о нашем разговоре в кабинете раньше, чем я успела решить, что именно чувствую от его появления.

Герцог был одет почти так же, как несколько часов назад, только поверх безупречного костюма появился тёмный дорожный плащ.

В его собственном кабинете высокий рост и широкие плечи казались частью той роскоши, к которой он привык, а в нашей тесной прихожей Аскалон занимал столько пространства, что дом вдруг показался мне ещё меньше. Я невольно увидела его глазами выцветшие обои, потёртый коврик возле двери и старую вешалку, которую Алвиш обещал заменить ещё прошлой зимой.

Аскалон не прошёл дальше порога сразу. Его взгляд медленно прошёл по прихожей, задержался на стене возле лестницы, где из-за сырости начала осыпаться штукатурка, а потом опустился к тазу, который я утром поставила под протекающий угол и так и не успела убрать.

Жар поднялся от шеи к лицу: после всего, что он сказал мне о выдуманной нищете, меньше всего на свете хотелось показывать этому человеку наш дом.

Алвиш шагнул вперёд, закрывая собой часть прохода, и заговорил с братом жёстко, почти не оставляя ему возможности сделать ещё один шаг внутрь:

— Что тебе нужно? — жёстко спросил Алвиш, оставаясь поперёк прохода.

Глава 16

Аскалон перевёл взгляд с облупившейся стены на брата. Он не повысил голос и не попытался отодвинуть Алвиша, но после кабинета я уже знала, насколько опасным становится его спокойствие, когда он уверен в собственной правоте.

— После её ухода я проверил последние переводы тебе, — произнёс герцог, снимая перчатку с одной руки медленным, аккуратным движением. — И теперь хочу понять, почему женщина, которую я, по твоим отчётам, полностью содержу вместе с ребёнком, пришла ко мне просить деньги на врача. Мои пальцы сильнее сжали перила. Ещё наверху Алвиш предупредил, что брат начнёт с переводов и бумаг, и первые же слова Аскалона будто подтверждали его правоту.

Благодарность к мужу вспыхнула во мне почти болезненно, когда Алвиш не отступил ни на шаг и ответил брату с такой злостью, будто тот оскорбил не меня, а его самого:

— Она просила у тебя деньги на врача для твоей племянницы, — резко ответил Алвиш, не отступая от лестницы. — А ты вместо помощи унизил её и выставил за дверь. Если приехал продолжить, разворачивайся. Напряжение в плечах чуть отпустило: Алвиш говорил за меня то, что я сама несколько часов пыталась доказать Аскалону, и на секунду мне снова стало легче стоять между ними.

— Да ты что? — заметил Аскалон. — Неужели? После того, что я увидел, мне становится понятно, почему я должен срочно уехать.

Сверху донёсся слабый детский стон. Я сразу повернула голову к лестнице, привычно прислушиваясь, не последует ли кашель или плач, а Аскалон замолчал на полуслове и тоже посмотрел вверх.

— Это Айталине? — спросил герцог, и его голос впервые за всё время нашего знакомства изменился не от раздражения: он стал короче и внимательнее, словно всё остальное в прихожей на секунду потеряло значение.

Алвиш тут же шагнул к основанию лестницы и перекрыл проход собственным телом.

— Не поднимайся к ней, — жёстко произнёс Алвиш, оставаясь поперёк лестницы. — Тайе плохо. Если хочешь разговаривать — говори со мной.

Я уже хотела поддержать мужа, но Аскалон посмотрел мимо него на меня, всё ещё стоящую на последних ступенях, и спросил без прежней насмешки:

— Лекарство, которое я оплатил несколько дней назад, здесь? Я хочу увидеть пузырьёк, о котором ты говорила в моём кабинете.

От одного упоминания лекарства во рту снова появился горький привкус. Я вспомнила, как Тайе стало хуже после дешёвого настоя, и злость оказалась сильнее желания держаться от Аскалона подальше.

— Здесь, наверно, — ответила я, опираясь ладонью на перила и глядя прямо на герцога. — Если хотите ещё раз убедиться, что я не придумала дешёвый настой, посмотрите сами. Я вам говорила, что доктор осмотрел пузырьёк и не понял, зачем такое вообще дали ребёнку с её симптомами.

Алвиш резко повернулся ко мне и впервые за вечер попытался остановить меня не объятием и не объяснением, а приказом:

— Югетта уже показала тебе достаточно, — отрезал Алвиш, удерживая место перед лестницей. — Оставь её в покое.

— После того, что я только что увидел, это вряд ли, — произнёс Аскалон.

Глава 17

Алвиш ничего не ответил, только остался между братом и лестницей, и я снова приняла это за попытку защитить нас.

Я спустилась с последней ступени, потому что теперь уже сама хотела, чтобы этот спор закончился хоть одним фактом, который Аскалон не сможет назвать спектаклем.

— Нет, пусть посмотрит, — возразила я мужу, удерживая ладонь на перилах, пока не почувствовала под ногами ровный пол. — Может быть, хотя бы тогда он перестанет называть меня лгуньей. Я устала объяснять человеку очевидное и слышать в ответ, что всё подделала заранее.

Аскалон снял вторую перчатку и остался у двери, не пытаясь пройти мимо брата силой. Его взгляд ещё раз скользнул по прихожей, по старой мебели и влажному пятну у стены, а затем вернулся к Алвишу.

В кабинете эта внимательность казалась частью его презрения; здесь она выглядела иначе — не мягче и не добрее, просто сосредоточеннее, словно он впервые видел не мои слова, а пространство, в котором они должны были быть ложью.

Алвиш заметил этот взгляд и приблизился к брату ещё на полшага, окончательно закрывая ему лестницу.

— Ты никуда не пойдёшь, — произнёс он, и в его голосе появилась та жёсткость, которую я всегда принимала за способность защитить нас обоих. — Если приехал ругаться, ругайся со мной. Югетту и ребёнка оставь в покое и уезжай.

Аскалон даже не попытался спорить с ним силой; только сунул перчатки в карман плаща и ответил настолько спокойно, что у меня снова напряглись пальцы на перилах:

— Прекрасная мысль. Тогда действительно начнём с тебя.

Из того же кармана он достал сложенный лист и развернул его на старом столике возле двери.

Я узнала бумагу по плотности и ровным строкам ещё до того, как смогла прочитать написанное. Такими же счетами герцог несколько часов назад доказывал, что я покупаю изумруды, шёлк и игрушки, которых никогда не видела. Алвиш тоже посмотрел на лист, и его лицо изменилось так резко, что на этот раз я не успела придумать для него удобного объяснения. Ладонь на перилах стала влажной. Я переставила пальцы и сразу почувствовала болезненный укол в одном из следов от иголки, но не отвела глаз от Алвиша.

Аскалон разгладил бумагу двумя пальцами и только после этого поднял глаза на младшего брата.

— Четыре дня назад я передал тебе пятьдесят тысяч золотых на содержание жены и лечение дочери, — произнёс он ровно, без прежних оскорблений и насмешки, и от этого слова прозвучали ещё тяжелее. — Сегодня твоя жена пришла ко мне просить десять тысяч и утверждает, что не получила ничего. Я хочу услышать объяснение от человека, которому передавал деньги.

Алвиш не ответил. Он стоял бледный между братом и лестницей, но теперь эта поза уже не казалась мне защитой: слишком неподвижными стали его плечи, слишком долго он смотрел на бумагу, а не на Аскалона.

Я перевела взгляд с мужа на герцога и впервые за весь день почувствовала не привычную уверенность, что один из них просто врёт, а страх перед тем, что ответ может существовать и без моей готовности его услышать.

Аскалон положил ладонь рядом со счётом так, будто не собирался позволить брату снова спрятаться за рассказами о чужой жадности, и спросил всё тем же спокойным голосом:

— Где пятьдесят тысяч золотых, Алвиш?

Глава 18

Алвиш открыл рот, но не произнёс ни звука. Его взгляд на мгновение метнулся к бумаге под рукой брата, потом ко мне, и только после этого он попытался улыбнуться так, будто вопрос Аскалона был очередной неприятностью, которую можно переждать.

— Я, кажется, спросил, где деньги, — произнёс Аскалон, не повышая голоса. Его взгляд стал ледяным, и от прежней раздражённой насмешки не осталось ничего: он больше не спорил и не доказывал, а ждал ответа от человека, которому четыре дня назад якобы передал пятьдесят тысяч золотых.

Я чувствовала себя странно. Сумма меня огорошила. Пока еще я видела перед собой только пятьдесят тысяч золотых. Это огромные деньги! Мне казалось, что в ушах я слышу звон монет, который мог спасти нашу дочь. Я сжала пальцы на юбке так сильно, что под ногтями заболела кожа. Восемь тысяч стоило лекарство, десять я просила у Аскалона, а пятьдесят тысяч четыре дня назад должны были пройти через руки моего мужа — от этой арифметики пересохло во рту, и пришлось несколько раз сглотнуть.

Алвиш медленно выдохнул и повернулся ко мне. Он встал так, чтобы оказаться между мной и братом, словно даже сейчас всё ещё пытался меня защитить, и заговорил мягче, чем несколько секунд назад:

— Югетта, поднимись к Тайе. Ей плохо, а мы с Аскалоном сейчас поговорим и разберёмся. Тебе незачем снова всё это слушать.

Ещё совсем недавно я бы послушалась. Наверху лежала моя дочь, и каждая минута вдали от неё казалась украденной, но теперь сто двадцать семь золотых, оставленные на столе возле её кровати, словно тянули меня назад за руку.

Четыре дня назад Алвиш якобы получил пятьдесят тысяч. Несколько минут назад он уверял, что весь день унижался и занимал деньги, чтобы привезти мне жалкую горсть монет. На ладонях ещё оставались красные полукружья от монет, которые я сжимала перед тем, как спуститься. Я провела по ним большим пальцем и поняла, что не смогу подняться к Тайе, пока не услышу, откуда взялись пятьдесят тысяч и почему из них до нас не дошло ничего.

— Нет, — медленно ответила я, оставаясь у лестницы. Голос прозвучал тише, чем мне хотелось, но уходить я не собиралась. — Я слишком долго не знала, сколько денег получает наша семья и куда они уходят. Я... я хочу услышать это.

Алвиш дёрнул щекой и тут же посмотрел на брата, будто ждал, что тот хотя бы сейчас поддержит его.

Аскалон не посмотрел на меня вообще. Он развернул принесённый лист, положил рядом ещё несколько бумаг и молча провёл пальцем по строчкам, оставляя моё решение без комментария.

— Аскалон, давай не здесь, — попросил Алвиш, приблизившись к нему. В голосе появилась осторожность, которой я прежде почти не слышала. — Тайя больна. Югетта на нервах. Выйдем, спокойно поговорим. Можно даже в твоей карете.

Он взял брата за предплечье и попытался развернуть к двери. Движение было почти дружеским, привычным между близкими родственниками, но Аскалон резко высвободил руку, и Алвиш отступил на полшага, будто не ожидал сопротивления. Резкое движение заставило меня вздрогнуть; локоть сам прижался к боку, и я впервые остро почувствовала, насколько тесной стала наша прихожая рядом с двумя разозлёнными драконами.

— Не трогай меня, — властным голосом произнёс Аскалон негромко и подтолкнул к нему верхний лист. — Ты утверждаешь, что этих денег не видел?

Глава 19

Алвиш торопливо возразил, уже не пытаясь вывести брата из дома:

— Я никаких пятидесяти тысяч не получал. Если твои люди что-то перепутали или записали не туда, разбирайся с ними. И, пожалуйста, не устраивай допрос у меня дома. Здесь больной ребенок... Лишний шум... он... он её тревожит...

Аскалон по-прежнему не смотрел в мою сторону. Он перевернул бумагу, нашёл нужную строку и постучал по ней указательным пальцем.

— Пятьдесят тысяч. Четыре дня назад. Получатель — ты. Подпись — твоя. Здесь подтверждение передачи, — произнёс Аскалон, не отрывая пальца от строки, а затем подвинул к брату остальные бумаги. — А это твои отчёты за прошлые месяцы. Тоже с твоими подписями. Какая именно часть здесь, по-твоему, перепутана? Или ты не стоял возле моего стола и не расписывался в получении этих денег?

Алвиш посмотрел на подпись. Кровь отхлынула от его лица так заметно, что даже губы стали светлее, но он всё ещё пытался удержать прежнее выражение раздражённого человека, которого несправедливо обвиняют. Я поймала себя на том, что растираю большим пальцем укол возле ногтя — тот самый, который утром показывала Аскалону как доказательство нашей бедности. Боль была крошечной и понятной; гораздо страшнее было смотреть на подпись мужа и видеть, как он бледнеет над ней.

— Я мог подписать бумаги, не проверяя каждую цифру, — произнёс Алвиш после паузы и потёр переносицу. — Ты сам завалил меня своими счетами и требованиями. Я... я не обязан помнить каждый лист, который твои люди суют мне под руку.

Аскалон посмотрел на брата поверх документов и едва заметно приподнял бровь.

— Какая удачная особенность памяти, — произнёс он почти вежливо. — Она отказывает ровно на тех листах, где ты распоряжаешься моими деньгами.

Аскалон вынул из сложенной пачки ещё несколько документов и разложил их на старом столике один за другим. Бумаги заняли почти всю потёртую поверхность, на которой утром стояла пустая корзинка для овощей, и от одного этого зрелища прихожая стала казаться ещё теснее.

— Эту подпись ты тоже поставил, не глядя? — спросил Аскалон, прижимая пальцем нижний край следующего листа. — И эту? А вот здесь ты лично подтверждаешь расходы на содержание дома. Здесь — на ребёнка. Здесь — на одежду жены. Здесь — на лекарство. Или мне продолжить?

Алвиш больше не отвечал сразу. Я смотрела на его лицо и впервые видела не злость на старшего брата, не привычную усталость от его жадности и не обиду младшего, которого всю жизнь держали без денег. Я видела, как он ищет слова.

Аскалон собрал бумаги в ровную стопку и только тогда произнёс, всё так же не глядя на меня:

— У меня в месяц на содержание вашей семьи уходит полмиллиона золотых.

Стена оказалась у меня за спиной раньше, чем я поняла, что отступила. Колени перестали держать, и я не упала только потому, что успела прижаться плечом к выцветшим обоям; ткань платья потянулась по штукатурке, пока я медленно сползала ниже и цеплялась пальцами за край деревянной панели.

— Полмиллиона? — переспросила я, с трудом узнавая собственный голос. Я смотрела не на Аскалона, а на мужа. — Каждый месяц?

Глава 20

Алвиш сделал ко мне шаг, но я выставила ладонь и заставила себя подняться. В голове почему-то всплыли не драгоценности из счетов, а мои долговые расписки: тонкие листки, сложенные в ящике возле кровати, суммы возле фамилий людей, перед которыми я каждый раз обещала расплатиться, как только Алвиш привезёт деньги.

Я развернулась и почти бегом поднялась по лестнице. Тайя по-прежнему лежала в жару, и на секунду меня пронзил стыд за то, что я ворвалась в комнату не к ней, а к маленькому ящику у стены. Пальцы плохо слушались; я вытащила связку расписок, прижатую старой лентой, проверила, что даты на месте, и вернулась вниз, сжимая бумаги так сильно, что края впились в ладонь.

— Вот, — сказала я, подойдя к Аскалону, и протянула ему связку. — Раз уж вам так нравятся документы, посмотрите на эти. Здесь всё, что я занимала. Даты, суммы, подписи. Я предлагала показать их ещё у вас в кабинете.

Аскалон взял расписки, не коснувшись моих пальцев. Он не извинился и не посмотрел мне в лицо, только развязал ленту и начал читать. Один лист, второй, третий. Его молчание тянулось так долго, что я слышала неровное дыхание Алвиша и слабый скрип бумаги между пальцами герцога.

Прочитав несколько расписок, Аскалон поднял глаза на брата. Ничего в его лице не изменилось, и от этого мне стало страшнее, чем если бы он снова ударил ладонью по столу.

— Это её долги, — заговорил Алвиш первым, и слова посыпались торопливее, чем раньше. — Ты сам видишь. Я приносил деньги домой, отдавал Югетте, а дальше хозяйством занималась она. Откуда мне знать, куда всё уходило? Она могла потратить, занять ещё, купить что-нибудь, о чём мне не сказала. Я не проверял каждый её шаг. Просто моя жена никогда не умела жить по средствам!

Я не сразу поняла, что услышала. Ещё наверху он держал меня за руки и убеждал, что Аскалон умеет делать виноватыми всех, кроме себя. Теперь муж говорил теми же словами, которыми старший брат несколько часов назад бил меня в своём кабинете: деньги были, а я их спустила.

— Что?! — опешила я, глядя на мужа.

Я разжала ладони и увидела четыре белых полумесяца от ногтей: всё это время я стискивала кулаки, сама того не замечая. От слов «она могла потратить» меня впервые затошнило не от страха за деньги, а оттого, что их произнёс человек, которому я ещё несколько минут назад плакала в грудь.

— Алвиш... — произнесла я севшим голосом. Имя вышло хрипло. Я сжала ладони, пытаясь остановить дрожь в пальцах. — Ты же сам только что сказал, что Аскалон нам ничего не давал.

На этот раз привычного объяснения не последовало сразу.

Глава 21

Муж метнул на меня взгляд, в котором просьба почти сразу сменилась раздражением.

— Я сказал, что он урезал нам содержание. И урезал. То, что он сейчас раскладывает здесь бумаги, ещё не означает, что все эти суммы доходили до меня так, как он рассказывает. А если что-то и доходило, я приносил домой. Ты сама вела хозяйство, Югетта. Не перекладывай теперь всё на меня!

Дрожь в пальцах вдруг исчезла. Я отступила от мужа на шаг и прижала ладонь к животу, потому что тошнота поднялась выше: он повторил обвинение уже спокойно, глядя мне в лицо, а привычное оправдание на этот раз не нашлось сразу.

Аскалон медленно положил мои расписки поверх своих отчётов. Он всё ещё не смотрел на меня и не пытался вмешаться между нами; его внимание оставалось приковано к брату, будто каждая новая фраза Алвиша была ещё одной подписью, которую тот ставил уже без чернил.

— Я вижу, что здесь обстановка не на полмиллиона в месяц! — произнёс Аскалон, и мягкость его голоса заставила Алвиша напрячь плечи.

— Я не знаю, куда она дела все эти деньги! Я вообще редко бываю дома, сам понимаешь! — продолжил Алвиш, и теперь оба мужчины смотрели на меня. — Я полагаю, что она отправляла их родственникам! Им постоянно нужно то одно, то другое...

— К-к-каким родственникам? — обалдела я. — Моим родственникам уже ничего не нужно, кроме цветов и памяти! У меня никого не осталось! Никого! Можете проверить!

Алвиш сорвался, но сразу понизил голос, словно испугался собственного крика:

— Это я уже проверил, не переживай, — заметил Аскалон. — Или ты думаешь, что я перед тем как приехать сюда не проверил информацию? После того, как она ушла, я посмотрел в окно. Она шла пешком. Сначала я подумал, что карету она где-то спрятала за углом, и отправил лакея проследить за ней. И когда он вернулся ко мне с докладом, я был очень удивлен, но не поверил.

Аскалон дождался, пока он договорит, и напомнил всё тем же ровным голосом:

— Теперь получается, что я содержал этот дом так, будто здесь каждый месяц меняли мебель вместе со стенами. А здесь вот это вот! — произнёс он, кончиком трости показывая на старые обои. — А где слуги?

— А их нет, — прошептала я. — Их нет уже несколько лет. Мы, к сожалению, не можем себе позволить иметь даже служанку. Поэтому всю работу по дому делаю я одна!

Аскалон замер, словно пытаясь представить это, но промолчал.

Алвиш сглотнул и снова посмотрел на бумаги, но теперь его страх уже было невозможно принять за братскую обиду. Он шагнул ближе к Аскалону и заговорил совсем тихо:

— Не делай из этого то, чем оно не является. Если Югетта не умеет распоряжаться деньгами, это наше, семейное дело. Послушай, кому ты веришь? Ей или мне? Я твой брат. Твой наследник. И да, с женой мне не очень повезло...

Глава 22

Последние слова ударили сильнее, чем полмиллиона. Я смотрела на мужа и не могла совместить человека перед собой с тем, кто несколько минут назад обнимал меня возле кровати больной дочери.

Айталила лежала наверху без врача, у меня в ящике копились расписки, а Алвиш, прижатый к стене цифрами, боялся прежде всего, что старший брат перестанет давать деньги ему.

Я машинально схватилась за тонкую цепочку на шее. Жемчужина — подарок Алвиша после рождения Тайи — впиалась в ладонь, и от этого маленького знакомого предмета стало почти больнее: я всё ещё носила на себе его подарок, пока он передо мной говорил о собственном содержании.

Аскалон ничего ему не ответил. Он повернул голову к двери и позвал поверенного так спокойно, будто решение принял намного раньше, чем озвучил его. Через несколько секунд мужчина появился с улицы и остановился у порога.

— Позовите сюда кучера моего брата, — распорядился Аскалон. В его голосе не было ни объяснения, ни просьбы; поверенный тут же распахнул дверь и вышел на улицу, исполняя приказ ещё до того, как Алвиш успел вмешаться.

— Зачем? — удивился Алвиш.

— Затем, что я здесь не просто так. Я хочу знать, куда уходили мои деньги.

Алвиш шагнул к двери, словно хотел остановить поверенного, и слишком резко спросил:

— Зачем тебе кучер? Брат, пожалуйста, прекрати... Я прошу тебя. Давай просто выйдем и поговорим. Я уверен, что мы все решим.

Аскалон сместился всего на полшага и оказался между ним и выходом. Старший брат открыл дверь, и я увидела на крыльце высокого сухого мужчину с папкой.

— Позови кучера, — приказал Аскалон, кивнув в сторону кареты мужа.

— Как прикажете, — ответил поверенный. И тут же, развернувшись, направился вниз по старым ступеням.

Кучер появился почти сразу. Мужчина остановился на пороге, снял шапку и сначала посмотрел на хозяина. Я тоже посмотрела на Алвиша, ожидая хотя бы сейчас увидеть на его лице прежнее возмущение, но муж так резко отвёл глаза, что кучер перевёл взгляд на Аскалона, а у меня снова неприятно ослабли пальцы.

Аскалон повернулся к кучеру, оставив его стоять у самого порога, и спросил без вступления:

— Куда ездит мой брат?

Кучер сжал шапку обеими руками.

— По делам, ваша светлость. Куда прикажет, туда и везу. Я человек служивый, мне не положено спрашивать, — произнёс кучер, глядя на Алвиша.

Глава 23

Аскалон выдержал паузу, разглядывая его так, что кучер начал мять край шапки между пальцами.

— Я не спрашивал, зачем он туда ездит. Я спросил, куда. Назови адреса, которые он посещает регулярно.

Кучер покосился на Алвиша и пробормотал, продолжая мять шапку:

— Да разные бывают, ваша светлость. По городу, к знакомым, по делам господина...

Я чувствовала чужую неловкость. Кучер словно искал ответ, бегая глазами то на Аскалона, то на хозяина.

Аскалон поймал этот взгляд и оборвал его негромко:

— На меня смотри. Если через минуту выяснится, что ты решил прикрыть хозяина ложью, разговаривать с тобой дальше буду уже не здесь. Поэтому подумай один раз и ответь правильно. Считаю до трех. Раз.

Кучер побледнел почти так же, как до него Алвиш. Я прижала пальцы к деревянной панели за спиной, потому что уже не хотела слышать следующий ответ и одновременно понимала, что теперь обязана его услышать.

Через несколько секунд кучер назвал улицу и номер дома, а Алвиш закрыл глаза и на мгновение мне показалось, что он едва не простонал.

— Бриллиантовая улица, дом с красной крышей. Он ездит туда постоянно!

Я вспоминала название улиц, которые были мне знакомы. Богачи жили на десятках улиц, названных в честь драгоценных камней. Это означало, что дом явно не бедный.

Край деревянной панели впился в основание большого пальца; я только тогда поняла, что всё ещё держусь за стену. Разжать руку получилось не сразу: пальцы свело от напряжения, пока я смотрела на закрытые глаза мужа и ждала, что он скажет, что кучер ошибся.

Аскалон не переспросил. Он повернулся к поверенному и отдал распоряжение так, словно всё остальное уже перестало требовать его внимания:

— Поезжайте по этому адресу. Узнайте, кто там живёт, и привезите сюда тех, кто живёт в этом доме. Всех. Это мой приказ. Так и передайте.

Алвиш рванулся к брату так резко, что поверенный отступил к двери. На этот раз в его лице не осталось ни раздражения, ни обиды, ни попытки выставить Аскалона жадным тираном. Он смотрел только на меня, и от этого взгляда холодно стало уже не от цифр.

— Не надо, брат, — попросил Алвиш, и голос у него сорвался. Он перевёл взгляд с Аскалона на меня и почти прошептал: — Прошу тебя...

Глава 24

— Вызывай доктора, — приказал Аскалон брату, даже не обернувшись к нему. — Немедленно.

Алвиш стоял возле двери, всё ещё глядя на поверенного, которому несколько минут назад приказали привезти обитателей дома с Бриллиантовой улицы. Его пальцы то сжимались, то разжимались возле застёжки плаща, и впервые за долгие годы я не могла понять, о чём думает мой муж. Ещё утром мне казалось, что я умею различать каждый оттенок его раздражения, усталости или тревоги, но теперь привычные объяснения рассыпались одно за другим. Мне хотелось схватить Алвиша за руку, заставить посмотреть на меня и наконец сказать, что происходит, однако сверху снова донёсся слабый стон Айталины.

От этого звука я мгновенно перестала чувствовать боль в пальцах, которыми всё ещё цеплялась за деревянную панель. Бриллиантовая улица, полмиллиона золотых, документы с подписями мужа и даже его попытка несколько минут назад обвинить меня в расточительности отошли куда-то далеко. Тайя лежала наверху, пока мы выясняли, кому принадлежали деньги, которых я никогда не видела, и от одной мысли, сколько времени уже потеряно, под рёбрами болезненно сжалось.

— Алвиш, пожалуйста, ей становится хуже. Вызови доктора. Сейчас, — попросила я мужа, глядя на него и уже не пытаюсь скрыть страх в голосе.

Он посмотрел на меня так, словно я потребовала чего-то совершенно невозможного. Потом отвёл глаза, потёр ладонью шею и задержал пальцы под воротником, как делал всякий раз, когда ему становилось тесно в собственной одежде.

— У меня нет с собой денег, — наконец произнёс Алвиш, и его взгляд скользнул мимо меня к лестнице. — Я же отдал тебе всё, что привёз. Ты сама считала.

Сто двадцать семь золотых. Я ещё чувствовала на ладонях красные полукружья от монет, которые несколько раз пересчитывала возле кровати дочери, надеясь, что усталость заставила меня ошибиться. Совсем недавно я собиралась снять с шеи последнюю жемчужину, подарок Алвиша после рождения Тайи, чтобы вместе с мужем наскрести хотя бы часть необходимой суммы. Теперь перед глазами стояла его подпись под документом о пятидесяти тысячах, а в ушах звучало недавнее обвинение, будто это я могла куда-то спустить полмиллиона.

— Ты только что сказал, что не знаешь, куда я дела полмиллиона, — напомнила я, чувствуя, как голос всё-таки дрогнул, и сжала пальцы на юбке, чтобы муж не увидел дрожи в руках. — Так, может быть, сейчас найдёшь хотя бы десять тысяч для собственной дочери?

Алвиш вздрогнул, будто я ударила не по его словам, а по чему-то гораздо болезненнее, и тут же бросил быстрый взгляд на старшего брата.

— Югетта, не начинай. Я ведь объяснил, что у меня ничего нет, — раздражённо попросил он и, словно ища более безопасную причину закончить разговор, кивнул на разложенные бумаги. — И потом, мы ещё не разобрались с этими проклятыми счетами.

— Я оплачу доктора, — произнёс Аскалон.

Глава 25

Он сказал это так спокойно, что я не сразу поняла смысл слов. За весь сегодняшний день я слышала от него угрозы, обвинения и оскорбления. Он называл меня лгуньей, предлагал продать несуществующие драгоценности, приказывал выставить из своего кабинета и смотрел

на мои заштопанные рукава так, словно я специально испортила хорошее платье ради убедительной роли нищенки. Теперь тот же человек стоял в нашей обшарпанной прихожей и предлагал именно то, о чём несколько часов назад я униженно просила его за огромным письменным столом.

— Что? — переспросила я, невольно поворачиваясь к нему всем корпусом.

Аскалон встретил мой взгляд. В его лице не появилось ни сочувствия, ни попытки смягчить сказанное прежде, однако впервые за весь день я не увидела и того привычного презрения, от которого в его кабинете хотелось спрятать исколотые иголкой пальцы.

— Я сказал, что оплачу врача и необходимые лекарства, — повторил он уже жёстче, словно необходимость объяснять очевидное раздражала его сама по себе. — Ребёнок не должен страдать, пока взрослые выясняют отношения. А теперь перестаньте терять время.

Слова благодарности застряли в горле. Я слишком хорошо помнила, как стояла перед ним, показывала старые швы на платье и просила всего десять тысяч, а он предпочёл поверить счетам на рубины и изумруды. Сейчас Аскалон не извинялся, не объяснял, почему изменил решение, и не просил меня забыть ни одного сказанного им слова. Он просто брал на себя расходы, которые отец Айталины, получавший огромные суммы на её содержание, оплатить не мог.

Я первой двинулась к двери, потому что стоять и разбираться в собственном отношении к Аскалону сейчас казалось почти преступлением.

— Я знаю, где принимает доктор. Если потороплюсь, успею застать его до вечерних визитов. Только нужно... — начала я, уже представляя знакомую дорогу и пытаясь прикинуть, сколько времени уйдёт на путь пешком.

После нескольких кварталов до дома и обратно ноги ныли в старых ботинках так сильно, что подошвы словно стали тоньше, но боль перестала иметь значение в тот момент, когда появилась возможность привести к Тайе врача.

— Куда вы собрались? — остановил меня Аскалон, и от его спокойного голоса я задержала руку на дверной ручке.

В его голосе не было прежнего презрения. Что-то изменилось — и я остановилась.

Глава 26

Я обернулась, всё ещё мысленно считая улицы между нашим домом и кабинетом доктора.

— За доктором. У меня нет служанки, чтобы послать её. И лакея тоже нет, — объяснила я, чувствуя странный стыд от необходимости снова проговаривать вслух то, что он уже увидел собственными глазами. — Я сама схожу, только дайте мне...

— Значит, сейчас за доктором отправится карета твоего мужа, — перебил Аскалон, обращаясь уже к брату. Его взгляд скользнул к окну, за которым всё ещё стоял экипаж Алвиша, словно решение давно было принято и обсуждению не подлежало. — С кучером. Пусть привезёт врача сюда. А вы, мадам, останьтесь дома. Разговор ещё не окончен.

Я почти возмутилась последней фразе. После сегодняшнего дня меньше всего хотелось выполнять ещё один приказ человека, который несколько часов назад выставил меня за дверь, но мысль о карете заставила проглотить ответ. Экипаж доставит доктора гораздо быстрее, чем мои больные ноги.

— Но я могу объяснить кучеру, куда ехать, — возразила я, всё ещё удерживая дверную ручку и боясь, что из-за очередного мужского спора мы потеряем драгоценные минуты.

— Объясните адрес. Ехать самой вам незачем, — отрезал Аскалон и открыл дверь раньше, чем я успела спорить дальше.

На крыльце всё ещё ожидал поверенный. Я назвала улицу, дом и фамилию доктора, несколько раз сбившись от спешки и возвращаясь к номеру дома, чтобы не допустить ошибку. Аскалон выслушал меня до конца, повторил адрес поверенному и распорядился отправить экипаж Алвиша, сразу добавив, что все расходы будут оплачены им.

— Если этого специалиста не окажется на месте, привезите другого, — велел он, и поверенный уже сделал шаг с крыльца, когда герцог остановил его ещё одной фразой: — Мне нужен человек, который разбирается в болезнях драконьей крови. И не возвращайтесь с объяснением, почему ничего не получилось.

Мужчина только поклонился и поспешил вниз по старым ступеням. Через несколько мгновений во дворе хлопнула дверца, кучер тронул лошадей, и быстрый стук копыт начал удаляться по улице.

Я провожала карету взглядом, пока её не скрыл соседний дом, а потом повернулась к лестнице. Наверху лежала моя девочка, и теперь, когда помощь наконец ехала к ней, ожидание вдруг стало почти физически невыносимым. Хотелось проверить лоб, дыхание, мокрое полотенце, убедиться, что за те несколько минут, пока я стояла внизу, ничего не изменилось.

— Я пойду к Тайе, — сказала я обоим мужчинам и уже поставила ногу на первую ступень, не собираясь спрашивать разрешения.

Аскалон не остановил меня. Он коротко кивнул и повернулся к брату, который всё это время стоял у стены, словно каждое новое распоряжение старшего отнимало у него ещё одну возможность управлять происходящим.

— А мы пока продолжим, — негромко сообщил герцог Алвишу, и от этой спокойной интонации мне снова захотелось оглянуться.

Я пошла наверх. Алвиш остался с братом — и впервые мне стало интересно, чего именно он так боится.

Глава 27

Я не стала слушать ответ мужа. Поднялась наверх, придерживаясь за перила, потому что после остановки ноги снова напомнили о долгой дороге тупой болью в ступнях, и почти бегом вошла в спальню.

Айталиня лежала на боку, поджав колени к животу. Маленькое лицо покраснело от жара, волосы прилипли к вискам, а губы едва заметно шевелились, словно она пыталась что-то сказать во сне и не могла набрать достаточно сил. Я опустилась рядом, осторожно коснулась её щеки и сразу почувствовала, как жар перешёл на мою ладонь.

— Тайя, моя хорошая, доктор уже едет, — прошептала я, убирая влажную прядь с её виска и стараясь, чтобы голос звучал так же уверенно, как раньше, когда достаточно было пообещать дочери, что мама всё исправит. — Ты только потерпи немного.

Она не открыла глаз, но слабо пошевелила пальцами. Я осторожно вложила в них свои и наклонилась ближе. Ещё недавно мне казалось, что самое страшное — не найти денег. Теперь деньги внезапно обнаружились в таком количестве, которое я не могла даже представить частью нашей жизни, а дочь всё равно лежала передо мной в жару, потому что между этими деньгами и её постелью годами стояло что-то, чего я пока не понимала.

Я сменила нагретую ткань на её лбу и снова намочила её холодной водой. Внизу слышались приглушённые мужские голоса. Иногда один становился громче, но разобрать слова через пол и закрытую дверь я не могла. Я и не пыталась. Пусть Аскалон хоть до ночи раскладывает перед братом счета и задаёт вопросы о Бриллиантовой улице. Сейчас для меня существовало только горячее детское запястье под пальцами и ожидание звука колёс.

Когда этот звук наконец раздался во дворе, я так резко обернулась к окну, что локтем задела миску. Вода выплеснулась на пальцы, холодная капля скользнула по запястью, а я уже слушала, как внизу открылась дверь и по лестнице торопливо поднимаются несколько человек.

Первым в спальню вошёл незнакомый мужчина с большим кожаным саквояжем. За ним появился Аскалон, а чуть дальше — Алвиш. Муж остановился у двери и не приблизился к кровати сразу; после всего услышанного внизу я невольно заметила эту дистанцию и сама придвинулась к дочери ближе.

— Где ребёнок? — спросил доктор, едва переступив порог, и уже на ходу расстегнул саквояж, увидев Айталину на кровати.

Я ещё не знала, что через несколько минут врач произнесёт слово, после которого в семье Эрланте изменится всё.

Глава 28

Я вскочила, освобождая ему место, и едва не наступила на миску.

— Здесь. Её зовут Айталина. Жар держится уже несколько дней, а сегодня стал сильнее, — заговорила я, стараясь не забрасывать врача лишними словами и одновременно боясь забыть хоть один симптом. — Она почти ничего не ест, плохо спит, жалуется, что болит всё тело. Иногда стонет даже во сне. Другой доктор сказал, что это может быть связано с драконьей природой Тайи.

Врач сел на край стула возле кровати, приложил ладонь ко лбу дочери, затем осторожно проверил её пульс и попросил меня немного откинуть одеяло. Я следила за каждым движением его рук, за тем, как менялось выражение лица, и замечала даже самые маленькие паузы. Несколько раз доктор хмурился, ощупывая руки и плечи Тайи, а у меня от каждого такого движения сильнее сжимались пальцы на складке собственной юбки.

Наконец он медленно выдохнул и снова взял Айталину за запястье.

— В девочке очень сильная драконья кровь, — произнёс доктор, внимательно глядя на ребёнка. — У детей драконов с сильной кровью иногда бывает подобное состояние. Чаше всего я видел его у мальчиков перед первым оборотом.

Мне понадобилась секунда, чтобы понять последнее слово. Я посмотрела на Тайю, на её маленькое горячее лицо и тонкую руку в ладони взрослого мужчины.

— Но она девочка, — напомнила я врачу, чувствуя, как внутри снова поднимается страх. — Вы хотите сказать, что она... что с ней происходит?

Доктор осторожно положил руку Айталины поверх одеяла и заговорил уже медленнее, словно сам не хотел торопиться с выводами.

— Именно поэтому случай необычный. У девочки я вижу такое впервые. Симптомы выглядят так, словно организм готовится к обороту, однако для женщины драконьих кровей это считается немыслимым. Поэтому, скорее всего, речь идёт о ложном обороте. Температура тела повышается, появляются боли, слабость, организм пытается начать процесс, который не может завершить. Все признаки у неё налицо.

Я машинально положила ладонь на грудь дочери, чувствуя под тонкой тканью частое дыхание. Слово «ложный» должно было успокоить, но меня пугало ещё сильнее: если тело Айталины пыталось сделать невозможное, я не понимала, как долго маленький ребёнок способен выдерживать такую борьбу.

Доктор посмотрел на меня поверх кровати и спросил уже с явной тревогой:

— Вы давали ей лекарство от ложного оборота?

Глава 29

Я сразу вспомнила мутную жидкость, которую несколько дней отмеряла дочери по каплям, уговаривая проглотить очередную ложку. Поднявшись, я подошла к шкафчику, достала оставшийся пузырёк и вернулась к врачу.

— Вот. Муж привёз его и сказал, что лекарство передал его брат, — объяснила я, протягивая флакон. — Я давала Тайе столько, сколько было написано. Но после него ей становилось только хуже.

Доктор взял пузырёк, повернул к свету, открыл крышку и осторожно понюхал содержимое. Выражение его лица изменилось настолько быстро, что я невольно подалась к нему ближе.

— Это не то лекарство, мадам, — произнёс он, ещё раз рассматривая жидкость, будто не верил даже собственным глазам. — Это вообще какая-то копеечная бурда. Дешёвый настой, который к ложному обороту отношения не имеет. Кто вам это дал?

У меня неприятно онемели пальцы. Этим настоем я несколько дней поила ребёнка, считая каждую дозу и боясь, что лекарство закончится раньше, чем Алвиш сможет достать следующее. Я вспомнила, как Тайя отворачивала лицо от ложки из-за неприятного вкуса, а я уговаривала её потерпеть, потому что папа привёз хорошее лекарство и оно обязательно поможет.

— Алвиш, — выговорила я и посмотрела на мужа. — Ты сказал, что это прислал Аскалон. Аскалон протянул руку к врачу, не сводя глаз с флакона.

— Дайте его мне, — потребовал он.

Доктор сразу передал пузырёк. Герцог медленно повернул его в пальцах, осмотрел стекло и крышку, а потом поставил на старый столик возле кровати рядом с Тайиной текстильной куклой.

— Это не то лекарство, которое я передавал. Даже флакон не тот. Мой был с золотой крышкой, — произнёс Аскалон и только после этого перевёл взгляд на брата. — Где то самое лекарство, которое я передавал для племянницы?

Алвиш провёл ладонью по лицу. Его пальцы задержались возле рта, и пауза показалась мне слишком долгой даже после всего, что происходило внизу.

— Лекарство разбилось. Случайно, — наконец ответил муж, стараясь говорить спокойно, хотя взгляд постоянно уходил от меня к Аскалону. — Я был в гостях, а там маленький ребёнок. Он случайно добрался до флакона и разбил его. Что я мог сделать?

Сначала я даже не поняла, почему именно слова о ребёнке ударили сильнее всего. Потом перед глазами возникла Айталиня, которой я несколько дней отмеряла бесполезную бурду, потому что настоящее лекарство для неё оказалось в чужом доме.

— Ты был в гостях с лекарством для нашей больной дочери? — спросила я, и собственный голос показался мне слишком тихим. Я сжала край одеяла так, что ткань натянулась между пальцами. — И там его разбил чужой ребёнок?

— Югетта, это был несчастный случай, — раздражённо отозвался Алвиш, словно опасность заключалась не в случившемся, а в том, что я неправильно его поняла. — Я не мог предвидеть, что он полезет к флакону. Он разбился, я купил замену и привёз домой. Я же не оставил вас вообще без лекарства.

Аскалон чуть повёл тростью по полу, будто отметил ещё один пункт в длинном списке.

— И в самом деле, — негромко произнёс он. — Ребёнок без лекарства не остался. Всего лишь без того, которое ей помогало. Мне уже интересно, существует ли объяснение, после которого всё это станет выглядеть ещё хуже.

Я посмотрела на дешёвый пузырёк возле куклы и не смогла ответить сразу. Все эти дни я считала Алвиша человеком, который сделал для нас хотя бы это: достал лекарство, привёз его дочери, снова попытался помочь, несмотря на жадность старшего брата. Теперь даже этот маленький кусок моей прежней правды оказался другим.

Доктор тяжело вздохнул, прерывая разговор прежде, чем я сумела найти слова.

— Конечно, вы сильно запустили ложный оборот, — произнёс он, снова коснувшись горячего лба Айталины. — Сейчас я посмотрю, у меня, кажется, есть это лекарство.

Глава 30

Я сразу повернулась к нему. Пока врач открывал саквояж и перебирал флаконы, мне хотелось самой залезть внутрь и искать вместе с ним, только бы не ждать. Я сидела возле кровати, держала Тайю за руку и следила за каждым движением, пока доктор наконец не достал из бокового отделения узкий пузырёк из тёмного стекла.

На крышке блеснуло золото.

Я невольно посмотрела на Аскалона. Он тоже увидел флакон, и линия его рта стала жёстче, но ни одного слова брату герцог не сказал.

— Повезло. Взял с собой, — произнёс доктор, проверяя надпись, и сразу потянулся за ложкой. — Мадам, приподнимите девочку. Несколько глотков сейчас, потом посмотрим на реакцию.

От облегчения у меня ослабли пальцы, и пришлось перехватить дочь увереннее. Я осторожно подняла Айталину, устроила её голову у себя на локте и прижала к груди. Она была горячей даже через ткань платья и слабо застонала, когда доктор поднёс ложку к губам.

— Тайя, нужно выпить, моя хорошая, — уговаривала я, поглаживая большим пальцем её влажный висок. — Совсем немного. Мама держит тебя, не бойся.

Она с трудом проглотила первый глоток, потом второй. На третьем поморщилась и попыталась отвернуться, но я снова тихо попросила её потерпеть. Мне всё ещё мерещился горький запах дешёвого настоя, которым я сама поила дочь, и от этого хотелось одновременно плакать и вырвать тот пузырёк из рук Алвиша, хотя он уже стоял на столе.

Доктор убрал ложку и велел уложить Айталину. Я осторожно опустила её на подушку, поправила одеяло и осталась сидеть рядом, удерживая маленькую ладонь обеими руками.

Первые минуты показались бесконечными. Я вслушивалась в дыхание дочери так пристально, что перестала замечать мужчин в комнате. Потом Тайя перестала тихо постанывать на каждом выдохе. Напряжённые пальчики начали расслабляться в моей ладони, дыхание стало глубже, а когда я коснулась губами её лба, жар уже не обжёг так сильно, как несколько минут назад.

— Сейчас она уснула. Ей стало легче, — произнёс доктор после очередной проверки и, заметив, как я пытаюсь понять по его лицу, можно ли наконец перестать бояться, сразу предостерёг:

— Но за её состоянием нужно следить. Ложные обороты могут часто повторяться. Это редкое состояние для дракона, но и такое бывает.

Глава 31

Я почти не слышала последние слова. Наклонилась к дочери, прижала её руку к губам и почувствовала, что кожа действительно стала прохладнее. Не холодной, не нормальной, но уже не той страшно горячей, какой была весь день. Слезы потекли по лицу сами, и на этот раз я не стала их вытирать.

— Спасибо, — прошептала я доктору, продолжая целовать маленькие пальцы. — Спасибо.

Айталинка спала так спокойно, что мне хотелось сидеть рядом и смотреть только на неё, однако какое-то движение у старого столика заставило поднять голову.

Аскалон взял Тайину куклу.

На фоне его крупной руки игрушка казалась ещё меньше и беднее, но форма сразу отличала её от обычных тряпичных кукол: вытянутое мягкое тело, длинные тонкие руки и ноги, крошечные глаза, вышитые тёмной нитью. Неровные швы выдавали домашнюю работу, волосы я когда-то сделала из толстых ниток распоротой накидки, а все мелкие детали намеренно оставила только вышитыми, чтобы Тайя ничего не могла оторвать. Мне вдруг стало неловко так, словно герцог снова рассматривал мои исколотые пальцы в своём кабинете.

Только теперь он не усмехался.

Аскалон медленно повернул куклу, посмотрел на неровно пришитую юбку, задержал взгляд на нитяных волосах и провёл большим пальцем возле одного из швов. Несколько часов назад он показывал мне счёт на игрушки стоимостью десять тысяч золотых и называл лгуньей, когда я сказала, что у Айталины есть всего одна кукла, сшитая мною из лоскутков.

Теперь эта кукла лежала у него в ладони.

Я ждала хотя бы одного слова, но Аскалон молчал. Он бережно поставил игрушку обратно на старый столик, причём поправил её так, чтобы она не завалилась набок, и отступил.

От этого осторожного движения мне стало гораздо тяжелее, чем от извинений, которых он всё равно не произнёс бы. Я не забыла ни его обвинений, ни приказа выставить меня за дверь. Но впервые увидела, как перед ним оказывается доказательство моей правды, которое нельзя объявить поддельной распиской или испорченным платьем.

Доктор тем временем закончил давать указания по уходу за ребёнком и закрыл саквояж.

— Сколько мы вам должны? — прошептала я, вспоминая, как боялась услышать сумму и мысленно готовила себя к тому, что придется выгрести последние деньги.

— С учётом лекарства... Двенадцать тысяч. Оно очень дорогое, — заметил доктор.

Глава 32

Двенадцать... Внутри что-то похолодело. Это было даже дороже, чем я предполагала.

Аскалон вынул из внутреннего кармана золотое перо, раскрыл небольшую чековую книжку и уточнил сумму. Герцог выписал чек без торга и лишних вопросов и протянул его доктору.

— Благодарю вас, — кивнул доктор, пряча чек себе в карман. — Следите за ее здоровьем. Понадобится несколько дней, чтобы она восстановилась.

— Она почти ничего не ест, — встревоженно прошептала я, кивая на миску с остатками бульона. Я хотела его доест, но потом подумала, что это будет кошунством. И решила побереечь его на вечер, чтобы разогреть. — Я готовлю ей бульон и осторожно вливаю... Совсем немного...

— Бульон — это хорошо. Продолжайте делать бульон. Думаю, завтра она сможет поесть сама. Лекарство давать утром и вечером. По одной столовой ложке. Этого будет достаточно.

Я смотрела на золотое перо в пальцах Аскалона и вспоминала, как сегодня утром просила записать очередной долг за лечение, считала монеты и решала, что можно заложить следующим.

Один и тот же врач, одно и то же лекарство, одна больная девочка — но стоило Аскалону назвать себя плательщиком, и вопрос денег исчез за несколько секунд.

Доктор поклонился герцогу и, прежде чем выйти, ещё раз попросил меня следить за температурой. Я проводила его взглядом до двери, а потом снова повернулась к дочери. Тайя спала, и я осторожно провела пальцами по волосам, не желая отпускать её руку даже теперь, когда опасность немного отступила.

Я взяла куклу со столика и положила рядом с дочкой. Она тут же схватила ее и прижала к себе, как единственное сокровище.

Аскалон дождался, пока шаги врача стихнут на лестнице. Затем посмотрел на дешёвый пузырёк, оставленный возле куклы, и перевёл взгляд на брата.

— Значит, флакон разбился, а ты решил... его заменить другим? Самым дешёвым? — спросил он так спокойно, что Алвиш дёрнул плечом сильнее, чем если бы на него закричали.

— Я в лекарствах не разбираюсь! Аптекарь сказал, что оно поможет! — резко произнёс Алвиш, защищаясь уже не от моего взгляда, а от брата. Он развёл руками, словно отсутствие знаний должно было закончить этот разговор. — Я откуда знаю, поможет оно или нет! Я же не аптекарь!

Я продолжала гладить дочку по голове, медленно проводя пальцами по влажным волосам, и снова поцеловала её руку.

Совсем недавно Алвиш уверял меня, что Аскалон специально прислал дешёвое лекарство, потому что не хотел тратиться на племянницу.

Сейчас настоящий пузырёк с золотой крышкой стоял на столе. Тайя впервые за весь день спокойно спала, а муж возмущался тем, что не обязан разбираться в лекарствах.

Я подняла на него глаза, но спросить ничего не успела.

Во дворе снова застучали колёса.

Звук приближался. Он становился всё медленнее и громче. Экипаж остановился возле самого дома. Внизу хлопнула дверца, слышались чужие голоса и шаги. Я почувствовала, как пальцы Алвиша, до этого лежавшие вдоль тела, резко сжались, и только тогда вспомнила о поверенном, которого Аскалон отправил на Бриллиантовую улицу.

— Сюда, мадам! — слышался голос, а я замерла. Мадам? Что за мадам?

Глава 33

Шаги начали подниматься по лестнице.

Алвиш не двинулся к двери. Он стоял у стены и смотрел в коридор, а лицо постепенно теряло остатки краски.

Я крепче накрыла ладонью руку дочери, хотя Тайя продолжала спокойно спать. Несколько минут назад я хотела знать, кто живёт в доме с красной крышей, но теперь, увидев выражение лица мужа, впервые испугалась ответа.

В дверном проёме появилась женщина.

Она остановилась на пороге и брезгливо оглядела спальню, словно запах бедности можно было почувствовать сразу после входа. На ней было невероятно красивое платье из дорогой ткани, идеально лежавшей по фигуре. Я невольно опустила взгляд на собственные перелицованные рукава, но почти сразу снова посмотрела на незнакомку, потому что увидела то, от чего пальцы перестали двигаться в волосах дочери.

Изумрудные серьги.

Крупные камни покачивались у шеи женщины и вспыхивали зелёным при каждом движении. Я никогда прежде не видела эти украшения, но всё равно узнала их по чужому описанию так же быстро, как утром узнала собственную нищету в счетах на роскошь.

«Серьги с изумрудами. Гроздь. Дорогая работа, камни отличного качества. Ты ещё жаловалась, что оттенок тебе не подходит».

Голос Аскалона из утреннего кабинета прозвучал в памяти настолько отчётливо, что я невольно посмотрела на него. Герцог тоже смотрел на серьги, и по тому, как неподвижно стало его лицо, я поняла: совпадение заметила не только я.

Женщина тем временем увидела Алвиша. Её брезгливость мгновенно сменилась раздражением.

— Алвиш! — произнесла она, шагнув в комнату и даже не удостоив меня взглядом. — А теперь объясни, зачем нас притащили в эту дыру!

Слово «нас» зацепилось в сознании, пока я смотрела на изумруды возле её шеи. Я машинально перевела взгляд к двери, пытаясь понять, кого ещё привезли из дома на Бриллиантовой улице.

За юбкой женщины прятался мальчик. Примерно того же возраста, что и Тайя.

На нём был красивый костюм, такой дорогой и аккуратный, что рядом со старой спальней он выглядел почти так же неуместно, как её платье. Ребёнок держался пальцами за материнскую юбку и настороженно смотрел на незнакомых взрослых.

Я посмотрела на него, потом на Алвиша.

И только тогда я заметила сходство. Та же линия бровей, тот же разрез глаз, тот же упрямый изгиб губ. Мальчик был настолько похож на Алвиша, что вопрос, чей он сын, даже не успел возникнуть.

Муж не произнёс ни слова.

Его взгляд метнулся к женщине, затем к мальчику и остановился на мне. Я всё ещё сидела возле кровати нашей дочери, прижимая к губам её руку, а напротив стоял чужой ребёнок в дорогой одежде рядом с женщиной, носившей серьги стоимостью в лечение нашей дочери.

Аскалон первым нарушил тишину. Он сделал шаг вперёд, оказавшись между вошедшей женщиной и кроватью Айтилины, и холодно произнёс:

— Мадам, вас позвал не мой брат, а я. И сейчас я хочу выяснить, кто вы такая?

Глава 34

Женщина ещё несколько мгновений смотрела на Алвиша с раздражением, словно собиралась продолжить выяснять, зачем её привезли в наш дом, но затем перевела взгляд на Аскалона.

Перемена произошла мгновенно. Брезгливо поджатые губы расправились, спина выпрямилась, а недовольство исчезло с красивого лица так быстро, будто его никогда и не было.

Несса придержала юбку и присела перед герцогом в глубоком реверансе, при котором изумрудные серьги качнулись и снова вспыхнули зелёным.

— Я — мама наследника дома Эрланте, Несса Элейн, — представилась она с улыбкой, в которой теперь не осталось ни капли прежней надменности, и тут же положила ладонь на плечо мальчика. — А это мой сын Алорн. Алорн, поклонись, как я учила!

Слово «наследника» я услышала отчётливее собственного имени.

Мои пальцы разжались на руке Айтилины, и её маленькая ладонь чуть соскользнула по одеялу. Я тут же поймала её, прижала к себе обеими руками, но вернуть прежнюю чувствительность пальцам не получилось.

Передо мной всё ещё покачивались изумруды, которые утром существовали только на счетах Аскалона, рядом стоял ребёнок в дорогом костюме, а женщина, которую мой муж пытался не допустить в этот дом, называла себя матерью наследника Эрланте.

Не любовницей. Не случайной женщиной, о которой он мог бы соврать ещё что-нибудь. Матерью его сына.

Воздуха в спальне вдруг стало мало. Я втянула его через рот, чувствуя, как сухость царапает горло, и перевела взгляд на Алвиша.

Мне всё ещё хотелось увидеть хоть что-нибудь, за что можно зацепиться: возмущение, отрицание, попытку сказать, что женщина сошла с ума, что ребёнок не его, что я снова неправильно поняла происходящее.

Совсем недавно я находила для мужа объяснение каждому его взгляду и каждой паузе. Сейчас он стоял возле стены, бледный и молчаливый, и впервые не помогал мне придумать ни одного.

Алорн тем временем отпустил материнскую юбку и сделал неловкий детский поклон. Он явно старался выполнить всё правильно: выпрямился слишком старательно, опустил голову и после этого сразу поднял глаза на мать, проверяя, довольна ли она. От этого стало ещё хуже.

Передо мной не было никакого врага, которого можно ненавидеть вместо Алвиша. Просто мальчик примерно возраста моей дочери, которого взрослые привезли в незнакомый дом и заставили кланяться людям, которых он видел впервые.

А потом его мать улыбнулась Аскалону и представилась. Одно слово в её фразе перечеркнуло всё, во что я верила о своём браке.

Глава 35

— Для меня большая честь познакомиться с вами, ваше сиятельство, — продолжила Несса, обращаясь уже только к Аскалону. Она снова улыбнулась и слегка подтолкнула сына к себе, словно показывала герцогу особенно удачное приобретение.

Аскалон ничего не ответил.

Он смотрел сначала на женщину, потом на ребёнка, и его молчание заставляло Нессу улыбаться всё менее уверенно. Я же не могла оторвать взгляда от мальчика.

Вот куда уходили деньги.

Изумрудные серьги были здесь. Дорогая одежда ребёнка — здесь. Дом на Бриллиантовой улице, куда Алвиш ездил постоянно, тоже наконец обрёл хозяев. Даже его сегодняшнее признание, что он редко бывает дома, теперь звучало иначе.

Я сидела ночами возле больной дочери, считала монеты, латала одежду и ждала мужа, который якобы уезжал искать деньги в приличном костюме и с приличной каретой, потому что иначе с ним никто не будет иметь дело.

Сегодня я сама просила у него хоть сколько-нибудь на врача и поверила, что сто двадцать семь золотых — всё, что он сумел достать после целого дня унижений.

А он ездил к другой семье. К женщине в изумрудах, которые были предназначены мне.

К мальчику в одежде, купленной на деньги, которые Аскалон должен был отдать на содержание меня и Тайи.

Но хуже всего оказалось даже не это. Несса назвала сына наследником так естественно, будто его место давно было определено и обсуждалось без меня.

Я посмотрела на спящую Айталину. Несколько минут назад доктор говорил о сильной драконьей крови, о странном ложном обороте, которого никогда не видел у девочки, а всю её жизнь я слышала совсем другое: род продолжает мужчина. Я родила дочь там, где ждали мальчика.

И Алвиш обеспечил себе мальчика.

Аскалон наконец перевёл взгляд с ребёнка на младшего брата и спросил негромко:

— Это твой сын? — хрипло спросил глава семьи. Герцог не повысил голоса, но пальцы на набалдашнике трости медленно сомкнулись, и Алвиш, заметив это движение, будто приготовился защищаться ещё до ответа.

— Да, это мой сын, — произнёс муж, и после нескольких минут страха в его голосе неожиданно появилась гордость. Он шагнул к Алорну и положил ладонь мальчику на плечо, словно само прикосновение давало ему право говорить увереннее. — Это будущее нашего рода. Я не хотел пока тебе рассказывать. Думал, пусть он немного подрастёт, и тогда официально представлю его тебе.

Глава 36

У меня болезненно свело пальцы вокруг Тайиной ладони. Столько времени я верила, что Алвиш унижается перед старшим братом из-за нас, терпит его жадность, пытается сохранить нашу семью и ждёт того дня, когда всё изменится. Оказалось, у мужа действительно был план на будущее. Просто в этом будущем рядом с ним стоял другой ребёнок.

— Правда, он замечательный? — с гордой улыбкой вмешалась Несса и провела ладонью по аккуратно уложенным волосам сына.

Алорн немного смутился и снова спрятался ближе к матери. Его дорогой рукав оказался совсем рядом с её платьем, а я невольно опустила глаза на Айталину: на тонкую рубашку, которую сама чинила, на одеяло и на необычную текстильную куклу возле пузырька с лекарством.

Совсем недавно эта кукла лежала в ладони Аскалона как доказательство того, что счёт на игрушки стоимостью десять тысяч был ложью.

Теперь я знала, для какого ребёнка эти игрушки могли оказаться правдой.

Тошнота снова поднялась к горлу. Я осторожно положила руку дочери поверх одеяла и сжала край матраса, потому что вставать не решалась. Ноги и без того ощущались ненадёжными после слов о полумиллионе, а теперь к цифрам добавилось лицо мальчика, которого муж назвал будущим нашего рода.

Аскалон медленно провёл взглядом по дорожному платью Нессы, задержался на изумрудных серьгах, потом посмотрел на костюм Алорна. Когда он снова заговорил, голос остался ровным, но пальцы на трости так и не разжались:

— Значит, вот куда уходили деньги.

Несса перестала улыбаться и невольно повернула голову к Алвишу. Муж же, наоборот, будто наконец услышал обвинение, на которое давно придумал ответ. Он убрал руку с плеча мальчика и выпрямился.

— А я считаю, что это правильное вложение, — произнёс Алвиш уже гораздо увереннее. Он говорил с братом, но на слове «вложение» у меня сжалось горло так, словно речь шла не о двух живых детях, а о том, какой из них выгоднее содержать. — Девочка — это, конечно, хорошо. Но с девочкой род угаснет. Она выйдет замуж, сменит фамилию. К тому же она не оборотная, и родовая магия вряд ли будет ей доступна. Наш род сильно потеряет, если у нас не будет мужчины-наследника. Мальчику нужны лучшие гувернеры, лучшее образование, больше возможностей!

Глава 37

Я смотрела на его профиль и всё ждала, что он хотя бы один раз посмотрит на кровать.

На собственную дочь. На ребёнка, который несколько часов назад горел от жара, потому что её отец привёз вместо дорогого лекарства копеечную бурду. На девочку, которой не хватало денег на врача, пока её брат жил на Бриллиантовой улице.

Мне хотелось услышать хоть какое-нибудь исключение, хоть одно слово о том, что Тайю он тоже любит, что всё получилось ужасно, но он не хотел причинить ей вред.

Алвиш говорил о ней как о неудачном вложении, которое не сможет продолжить род.

От боли в груди стало трудно дышать. Я наклонилась к Айтилине и провела пальцами по её волосам, потому что больше не знала, куда деть руки. Тайя спокойно спала после лекарства и ничего не слышала, и впервые за этот день я была благодарна хотя бы за это.

Аскалон молчал. Тишина расплзалась по комнате, пугая и настораживая.

Он смотрел на Алорна так долго, что Несса нервно поправила ладонью юбку. Потом его взгляд снова скользнул к кровати, к кукле, к дешёвому пузырьку, оставленному рядом с настоящим лекарством, и вернулся к младшему брату. Дерево трости едва слышно скрипнуло под его пальцами.

Я почувствовала, как внутри окончательно проваливается последняя надежда.

Алорн был мальчиком. Сыном дракона. Тем самым ребёнком, которого столько лет ждали от меня.

Если Алвиш всё это делал ради наследника, если именно так устроены законы рода, то теперь у него было оправдание, которое мог понять даже Аскалон. Муж украл деньги, солгал мне, оставил Тайю без лечения, но привёл в мир мальчика, который однажды получит имя, магию и всё то, чего моя дочь получить не могла.

Аскалон медленно повернул голову к брату.

— А второго ребёнка, получается, обеспечивать не надо? — спросил он, и в его голосе появилась такая холодная отчётливость, что Алвиш перестал выглядеть уверенным. Герцог кивнул в сторону кровати, не отводя от него глаз. — То есть это не твоя дочь, верно?

— Ты сам хотел наследника! — резко напомнил Алвиш и снова положил ладонь на голову сына, словно мальчик был единственным доказательством, которое ему требовалось предъявить.

Аскалон посмотрел на эту руку.

— Как интересно получается, — произнёс он медленно, и теперь в комнате стало так тихо, что я слышала дыхание Тайи. — Твоя жена и дочь живут в нищете, пока ты содержишь другую семью. Ты приходишь домой и врёшь жене в глаза, что я не давал денег. Покупаешь больному ребёнку самое дешёвое лекарство вместо того, которое я передал. Твоя дочь играет с единственной куклой, сшитой из старых тряпок, пока твой сын купается в роскоши и окружён дорогими игрушками.

Алвиш открыл рот, собираясь возразить, но Аскалон не дал ему вставить ни слова. Только сейчас я физически почувствовала власть главы рода.

Последняя сдержанность сорвалась с его лица, и голос ударил по тесной спальне так резко, что я невольно втянула голову в плечи и прикрыла ладонью руку дочери.

— Это как вообще понимать?! — закричал герцог, шагнув к брату. Трость с силой ударила наконечником о пол. — Тебе плевать на жизнь твоей законной жены и дочери, пока у тебя есть любовница и сын!

Глава 38

Несса заметно побледнела. Её пальцы метнулись к серьге, но она тут же одёрнула руку, словно только сейчас вспомнила, какие именно украшения носит. Алорн испуганно прижался к её юбке.

Аскалон увидел движение мальчика первым. Я заметила, как его взгляд опустился на детские пальцы, стиснувшие дорожную ткань, и ярость на его лице не исчезла, но направление её изменилось.

— Мальчик, отойди, — произнёс герцог уже тише и сделал шаг к Нессе. Алорн тут же спрятался за матерью сильнее, и Аскалон остановился, не приближаясь к нему. — Ты не виноват, что у тебя мать — подстилка, а отец — идиот. Поэтому разговаривать я буду с ними, а не с тобой.

— Как ты смеешь называть Нессу подстилкой! — взревел Алвиш и рванулся вперёд так резко, что заслонил собой женщину и ребёнка.

Я вздрогнула от его голоса сильнее, чем от крика Аскалона. Несколько часов назад этот мужчина обнимал меня у той же кровати, гладил по волосам и просил не бояться. Теперь он встал перед другой женщиной точно так же, как раньше вставал между мной и кредиторами, закрывая Нессу собственным телом.

Этого оказалось достаточно, чтобы мне больше не требовалось никаких доказательств.

Аскалон окинул Нессу взглядом с головы до ног. Его глаза задержались на изумрудных серьгах, и угол рта дёрнулся, но в этом движении не было даже намёка на улыбку. Трость поднялась. Кончик трости скользнул вдоль края воротника и поддел одну из роскошных изумрудных серёг. Всё это время Несса стояла, боясь пошевелиться.

— А кем её назвать? — спросил он у брата с холодным недоумением, будто действительно предлагал подобрать более точное слово. — Женщина лезет в постель к женатому мужчине, зная, что он женат. Женщина, которая знает, что где-то голодает его семья, при этом тратит деньги направо и налево. Кто она?

Несса вспыхнула пятнами от шеи до щёк и окончательно спряталась за плечом Алвиша. Муж тут же шагнул так, чтобы закрыть её ещё надёжнее.

— Мать наследника, — резко произнёс Алвиш, повысив голос именно на последнем слове. Он оглянулся на Нессу, словно проверяя, что она за его спиной, и снова повернулся к брату. — И попрошу выбирать выражения!

— Ты знаешь, как я отношусь к посторонним связям, добрым отношениям и внебрачным детям! — холодно произнес Аскалон.

— Это все потому что ты никогда ничего не чувствовал. Не было у тебя такого, чтобы ты сходил с ума от женщины, — проворчал Алвиш.

Трость в руке Аскалона замерла.

Он несколько секунд смотрел на Алвиша так неподвижно, что даже тот постепенно перестал кричать. В комнате всё ещё пахло лекарством и остывшим бульоном, у кровати лежала моя единственная дочь, а возле двери стоял мальчик, ради которого, как оказалось, муж считал допустимым оставить её без всего.

— Ты мне будешь диктовать, кто здесь наследник? — спросил Аскалон негромко, но так, что я почувствовала вес каждого слова.

Алвиш вскинул подбородок. Рядом с испуганной Нессой и сыном он вдруг снова обрёл ту уверенность, которой лишился внизу перед документами, словно наконец добрался до единственного довода, способного оправдать и деньги, и ложь, и этот дом на Бриллиантовой улице.

— Если память мне не изменяет, в документах всё сказано предельно чётко, — произнёс он, положив ладонь Алорну на плечо и уже не пытаясь скрыть вызов в голосе. — Старший оборотный дракон является наследником семьи. Девочка не оборотная. А мой сын вот-вот начнёт оборачиваться!

Глава 39

Последние слова Алвиша повисли в спальне, и мне показалось, что даже тихое дыхание Айтилины стало слышнее.

Муж по-прежнему держал ладонь на плече Алорна, словно хотел не просто представить сына Аскалону, а закрепить за мальчиком место, которое уже мысленно ему отдал.

Алорн поднял голову к отцу и осторожно потянул его за рукав. Все взрослые говорили о наследстве, оборотах и родовой магии, а он явно устал стоять среди незнакомых людей и ждать, когда ему снова разрешат стать ребёнком.

— Папа, а ты купишь мне лошадку? Ты обещал, — спросил мальчик, прижимаясь плечом к Алвишу и поглядывая на него снизу вверх.

Ладонь мужа тут же прошлась по волосам сына. От этого простого движения у меня сжалось горло: несколько минут назад Алвиш объяснял, почему на Тайю можно было тратить меньше, а теперь ласково гладил мальчика, ради которого считал такое решение правильным.

— Конечно, куплю. Обязательно куплю, — пообещал Алвиш с такой мягкостью, какой в последние часы не находил ни для меня, ни для больной дочери. — Я ведь обещал тебе.

Сто двадцать семь золотых.

Именно столько он сегодня высыпал мне в ладони и сказал, что больше достать не смог. Я смотрела на дорогой костюм мальчика, на руку мужа у него на голове и думала о том, сколько стоит лошадка. Не потому, что хотела отнять её у Алорна. Ребёнок не был виноват в том, как Алвиш распорядился нашими жизнями. Просто несколько часов назад я собиралась продать последнюю жемчужину, чтобы оплатить врачу хотя бы часть визита, а сейчас мой муж без колебаний обещал другому ребёнку подарок, который явно не собирался покупать на сто двадцать семь золотых.

Аскалон проследил за рукой брата, скользнувшей по волосам мальчика, и только потом заговорил. Его голос снова стал тем самым тихим и ровным, от которого в кабинете мне хотелось отступить от стола, но теперь каждое слово предназначалось не мне. И какая-то часть души радовалась этому.

— Как бы то ни было, в девочке тоже течёт кровь нашего рода, — произнёс герцог, чуть повернув голову в сторону кровати. — И то, что она родилась девочкой, не означает, что ты можешь вычеркнуть её из списка своих детей.

Я не сразу поняла, почему у меня защищало глаза. Наверное, потому что весь сегодняшний день рядом с Айтилиной звучало одно и то же слово — «наследник», и каждый раз оно будто объясняло, почему ей досталось меньше. Я слишком долго привыкала к мысли, что подвела мужа, родив не того ребёнка, которого от меня ждали, а теперь человек, которого я утром считала самым жестоким представителем этой семьи, говорил о Тайе так, словно её право быть Эрланте вообще не требовало доказательств.

И я поняла: защищать Тайю Аскалон собирался не только словами.

Глава 40

Аскалон перевёл взгляд на Алвиша и продолжил уже жёстче:

— Да, она не сможет стать главой дома, если не сможет оборачиваться. Но это не значит, что отец не обязан о ней заботиться. Твой поступок по отношению к жене и дочери отвратителен. Если приличный мужчина вдруг решил завести любовницу, его семья не должна от этого страдать. И уж точно он не отнимает лекарство у собственного ребёнка, чтобы содержать другую семью.

Несса дёрнулась за плечом Алвиша, а муж мгновенно напрягся. Он убрал ладонь с головы сына и повернулся к брату так резко, что мальчик отступил ближе к матери.

— Она не подарила мне сына! — возмутился Алвиш, указывая на меня так, будто именно я была причиной всего, что происходило в комнате. — Югетта сама отказалась рожать ещё одного ребёнка! Если бы она согласилась на сына, всё было бы иначе!

У меня задрожали руки. Пальцы сами легли ниже живота, туда, где и сейчас иногда начинало тянуть после долгого дня или тяжёлой работы.

После рождения Тайи эта боль не ушла до конца. Я научилась не замечать её, потому что рядом был младенец, а денег на врача, который должен был продолжить лечение, как уверял меня Алвиш, у нас больше не было. И теперь муж называл это моим отказом.

— Отказалась, говоришь? — произнесла я сломанным голосом. Я попыталась вдохнуть глубже, но воздух застрял где-то под грудью, и голос сорвался раньше, чем я успела его удержать. — Ты... ты называешь это отказалась? Я после родов неделю встать не могла, Алвиш! Неделю! Я ползала по комнате, ходила по стеночкам, согнувшись, потому что у нас не было денег даже на служанку. У меня до сих пор болит низ живота, потому что дорогой доктор ушёл сразу после того, как все узнали, что у нас девочка!

Я уже не видела ни Нессу, ни мальчика. Перед глазами стояла другая комната, смятая простыня и лицо мужа, которому я тогда верила безоговорочно. Я спрашивала, почему врач больше не приходит, а Алвиш уверял: денег нет, Югетта, придётся обойтись без него.

Я вцепилась пальцами в ткань платья на животе и договорила, глядя мужу прямо в лицо:

— Ты сказал мне, что у нас нет средств заплатить ему за дальнейшее лечение. Ты это сказал! Я едва могла нормально ходить, а ты теперь называешь отказом то, что я боялась снова рожать после этого? Потому что тебе всё равно нужен был сын?

Глава 41

Алвиш отвёл глаза первым. На одно короткое мгновение мне показалось, что он хотя бы вспомнил те дни так же ясно, как я, но потом его челюсть напряглась, словно он уже искал оправдание.

Аскалон ничего не сказал сразу. Он медленно оглядел спальню: старую кровать, потёртые стены, трещину, протянувшуюся по потолку, дешёвый пузырьёк рядом с Тайиной куклой. Его взгляд задержался на пятне у угла, где штукатурка давно начала отходить, и только потом вернулся к брату.

— Я бы на месте твоей супруги тоже отказался рожать второго ребёнка в таких условиях, — произнёс он без насмешки, и от спокойствия этой фразы мне стало больнее, чем от крика.

Я уставилась на Аскалона, не узнавая в нём мужчину, перед которым утром стояла с протянутыми руками. Тогда он говорил, что мой брак был ошибкой, называл меня лгуньей и предлагал продать драгоценности, которых я никогда не видела. Сейчас он не просил прощения и не пытался стать добрее. Он просто посмотрел на то, как я жила, услышал, что произошло после родов, и признал то, чего не признал даже мой муж: я имела право испугаться повторения.

Благодарность оказалась почти такой же неудобной, как прежняя ненависть. Мне хотелось продолжать ненавидеть Аскалона — это было проще, чем признавать, что сейчас именно он стоял между мной и человеком, которого я ещё утром считала своей единственной защитой, и защищал от него меня.

Герцог тем временем снова посмотрел на детей. Тайя спала, повернув лицо к стене, Алорн держался возле матери и наблюдал за взрослыми настороженно, уже не вспоминая про обещанную лошадку.

— Кто из детей старше? — спросил Аскалон, и по тому, как неподвижно он держал трость, я поняла: вопрос был задан не из любопытства.

Алвиш нахмурился. Его взгляд метнулся к Айталине, потом к сыну, и он признал неохотно:

— Дочь старше, — произнёс муж, будто сам ответ ему не нравился.

Аскалон едва заметно кивнул, словно услышал последнее, что ему требовалось.

— Я тебя услышал, — произнёс он, выпрямляясь. — С этого момента ты, Алвиш Эрланте, больше не являешься моим наследником. Кто после меня возглавит дом и получит право наследовать, я выберу сам. Но это будешь не ты.

Сначала Алвиш просто смотрел на него. Потом лицо мужа изменилось так резко, словно всё, что происходило до этой минуты, наконец перестало быть чужой бедой и впервые коснулось лично его.

— Ты не можешь так со мной поступить, брат! — закричал он, забыв и про спящую Айталину, и про испуганного сына. Алвиш шагнул к Аскалону, но остановился, когда тот всего лишь перевёл на него взгляд. — Не можешь! Я всё делаю ради рода! Ты не можешь просто взять и исключить меня из списка наследников!

Глава 42

У меня от его крика снова сжались плечи, однако теперь я смотрела не на Аскалона. Муж только что спокойно объяснял, почему больная дочь могла жить без врача ради будущего рода, но настоящая паника появилась на его лице лишь тогда, когда Аскалон отнял у него право когда-нибудь получить чужое состояние.

Герцог не повысил голос. Он переставил трость чуть ближе к ноге и посмотрел на младшего брата так, словно тот сам подтвердил именно то, что Аскалон хотел понять.

— Более того, я прекращаю твоё содержание в прежнем виде, — постановил он. — Деньги, которые ты прятал от законной семьи и тратил на другую, ты больше не получишь. Финансовыми вопросами будут заниматься нанятые мной люди. К деньгам семьи ты больше не прикоснёшься. Мальчику я назначаю содержание.

Аскалон посмотрел на Нессу.

— Только на ребенка. Если я узнаю, что кто-то тратит деньги, выделенные на ребенка, на украшения и платья, это будут последние деньги, которые она держала в руках. Он — тоже часть семьи. Но его мать я содержать не обязан. Она не является частью семьи Эрланте.

Несса побледнела ещё сильнее. Я заметила это раньше Алвиша: её пальцы, державшие сына за плечо, впились в дорогую ткань костюма, а взгляд быстро прошёлся по Аскалону и остановился на моём муже.

— Алвиш... — произнесла она тихо, и впервые за всё время её голос лишился уверенности.

Муж тут же повернулся к ней, словно её тревога требовала утешения больше, чем всё, что сегодня произошло со мной и Тайей. Он накрыл её руку своей и заговорил мягче:

— Тихе, Несса, — успокоил её Алвиш. — Наш сын всё равно будет наследником. Так что ничего страшного.

Аскалон медленно повернул к нему голову.

— Благодарю, что решил вопрос моего наследника за меня, — произнёс он с безупречной вежливостью. — Я уже начинал опасаться, что мне придётся заниматься этим самому.

Я смотрела на их соединённые руки и неожиданно поняла, что эта картина больше не причиняет той острой боли, от которой несколько минут назад хотелось согнуться.

Возможно, потому что слишком многое уже стало ясно. Возможно, потому что Алвиш продолжал успокаивать другую женщину в комнате, где лежала его больная дочь, и этим сам уничтожал остатки того человека, по которому я могла бы тосковать.

Несса, однако, не успокоилась. Она выдернула пальцы из руки Алвиша и посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

В её лице уже не было ни гордой матери наследника, ни женщины, которая вошла в наш дом с брезгливой уверенностью хозяйки лучшей жизни. Взгляд метнулся к её платью, к

серьгам, потом снова к Алвишу, и страх в нём оказался слишком конкретным, чтобы его можно было принять за тревогу о будущем рода.

— Это как?! — выдохнула Несса, окончательно забыв о светской улыбке, и вцепилась в рукав Алвиша. — А на что мы будем жить?

Глава 43

Несса всё ещё держалась за рукав Алвиша, но теперь уже не пряталась за его плечом и не пыталась изображать перед Аскалоном мать будущего главы рода.

Лицо у неё пошло красными пятнами, губы дрожали от возмущения, а изумрудные серьги раскачивались возле щёк всякий раз, когда она резко поворачивала голову.

— Вы не можете просто взять и оставить нас без содержания!

Голос Нессы поднялся почти до визга, и она прижала ладонь к груди, будто Аскалон только что лишил её не свободного доступа к деньгам, а самого необходимого.

— У нас дом! Прислуга! Расходы! — истерично продолжила она. — Вы вообще представляете, сколько стоит содержать ребёнка нашего положения? Алорну нужно лучшее, ему нужны учителя, одежда, экипаж. А я что должна делать? Ходить в одном платье годами?

Я смотрела на неё, и неприятная ясность складывалась из каждой жалобы. Утром Аскалон перечислял мне почти то же самое: платья, украшения, недостаточно крупные камни, неправильные оттенки, вечное недовольство расходами.

Он говорил с такой уверенностью, будто лично видел мои истерики, а я стояла перед ним в заштопанных рукавах и не понимала, откуда взялась женщина, которой он меня считал.

Теперь эта женщина стояла в моей спальне в серьгах, якобы купленных для меня, и возмущалась именно тем, в чём меня годами обвиняли за моей спиной.

Я никогда не устраивала этих скандалов. Алвиш просто приносил брату чужие требования и называл их моими. От этой простой мысли стало особенно мерзко: даже чужое недовольство он годами надевал на меня, как ещё одно заштопанное платье.

Когда Нессе требовалось новое платье, расточительной становилась я. Когда она хотела украшение, именно я оказывалась недовольна прежним. Когда ей не хватало денег, именно моя жадность объясняла очередной перевод.

Я не знала, сколько раз муж лгал брату, глядя ему в лицо. Но теперь понимала другое: чтобы Аскалон возненавидел меня так сильно, одной случайной лжи было бы недостаточно.

Алвиш годами строил для него другую Югетту.

Женщину, которой никогда не существовало.

И одновременно возвращался домой ко мне и рассказывал уже о другом Аскалоне — холодном, жадном, презиравшем меня настолько, что тот не желал дать денег даже собственной племяннице.

От этого открытия стало трудно смотреть на мужа. Нас с Аскалоном не просто обманули по отдельности. Алвиш поставил нас по разные стороны одной лжи и годами следил, чтобы каждый ненавидел именно того человека, у которого никогда не спросит правду.

— Несса, успокойся, — попросил Алвиш, вновь накрывая её пальцы своими. В его голос вернулась та терпеливая мягкость, которой он раньше умел гасить мои слёзы и страх за Тайю. — Я же сказал: ничего страшного не случилось. Деньги у нас есть.

Глава 44

Последние четыре слова дошли до меня не сразу. Алвиш продолжал говорить ей что-то о доме и расходах, но я уже смотрела только на его рот, словно могла увидеть там объяснение, почему несколько часов назад он высыпал мне на ладони сто двадцать семь золотых и заставил поверить, что большего не существует.

Я дважды пересчитала те монеты, собиралась продать последнюю жемчужину, снова просить в долг, закладывать всё, что ещё можно было заложить, потому что нашей дочери был нужен врач.

А сейчас деньги у него были. Они находились для дома на Бриллиантовой улице, прислуги, платьев и лошадки, которую он обещал сыну, но не находились для девочки, лежавшей в нескольких шагах от него.

Я опустила взгляд на Айталину. Она спала после лекарства, бледная от пережитого приступа, а возле её руки лежала мягкая кукла, которую я сшила сама, потому что купить дочери другую игрушку мы не могли.

Внутри не поднялось даже привычной тошноты; после сегодняшнего дня во мне словно не осталось места ещё для одной боли. Осталась только ясность, от которой хотелось вымыть руки после каждого прикосновения мужа.

Аскалон выслушал ещё несколько слов Нессы и оборвал её без повышения голоса:

— Увезите эту даму с сыном обратно. Я не собираюсь слушать истерику в комнате больного ребёнка, — произнёс он, уже поворачивая голову к двери. — Проводите их к карете.

Поверенный Аскалона появился в коридоре почти сразу и остановился у порога с коротким поклоном. Алвиш шагнул вслед за Нессой, одновременно протягивая руку к сыну, но старший брат остановил его прежде, чем он успел коснуться Алорна.

— Я их провожу, — быстро сказал Алвиш, явно рассчитывая закончить разговор вместе с их уходом, однако Аскалон даже не сдвинулся с места.

Герцог перевёл на брата взгляд, и Алвиш остановился раньше, чем успел сделать второй шаг. В этой короткой паузе его решимость заметно ослабла.

— Нет. Ты остаёшься здесь. Это приказ, — произнёс Аскалон негромко, и рука Алвиша, уже потянувшаяся к сыну, зависла в воздухе, а потом медленно опустилась вдоль тела.

Несса вскинула голову. По её лицу уже текли слёзы, и сейчас мне было особенно трудно совместить их с тем, как легко она несколько минут назад называла себя матерью наследника. Поверенный вежливо предложил ей выйти, и она направилась к двери, всё ещё всхлипывая от возмущения.

Алорн поспешил за матерью. И его следующая фраза заставила меня снова вспомнить сто двадцать семь золотых.

Глава 45

Алорн поспешил следом, догнал мать у порога и взял её за руку.

— Мамочка, не плачь, — попросил мальчик, заглядывая ей в лицо и протягивая вторую руку к её пальцам. — Папа же сказал, что деньги есть. И лошадку купит. Не плачь.

Несса раздражённо высвободила ладонь и, даже не посмотрев на сына, бросила: — Не сейчас, Алорн. Иди нормально.

Мальчик замедлил шаг, будто не сразу понял, почему утешение оказалось лишним. Поверенный мягко коснулся его плеча, направляя в коридор, и Алорн послушно пошёл за матерью. Он ещё не понимал, что мать плачет не из-за него и не из-за угрозы его будущему. Она плакала из-за денег на платья, украшения, развлечения. Она горько оплакивала ту жизнь, к которой привыкла.

Дверь закрылась. Некоторое время снизу доносились приглушённые голоса, потом хлопнула входная дверь и по улице застучали колёса.

Я слушала, как карета удаляется, и впервые ясно чувствовала разницу между тем, кто только что уехал, и теми, кто остался: Тайя спала после приступа, Аскалон держал в руках власть над семейными деньгами, а Алвиш стоял между нами без женщины и ребёнка, которыми ещё несколько минут назад прикрывал каждое своё решение.

— Брат, скажи, что ты погорячился, — произнёс Алвиш, когда стук колёс стал почти неслышным. Он сделал осторожный шаг к Аскалону, но остановился на расстоянии вытянутой трости. — Мы все сейчас на нервах. Ты зол, я понимаю. Но лишать меня наследства из-за этого... Ты не можешь решить такое за несколько минут.

Аскалон не отвёл взгляда и ответил так спокойно, что спина у Алвиша заметно напряглась:

— Я не погорячился. Я сказал как есть. Сомневаюсь, что завтра мое мнение изменится.

Муж сжал губы, оглянулся на кровать и снова повернулся к брату. В его лице уже не было прежней уверенности, но необходимость оправдаться оказалась сильнее страха потерять ещё что-нибудь.

— Тогда выслушай меня нормально, — потребовал Алвиш и провёл ладонью по волосам, будто пытался привести в порядок не причёску, а собственные доводы. — Это же девка. Приданое, платья, балы, женихи.

От слова «девка» у меня свело пальцы на краю одеяла. Алвиш говорил о нашей дочери так, словно её имя уже мешало расчётам, и при этом смотрел на брата в ожидании очевидного мужского понимания.

— Вот она вышла замуж — и всё, — продолжил он, раздражённо разводя руками. — Какую пользу роду она после этого принесёт? Сменит фамилию, уйдёт в другую семью, а всё, что в неё вложили, уйдёт вместе с ней.

Глава 46

Я медленно повернула голову к мужу. В первое мгновение мне хотелось перебить его, заставить хотя бы посмотреть на Тайю, но Аскалон молчал, и это молчание оказалось страшнее любого крика: Алвиш получил возможность договорить всё, что годами пряталось за словами «денег нет».

— Ей не нужно лучшее образование, — продолжил муж, раздражённо разводя руками. — Более того, образованные женщины вообще не пользуются спросом на рынке невест. Зачем растить из девочки учёного, если потом к ней жениха не подберёшь? Ей достаточно того, что требуется женщине её положения. А сыну нужны лучшие преподаватели, связи, опыт, деньги. Он должен однажды возглавить дом.

Возле моей ладони лежала Тайина кукла с длинными мягкими ногами. Я помнила, как шила её ночью, потому что ребёнку хотелось новую игрушку, а у нас не было денег даже на готовую дешёвую. Тогда Алвиш поцеловал меня в волосы и сказал, что однажды всё изменится. Теперь я наконец услышала, что именно он собирался изменить: не нашу жизнь, а ребёнка, в которого считал выгодным вкладываться.

— Я подумал, зачем вкладываться в убыточное предприятие, когда есть сын, — произнёс Алвиш уже почти с досадой, словно удивлялся, почему взрослые люди заставляют его объяснять простую арифметику. — Ему нужно образование. Он возглавит дом. А она что? Получит приданое, выйдет замуж и упорхнёт. Что плохого в том, что основные средства я направил на сына?

У меня перестали дрожать пальцы. Ещё утром я боялась вернуться домой без денег и увидеть в глазах мужа разочарование. Потом просила у него прощения за вопросы, оправдывала сто двадцать семь золотых, цеплялась за его обьятия после унижения в кабинете Аскалона. Теперь передо мной стоял человек, который не забыл о дочери и не ошибся в расходах: он заранее посчитал её невыгодной.

Я посмотрела на Алвиша и сказала то, что до этой минуты не позволяла себе даже мысленно сформулировать:

— Я хочу развестись.

Муж замолчал так резко, что я услышала тихий треск догорающего угля в камине. Я не стала ждать, пока он решит, что опять знает мои чувства лучше меня, и, удерживая ладонь на одеяле возле Тайиной руки, договорила ровнее:

— После всего, что я сегодня узнала, я не хочу больше быть твоей женой. Я хочу развода.

Глава 47

Алвиш побледнел и впервые за весь разговор не нашёл ответа сразу. Аскалон тоже молчал. Он не вмешался, не поддержал меня и не стал решать за меня, только перевёл взгляд с моего лица на младшего брата, оставляя произнесённые слова между нами такими, какими они были.

Айталиня дёрнулась под моей ладонью, и я сначала решила, что она просыпается после лекарства. Наклонилась поправить одеяло, но её пальцы сжались прежде, чем я успела коснуться края простыни; колени подтянулись, а всё маленькое тело резко выгнуло так сильно, что матрас под ней скрипнул. Из горла дочери вырвался сдавленный звук, которого я никогда прежде не слышала.

— Тайя! — Я обхватила её за плечи, пытаюсь удержать на кровати, и крикнула в сторону двери, не разбирая, кто именно должен услышать: — Доктора! Позовите доктора, ей плохо!

Дочь тяжело втягивала воздух. Её трясло, зубы стучали друг о друга, под тонкой рубашкой судорожно напрягалась спина. Я гладила её по волосам, звала по имени и одновременно боялась прижать сильнее, потому что не понимала, где именно ей больно.

Ладонь скользнула по плечу и наткнулась на непривычную шероховатость. Я отдёрнула ткань рубашки ровно настолько, чтобы увидеть кожу у ключицы, и сначала решила, что от жара на ней выступила странная сыпь. Потом одна тёмная пластинка блеснула в свете, рядом появилась вторая, третья, и они начали медленно расходиться по плечу.

Аскалон оказался у кровати прежде, чем я успела позвать его. Трость качнулась в руке и едва не выскользнула из пальцев; он перехватил её у самого набалдашника, но я успела увидеть его лицо.

— Оборот... — выдохнул герцог, и в его голосе впервые прозвучало такое изумление, что слово испугало меня сильнее самой чешуи.

Мне было всё равно, что именно он увидел и как это называлось. Тайя снова выгнулась под моими руками, и её короткий болезненный стон вытеснил из головы всё, кроме одного требования.

— Да сделайте что-нибудь! — сорвалась я на него, удерживая Тайю за плечи. Слезы уже мешали видеть, и я сердито стирала их о рукав, потому что руки были нужны дочери. — Мне плевать, оборот у неё или нет! Ей плохо! Ей больно! Вы же понимаете, что происходит, так помогите ей!

Глава 48

Аскалон на мгновение застыл над кроватью, всматриваясь в лицо Айталины, потом положил трость на пол и наклонился ближе. Его ладонь легла ребёнку на грудь осторожно, без нажима, а когда он заговорил, я не сразу поняла, что слышу человеческий голос.

Слова были хриплыми, гортанными, с такими звуками, которых я не смогла бы повторить с первого раза даже ради собственной жизни. Некоторые тянулись низко, почти рычаще, другие обрывались резко, но Аскалон говорил без спешки и повторял одну и ту же фразу, пока дрожь под моими руками не начала слабеть.

Айталиня ещё раз болезненно выгнулась, а потом её плечи опустились. Сжатые пальцы медленно разжались, дыхание перестало рваться на короткие судорожные вдохи. Я не убирала рук, пока не почувствовала, что тело дочери действительно расслабилось и она снова провалилась в сон. Несколько тёмных чешуек возле ключицы никуда не исчезли.

Только тогда я поняла, что всё ещё держусь за рукав Аскалона другой рукой. Пальцы стиснули дорогую ткань так сильно, что костяшки побелели, и я даже не попыталась сразу их разжать.

— Что вы сделали? — спросила я шёпотом, не отрывая взгляда от лица Тайи. Голос едва слушался после крика. — Почему она успокоилась?

Аскалон посмотрел на мою руку на своём рукаве, затем на девочку и ответил без обычной резкости:

— Я поговорил с её драконом внутри.

Я ничего не поняла про дракона внутри. Мне было достаточно одного: несколько мгновений назад дочь корчилась от боли, а после этих слов смогла уснуть. Я отпустила рукав Аскалона и резко повернулась к столику, где лежали бумага и старое перо.

— Напишите мне эти слова, — попросила я, хватая лист так быстро, что он зацепился краем за пузырёк с лекарством. Я удержала его и сунула Аскалону бумагу вместе с нашим стареньким пером, почти облысевшим от постоянного использования. — Прошу вас. Если ей снова станет плохо, а вас не будет рядом, я попробую сказать сама. Я выучу. Только напишите так, чтобы я могла повторить.

Аскалон посмотрел на перо с той брезгливой сосредоточенностью, с какой утром рассматривал мои протёртые рукава, но на этот раз ничего не сказал о его состоянии. Взял двумя пальцами, проверил кончик и наклонился над столом.

— У драконов очень сложная письменность, — предупредил он, удерживая лист ладонью, пока перо царапало бумагу. — Одних знаков тебе будет недостаточно.

Глава 49

Смысл предупреждения я поняла только в одном: даже получив запись, я всё ещё могла оказаться беспомощной рядом с дочерью. От этой мысли пальцы сильнее сжали край стола.

— Тогда напишите всё, что нужно, — попросила я, не отходя от его плеча. Я то смотрела на появляющиеся знаки, то оборачивалась к кровати, проверяя, поднимается ли грудь Тайи. — Я разберусь. Только не оставляйте мне то, чего я не смогу прочесть, когда она снова начнёт кричать.

Аскалон больше не спорил. Под его рукой появлялись незнакомые рубленые знаки с резкими линиями и короткими ответвлениями. Когда он закончил последнюю строку, то отодвинул лист от себя и кончиком пера указал на написанное.

— Вот. Это на драконьем, — произнёс Аскалон, внимательно следя не за бумагой, а за моей реакцией.

Я наклонилась ниже и почувствовала, как надежда сразу упирается в новую беспомощность: знаки ничего мне не говорили. Я могла запомнить их форму, но не слышала за ними ни одного из тех гортанных звуков, которыми он только что успокоил Тайю.

— А как это читается? — спросила я и пододвинула лист обратно к нему, стараясь не задеть ещё влажные чернила. — Напишите знакомыми буквами. Как произносить. Иначе я всё равно не смогу ей помочь.

— Только сразу произнести правильно не получится, — предупредил Аскалон. — Эти звуки человеческому горлу почти не даются.

— Всё равно пишите. Если вас не будет рядом, я хотя бы попробую.

Аскалон задержал на мне взгляд, затем перевернул лист и снова наклонился над столом. Теперь под драконьими знаками появились обычные буквы, складываясь в непривычные сочетания, которые я хотя бы могла прочитать. Я следила за каждой строкой, пока он не поставил последнюю отметку, и только тогда позволила себе снова глубоко вдохнуть.

Я взяла лист обеими руками и сразу повернулась к кровати. Тайя спала спокойно, её пальцы лежали раскрытыми возле куклы, но тёмные чешуйки у ключицы оставались на месте, не позволяя убедить себя, что приступ закончился и всё вернулось к прежнему.

За спиной никто не говорил. Я обернулась и увидела Алвиша у стены. Он стоял так, будто болезнь внезапно перешла на него. Его взгляд не отрывался от чешуи на плече дочери — той самой девочки, которую несколько минут назад он называл убыточным предприятием.

Аскалон поднял с пола трость, провёл большим пальцем по набалдашнику и только после этого посмотрел на младшего брата. Прежнее изумление уже исчезло с его лица, но я слишком хорошо помнила, как трость едва не выпала из его руки, чтобы поверить в полное спокойствие.

— Ты говорил, что твой сын вот-вот начнёт оборачиваться, — произнёс герцог негромко, удерживая взгляд Алвиша. — А у твоей дочери чешуя появилась уже сегодня. Поэтому я бы на твоём месте больше не называл её убыточным предприятием и не считал вопрос о будущем главе дома решённым.

Глава 50

Слова Аскалона о том, что вопрос о будущем главе дома больше не решён, ещё звучали у меня в ушах, но смотреть на Алвиша я уже не могла.

Я опустила глаза на Айтилину и провела пальцами по влажным волосам у её виска, осторожно, чтобы не задеть тёмные чешуйки возле ключицы. В другой руке я всё ещё держала лист, исписанный драконьими знаками и знакомыми буквами: старое перо оставило на бумаге несколько неровных клякс, и от этого запись выглядела почти домашней, совершенно не подходящей к тому хриплому чужому языку, которым несколько минут назад Аскалон сумел остановить боль моей дочери.

Тайя снова спала. Её дыхание стало ровнее, пальцы расслабились рядом с куклой, и именно это спокойствие вдруг позволило мне почувствовать собственную усталость во всей полноте.

За один день дочь едва не осталась без врача, получила настоящее лекарство вместо дешёвой подмены, потеряла отца, и начала то, что даже Аскалон принял за начало оборота.

А я за те же часы узнала, что мой муж годами лгал мне, брал деньги, предназначенные нам с Тайей, содержал на них другую женщину, растил другого ребёнка и считал собственную дочь невыгодным вложением.

Несколько чешуек на детском плече ничего из этого не исправляли. Даже если завтра весь дом Эрланте объявит Айтилину чудом драконьей крови, сегодняшний день уже случился, и ни один оборот не сделает дешёвое лекарство дорогим, сто двадцать семь золотых — полу-миллионом, а годы лжи — ошибкой.

— Если, говоря о деньгах, ты имел в виду свои счета, то я тебя разочарую. Сегодня все твои счета будут заблокированы, — спокойно произнёс Аскалон, глядя на брата.

Мой муж побледнел.

— Брат, послушай, — начал Алвиш. — Я погорячился. Да, сказал про Тайю то, чего не должен был говорить. Я всё исправлю. Буду содержать её как положено, найму учителей, врача — всё, что потребуется. Только не руби всё сразу. Я понял.

Несколько секунд Алвиш смотрел на брата.

— Не лишай меня денег, — произнес муж, заглядывая в холодные глаза старшего брата. — На что я буду жить?

— Мне плевать, на что ты собрался жить. Ты больше не наследник, поэтому твоё содержание меня не интересует. А кто после меня возглавит дом, я решу сам — когда будут основания решать, — заметил Аскалон, не дрогнув.

Глава 51

Аскалон повернулся в мою сторону, словно эти слова адресовались мне.

— Содержание Айтилины остаётся за домом Эрланте, — постановил Аскалон. — Врачей, лекарства, обучение и всё необходимое ребёнку будут оплачивать мои люди напрямую. Алвиш к этим деньгам больше не прикаснётся.

Я положила лист с драконьими словами возле Тайиной куклы, разгладила ладонью смявшийся угол и только после этого выпрямилась.

— Значит, Тайя наконец получит то, что ей и так принадлежало. Хорошо. Но от меня что требуется в обмен? Терпение? Прощение? Роль любящей супруги? — произнесла я, глядя на Алвиша. После крика, слёз и страха голос прозвучал неожиданно ровно. — То, что произошло с Тайей, ничего не меняет. Я не хочу больше быть твоей женой.

Муж будто только сейчас вспомнил, что я уже говорила это перед приступом дочери. Он оттолкнулся плечом от стены и сделал ко мне шаг, но я машинально придвинулась ближе к кровати, встав между ним и краем матраса. Алвиш заметил движение и остановился; на лице мелькнуло недовольство, которое он почти сразу сменил привычной усталой мягкостью.

— Югетта, сейчас не время, — заговорил он тише, тем самым голосом, которым ещё утром умел заставить меня сомневаться в собственной правоте. — Посмотри, что с тобой происходит. Ты измучена, Тайя больна, за один день на тебя свалилось слишком много. Ты сейчас говоришь на эмоциях.

Ещё вчера эта интонация заставила бы меня прислушаться. Алвиш всегда умел объяснить, когда я слишком устала, слишком испугалась или слишком остро что-нибудь восприняла.

Но сейчас я понимала, что мой муж цеплялся за любую возможность усидеть сразу на двух стульях. Он прекрасно осознавал, что, если моя дочь вдруг окажется оборотной, то, сделав ставку на сына, он потеряет всё.

Меня передернуло от одной этой мысли.

Я привыкла останавливаться после его спокойного «Югетта», будто муж видел меня яснее, чем я сама, и мог отделить настоящий страх от женской впечатлительности. Сегодня он несколько часов подряд делал то же самое, только теперь я знала, сколько лжи помещалось в его спокойствии.

— Я не настолько измучена, чтобы забыть, что у тебя другая женщина и сын, — ответила я, удерживая ладонь на краю матраса возле Тайиной руки. — И не настолько больна, чтобы не помнить, как ты называл нашу дочь убыточным предприятием до того, как увидел чешую на ее спине.

Глава 52

Алвиш поморщился, будто именно эта фраза оказалась единственной неудачной частью всего, что произошло. Он провёл ладонью по лицу, задержал пальцы у переносицы и заговорил уже с раздражённым терпением человека, вынужденного исправлять неудачно подобранные слова:

— Я сказал это неудачно. Да, хорошо, признаю. Не надо было так говорить. Я был зол, Аскалон давил на меня, Несса устроила сцену, ты требуешь развода... Но брак не заканчивают из-за одного ужасного дня.

Пальцы на краю матраса похолодели. Я посмотрела на дешёвый пузырёк возле кровати, на куклу из лоскутков, на потёртые стены и трещину по потолку, которую Аскалон сегодня разглядывал вместо оплаченного им благополучия.

Если бы дело действительно заключалось в одном дне, я, возможно, пережила бы его. Но сегодняшний день не разрушил счастливый брак: он объяснил все предыдущие годы, в которых я считала монеты, латала рукава и благодарила мужа за то, что он якобы делал всё возможное.

— Нет! Я хочу развод. Только развод! — произнесла я. — Я могла бы простить многое. И многое прощала. Я прощала то, что у тебя не было денег, прощала, что ты не помогал по дому, что ты не имел возможности достойно содержать семью, прощала мою пустую шкатулку с моим приданым, прощала единственное платье, прощала твои постоянные отъезды и отлучки. Я все прощала! Но это...

Я схватила со стола пузырек из-под дешевого лекарства и сжала его в кулаке.

— ... но это простить не могу! Никогда! Слышишь! Никогда!

Герцог стоял возле стола, опираясь ладонью на набалдашник трости, и его лицо после недавнего изумления снова стало почти непроницаемым.

Аскалон не ответил сразу. Его пальцы медленно сомкнулись на набалдашнике трости, а взгляд остался на мне, словно он отделял мою просьбу от всего, что только что произошло в комнате.

Несколько минут назад эти же руки писали для меня драконьи слова старым лысым пером, а ещё раньше он защищал Тайю перед её собственным отцом. Поэтому его молчание тревожило сильнее, чем если бы Алвиш уже начал спорить.

Я ждала, пока герцог наконец заговорит, и чувствовала, как надежда постепенно сменяется настороженностью.

Наконец Аскалон чуть сильнее опёрся на трость и произнёс без малейшего смягчения:

— В семье Эрланте не разводятся. Никогда. Это правило нашего дома.

Глава 53

На лице Алвиша мгновенно появилось облегчение, настолько явное, что я заметила его прежде, чем муж успел спрятать.

Плечи у него опустились, дыхание стало свободнее, и он посмотрел на меня с тем знакомым выражением, которым раньше завершал спор, когда считал вопрос окончательно решённым: вот видишь, теперь можно перестать упрямиться.

У меня же внутри медленно поднималось ощущение, которое оказалось хуже прежней обиды на Аскалона. Несколько минут назад я цеплялась за его рукав, пока он помогал моей дочери; ещё раньше слушала, как он защищает Тайю перед братом, и почти позволила себе поверить, что хотя бы один человек из этой семьи действительно увидел, что с нами сделали.

Теперь между мной и свободой снова встала фамилия Эрланте, только на этот раз не в виде украденных денег или наследства, а в виде правила, по которому после всего услышанного я обязана остаться женой Алвиша.

— Значит, я должна с ним жить? — спросила я, не скрывая, как изменился голос. Пальцы сами стиснули край матраса возле Тайиной руки, и грубая ткань простыни впилась в кожу. — После всего этого?

Аскалон нахмурился, будто я придавала его словам смысл, которого он сам в них не вкладывал.

— Я сказал только то, что сказал: браки Эрланте не расторгают, — ответил герцог с холодной точностью. — Содержание Айтилины здесь ни при чём. Ребёнок получит необходимое независимо от ваших отношений с супругом.

От этого уточнения легче не стало. Если брак оставался браком, я не понимала, какую часть прежней жизни Аскалон предлагал мне сохранить и где в его семейном правиле находилось место для моего отвращения к человеку, которого ещё утром называла мужем.

— А что тогда означает брак? — произнесла я и показала рукой на Алвиша.

Рука тут же опустилась: даже этот жест напомнил, сколько раз за сегодняшний день мне приходилось предъявлять доказательства собственной жизни.

— Я должна вернуться с ним в одну спальню? — выкрикнула я. — Лечь рядом? Позволять ему ко мне прикасаться? Сидеть с ним за одним столом и делать вид, что не знаю, куда он ездил, когда говорил мне, что уезжает искать деньги для нашей дочери?

Алвиш резко двинулся ко мне, будто последнее было уже не спором с братом, а публичным унижением, которое он не собирался терпеть. Я увидела его поднятую руку и прежде, чем он успел приблизиться, отступила к кровати.

— Югетта, прекрати, — попросил он уже без прежней мягкости. — Никто сейчас не заставляет тебя ложиться со мной в постель. Ты можешь пожить отдельно, успокоиться, прийти в себя. Потом мы всё обсудим.

Он протянул руку к моему плечу, и я отшатнулась раньше, чем успела решить, что именно делаю.

Бедро ударилось о деревянный край кровати, матрас качнулся, Тайя чуть глубже вдохнула во сне, и я тут же повернулась к ней, поправляя одеяло.

И впервые рядом с мужем я почувствовала не обиду — желание отступить ещё дальше.

Глава 54

Только убедившись, что дочь не проснулась, я снова посмотрела на мужа. Его ладонь всё ещё оставалась протянутой между нами.

Когда-то я сама искала эти руки. Ждала, когда Алвиш вернётся, прижималась к нему после тяжёлых дней, клала его ладонь на живот, когда носила Тайю, и смеялась, если ребёнок начинал толкаться именно в этот момент. Сегодня той же рукой он гладил по волосам сына, которого растил втайне от меня, накрывал пальцы Нессы, пока она боялась лишиться денег, и обещал мальчику лошадку после того, как принёс больной дочери сто двадцать семь золотых.

— Не трогай меня, — попросила я негромко, глядя не на его лицо, а на руку, которую больше не хотела чувствовать на себе.

Алвиш медленно опустил ладонь. Его лицо изменилось сильнее, чем после моего первого требования о разводе: будто не слова, а именно мой шаг назад впервые сделал происходящее реальным.

— Ты сейчас серьёзно? — спросил он, не двигаясь ко мне снова. В голосе появилась потерянная, быстро перешедшая в раздражение. — Югетта, я понимаю, что ты зла. Я понимаю, что тебе больно. Хорошо. Я совершил ошибки. Огромные. Но ты моя жена.

Последние три слова заставили меня поднять глаза. Он не сказал, что любит меня, не попросил остаться и не произнёс, что боится потерять. Алвиш просто напомнил мне, кем я ему принадлежу, и этого, по его лицу, должно было хватить.

— Была, — произнесла я, и короткое слово прозвучало гораздо спокойнее, чем я себя чувствовала.

Муж дёрнулся и почти сразу повернул голову к Аскалону, будто искал подтверждение там, где только что его получил.

— Не говори глупостей, — потребовал Алвиш, цепляясь за семейное правило уже увереннее. — Ты сама только что слышала Аскалона. В нашей семье разводов нет.

Я тоже посмотрела на герцога. Аскалон не ответил брату, только сильнее сжал пальцы на набалдашнике трости и продолжал смотреть на меня. Я не знала, ждал ли он слёз, очередной истерики той самой женщины, которую Алвиш годами рисовал перед ним, или смирения перед правилом рода, но плакать я больше не могла: за сегодняшний день слёзы уже ничего не изменили.

— Я не хочу его видеть, — сказала я Аскалону, потому что именно он сейчас поставил фамилию Эрланте между мной и возможностью уйти. — Ни завтра, ни после того, как успокоюсь, ни через месяц разлуки. Я не хочу однажды проснуться и услышать его шаги в своей спальне, думать, к какой женщине он прикасался перед тем, как пришёл ко мне, спрашивать, куда он едет, и гадать, кому на самом деле предназначены деньги, вещи или лекарства.

Глава 55

Алвиш шумно вдохнул, но я не позволила этому звуку сбить меня. Я крепче накрыла ладонью Тайины пальцы и продолжила, уже не отводя взгляда от главы рода:

— Я не хочу снова считать монеты рядом с больной дочерью и думать, что муж сделал всё возможное, когда он в это время будет решать, выгодно ли тратить на неё деньги. Я больше не смогу поверить ни одному его слову. И если ваше правило означает, что я обязана до конца жизни называться женой этого человека только потому, что когда-то вышла за Эрланте, то мне плевать на ваше правило.

Последние слова я сказала человеку, перед которым утром едва могла заставить себя держать подбородок поднятым.

Теперь я назвала бессмысленным правило его дома и ждала удара не ладонью и не тростью, а той холодной властью, которой Аскалон уже перекрыл брату деньги и отнял у него наследство.

Герцог не повысил голоса. Он вообще не двинулся, и от этой неподвижности в тесной спальне стало ещё тяжелее дышать. В тишине слышалось ровное дыхание Айтилины, слабое

потрескивание в камине и шорох моей юбки, когда я перенесла вес с ушибленного бедра на другую ногу.

— Югетта, достаточно, — процедил Алвиш и шагнул вперёд, словно собирался сам закончить разговор, который перестал ему подчиняться. — Ты переходишь все границы. Аскалон — глава семьи.

Его попытка пристыдить меня фамилией и положением брата только сделала очевиднее, к кому теперь действительно следовало обращаться. Я повернулась к Аскалону всем корпусом, оставляя Алвиша сбоку, хотя он стоял ближе.

— Именно поэтому я говорю ему, — ответила я, не отводя взгляда от герцога. — Если это правило его семьи, значит, только он может решить, важнее оно или то, что произошло здесь сегодня.

Муж остановился. Аскалон чуть изменил положение трости, медленно переставив наконец по старому полу, и в этом небольшом движении я вдруг ясно почувствовала, что теперь действительно прошу.

Только впервые за весь день мне не нужны были ни деньги, ни врач, ни лекарство. Я просила о праве больше не принадлежать человеку, которому ещё утром доверяла свою жизнь.

— Вы видели наш дом, — продолжила я уже тише, потому что после всего сказанного кричать не имело смысла. — Видели Тайино лекарство. Слышали, что он говорил о ней. Видели Нессу, Алорна, свои деньги на другой женщине. Вы знаете теперь, почему я жила так, как жила. Если после всего этого вы скажете мне вернуться к нему только потому, что Эрланте не разводятся, думаете, я вернусь?

Глава 56

Горло сжало на последнем слове, но я заставила себя договорить прежде, чем кто-нибудь решит ответить за меня:

— Если вы ждёте ответа, то я не вернусь, — договорила я, чувствуя, как после этих слов внутри становится пугающе тихо. — Я лучше уйду отсюда с дочерью без фамилии, без денег и без вашего разрешения. Но женой ему больше не буду.

Алвиш побледнел. В его лице исчезло недавнее облегчение, а взгляд мгновенно переместился на мою руку, накрывавшую ладонь Айтилины.

— Ты никуда не уйдёшь с моей дочерью, — сказал он резко, и вместе с этой фразой окончательно исчезла попытка выглядеть понимающим мужем. Он шагнул к кровати, будто само расстояние до ребёнка подтверждало его право. — Айтилина Эрланте. Она принадлежит моей семье не меньше, чем тебе.

Я накрыла руку Тайи второй ладонью. Несколько часов назад я боялась, что не найду денег на её лечение, а теперь впервые испугалась совсем другого: Алвиш говорил о дочери почти тем же языком, которым говорил об имуществе, наследстве и выгодном вложении.

Аскалон повернул голову к брату. Движение было едва заметным, но Алвиш остановился, не дойдя до кровати.

— Очень неудачный выбор слов, — заметил герцог настолько тихо, что в спокойствии прозвучало больше угрозы, чем в недавнем крике. Его взгляд на мгновение опустился к Тайе, а потом вернулся к брату. — Особенно сегодня.

Алвиш сжал челюсть и развернулся к нему, будто напоминание о присутствии старшего брата оказалось последней помехой, которую ещё можно устранить словами.

— Не вмешивайся в мой брак, — потребовал он после короткой паузы. — Ты уже лишил меня наследства, перекрыл деньги, унизил перед всеми. Хватит. Югетта моя жена. Мы сами разберёмся. Зря ты полез в наши семейные дела! Никто тебя не просил!

Слово «моя» снова прозвучало так, будто я была последней вещью, на которую Аскалон ещё не успел наложить запрет. Я почувствовала, как прежняя привычка смягчить ответ, чтобы не довести мужа до раздражения, на этот раз даже не возникла.

— Я уже разобралась, — сказала я раньше, чем Аскалон успел ответить. Голос больше не дрожал; я смотрела на Алвиша и впервые не пыталась угадать, что нужно сказать, чтобы он не рассердился. — Я не хочу с тобой разбираться. Я хочу развестись.

Муж повернулся ко мне и несколько секунд молчал. Его взгляд прошёлся по моему лицу, задержался на руках, которыми я всё ещё держала Тайю, и в нём постепенно появилось понимание, но совсем не то, которого я столько лет от него ждала. Он наконец понял, что я не пугаю его словом «развод» и не требую уступки.

— Я не дам тебе развод, — произнёс Алвиш спокойно, будто возвращал разговор в привычный порядок вещей.

Глава 57

Именно спокойствие сделало фразу страшной. Он мог завести другую семью, годами лгать мне, решать, сколько стоит здоровье нашей дочери, выбирать, кому достанутся деньги, дом, лучшее образование и забота. Но моё желание уйти он по-прежнему воспринимал как что-то, что должно получить его согласие.

Я повернулась к Аскалону. Несколько часов назад мне было унижительно просить у него десять тысяч золотых, теперь же просьба оказалась тяжелее любых денег.

— Тогда решайте вы, — попросила я, глядя прямо на главу Эрланте. — Сегодня вы уже решили, что ваш брат недостойн быть наследником. Решите ещё одно. Я не прошу вас простить мне нарушение ваших правил. Я прошу не заставлять меня принадлежать человеку, рядом с которым я больше не могу жить.

Аскалон долго ничего не говорил. Его взгляд задержался на моей руке поверх Тайиных пальцев, потом медленно перешёл на Алвиша.

Я не знала, что именно он взвешивает, и впервые не пыталась угадать правильные слова: всё, что могло доказать мою правду, уже находилось в этой комнате — дешёвый пузырьрёк, кукла из лоскутков, чешуя возле ключицы дочери и человек, который только что назвал её убыточным предприятием.

Алвиш тоже ждал, но чем дольше длилось молчание, тем заметнее к нему возвращалась уверенность. Наверное, он слишком хорошо знал семейное правило и лучше меня понимал, сколько поколений прожило, не нарушив его. Муж осторожно выдохнул и обратился к брату почти примирительно, будто предлагал ему вернуться на знакомую сторону:

— Аскалон, ты сам сказал. Эрланте не разводятся. Никогда. Нельзя разрушать правила дома каждый раз, когда супруги поссорились.

Слово «поссорились» заставило меня сильнее сжать Тайины пальцы. Я вспомнила изумруды на ушах Нессы, сто двадцать семь золотых в ладони, дешёвое лекарство и Алвиша, который спокойно объяснял, почему на дочь не стоило тратить больше.

Если всё это для него оставалось супружеской ссорой, значит, он действительно не понял ничего.

Аскалон медленно перевёл на брата глаза и переспросил с таким холодным недоверием, что Алвиш замолчал раньше, чем успел развить довод:

— Поссорились?

Герцог не стал перечислять ему всё заново. Он посмотрел на дешёвый пузырьрёк возле кровати, на Тайину куклу, на тёмную чешую у ключицы спящего ребёнка и только после этого снова взялся за трость обеими руками. Я следила за его пальцами на набалдашнике и почти физически чувствовала, насколько сейчас от этого человека зависит то, смогу ли я уйти из собственного брака.

— Ты прав только в одном, — произнёс Аскалон ровно, не отводя взгляда от младшего брата. — В семье Эрланте не разводятся.

Глава 58

Алвиш выдохнул так заметно, будто уже услышал решение в свою пользу. Моя ладонь невольно крепче сомкнулась вокруг Тайиных пальцев, а старое одеяло под рукой собралось в складку.

Аскалон выдержал ещё несколько секунд. Потом его взгляд скользнул к дочери, вернулся ко мне и остановился на Алвише.

Аскалон перевёл взгляд на брата, потом снова посмотрел на меня. Его пальцы неподвижно лежали на набалдашнике трости, и по этому спокойствию я уже начинала понимать, что ответ мне не понравится.

— Нет, Югетта, — произнёс он наконец. — В семье Эрланте не разводятся. Это правило существовало задолго до нашего рождения, и я не намерен отменять его из-за одного семейного скандала.

Я почувствовала, как лицо начинает гореть. После всего услышанного назвать произошедшее семейным скандалом мог только человек, которому никогда не приходилось выбирать между лекарством для ребёнка и едой.

— Одного скандала? — переспросила я, глядя на герцога. — А сколько их должно быть? Сколько лет муж должен обманывать жену, чтобы вы сочли причину достаточно серьёзной? Или мне нужно было привести сюда Тайю, когда она ещё не могла встать после приступа, и показать вам, как мы живём без врача?

Аскалон чуть заметно нахмурился, но не отвёл глаз.

— Я не сказал, что одобряю поступки брата. Его финансовые дела больше не останутся без контроля. Что касается вашей дочери, необходимую помощь она получит.

— А меня? — спросила я и сама услышала, как изменился голос. — Меня вы тоже собираетесь обеспечить всем необходимым, чтобы я продолжала жить с человеком, который годами обкрадывал собственного ребёнка?

Алвиш раздражённо пошевелился возле стены, однако Аскалон остановил его одним взглядом.

— Я не собираюсь принуждать вас делить с ним спальню, — ответил герцог, чуть сильнее опираясь на трость. — Но развод — другое дело. Я не принимаю подобных решений в тот же день, когда узнаю о случившемся. И не собираюсь делать исключение только потому, что вы этого требуете.

Ещё утром я просила у него деньги, которые, как выяснилось, давно принадлежали нам с дочерью. Теперь просила позволить мне перестать быть женой человека, присвоившего эти деньги. И оба раза Аскалон Эрланте смотрел на меня так, словно именно мои просьбы нарушали установленный порядок.

Я медленно отпустила край одеяла и выпрямилась.

— Тогда уходите, — попросила я.

Герцог приподнял бровь. Кажется, за сегодняшний день я уже успела удивить его больше, чем он привык позволять окружающим.

— Что вы сказали?

Глава 59

— Я больше ничего не прошу, — ответила я, чувствуя, как подкашиваются ноги от усталости. Пришлось опереться ладонью о спинку кровати. — Вы сделали для Тайи очень много. Спасибо вам за врача, за лекарство и за то, что помогли ей сейчас. Но если в остальном ваше решение окончательное, пожалуйста, оставьте нас.

Аскалон некоторое время молчал. Я ожидала, что он напомним, в чьём присутствии нахожусь, или потребует объяснить мой тон, но герцог лишь выпрямился и поправил положение трости.

— Моё решение вы услышали, — произнёс он, направляясь к двери. Возле порога он остановился и посмотрел на младшего брата. — А с тобой, Алвиш, мы ещё не закончили.

Муж ничего не ответил, только проводил его взглядом. Дверь закрылась, и я услышала, как трость несколько раз коснулась пола в коридоре, прежде чем шаги стихли.

Мне хотелось сесть, но Алвиш стоял слишком близко к кровати, и я почему-то не решалась повернуться к нему спиной.

Он долго молчал. Я успела поправить Тайину подушку и проверить, не усилился ли жар, когда за спиной наконец прозвучал его голос.

— Довольна?

Я обернулась. Алвиш смотрел на закрытую дверь с таким выражением, словно Аскалон только что несправедливо обошёл именно с ним.

— Что? — переспросила я, не сразу поняв, к чему относится вопрос.

Муж резко повернулся ко мне.

— Я спрашиваю, довольна ли ты теперь, Югетта? — произнес Алвиш. Он шагнул ближе, и я невольно прижалась бедром к краю кровати. — Наследства нет. Денег нет. Несса в истерике. Аскалон теперь считает меня последним мерзавцем. Ты этого добивалась, когда шла жаловаться к моему брату?

Я смотрела на него и не могла верить, что он произносит это всерьёз.

— Я добивалась врача для нашей дочери, — ответила я, удерживая ладонь на спинке кровати. — Ты ведь прекрасно знаешь, зачем я пошла к Аскалону.

— Вот именно! — Алвиш вскинул руку, указывая на дверь. — Ты пошла к нему! Я запретил тебе это делать. Я ясно сказал: не ходи к брату, не унижай меня перед ним, не вмешивай его в наши семейные дела. Но ты всё равно пошла!

Он говорил всё громче, и я испуганно покосилась на Тайю. Девочка пошевелилась во сне, однако не проснулась. Я приложила палец к губам, прося мужа говорить тише, но Алвиш даже не посмотрел на кровать.

— Ты хоть понимаешь, что натворила? — продолжил он, сжимая кулаки. — Если бы ты послушалась меня, ничего этого не произошло бы. Несса спокойно оставалась бы у себя дома, Алорн ни о чём не узнал бы, Аскалон не полез бы в мои дела. Я сохранил бы наследство, и мы жили бы дальше!

Глава 60

Последние слова заставили меня крепче ухватиться за спинку кровати.

Мы жили бы дальше.

Впервые за весь день я услышала от мужа, каким именно он представлял наше будущее. Я продолжала бы считать деньги, просить отсрочки у кредиторов, штопать платья и бояться каждого приступа дочери, а он ездил бы к Нессе, обещал Алорну лошадей и рассказывал брату, сколько драгоценностей потребовала его расточительная жена.

— Значит, виновата я, потому что узнала? — изумленно спросила я, не отводя от него глаз.

Алвиш раздражённо выдохнул и провёл ладонью по волосам.

— Виновата ты, потому что не умеешь слушать мужа! — Он снова указал на дверь, словно Аскалон всё ещё стоял за ней. — Я запретил тебе к нему обращаться. Одного просил, Югетта. Одного! Но тебе обязательно нужно было сделать по-своему.

— Потому что Тайе было плохо! — Я не выдержала и повысила голос, тут же испуганно оглянувшись на дочь. — Она плакала от боли, Алвиш! Я просила тебя найти врача, а ты принёс мне сто двадцать семь золотых и сказал, что больше денег нет!

— Я принёс деньги! — выкрикнул он, и на его лице появилось то самое возмущение, с которым он раньше выслушивал мои жалобы на очередной неоплаченный счёт. — Я не оставил вас совсем без средств!

Я почувствовала, как от этих слов начинают дрожать губы. Пришлось крепко сжать их, чтобы не расплакаться от бессилия.

— Сто двадцать семь золотых, — повторила я, глядя ему в лицо. — Ты принёс мне сто двадцать семь золотых, когда у Нессы на ушах висели изумруды, которые Аскалон покупал для меня. Когда ты обещал сыну лошадку. Когда у тебя был целый дом, о котором я даже не знала.

Алвиш отвернулся, но я уже не могла остановиться. Слишком долго я привыкала молчать, когда он говорил о нехватке денег, слишком часто извинялась за то, что заболевшей дочери требовалось лечение.

— Я собирался всё решить в ближайшее время, — процедил он, повернувшись обратно. — Ты могла хотя бы немного подождать.

— Как я ждала после родов? — спросила я и почувствовала знакомую тянущую боль внизу живота, словно одно воспоминание о тех неделях заставило меня снова осторожнее перенести вес на ноги. — Когда я не могла подняться с постели, а ты сказал, что денег на врача больше нет? Или как ждала, пока ты привезёшь Тайе настоящее лекарство?

Алвиш поморщился и резко отмахнулся, будто я нарочно возвращалась к тому, что он уже объяснил.

— Опять ты об этом! Я же сказал, что не разбираюсь в лекарствах. И после родов ты поправилась, иначе сейчас не стояла бы здесь и не устраивала мне допрос!

Глава 61

Я отступила на полшага, потому что больше не могла находиться так близко к нему. От движения боль внизу живота стала заметнее, и я машинально прижала ладонь к платью.

— Я поправилась не потому, что ты мне помог, — ответила я, стараясь удержать голос. — Я просто научилась жить с тем, что осталось после родов. Ты даже не знаешь, как долго мне было больно, потому что ни разу не спросил.

Он посмотрел на мою руку, прижатую к животу, но вместо того, чтобы приблизиться или хотя бы ответить, раздражённо качнул головой.

— Ты всегда умела сделать из меня чудовище, — произнёс Алвиш с горькой усмешкой. — Что бы я ни делал, тебе всего мало. А теперь ещё и Аскалона убедила, что я какой-то вор и негодяй!

Я невольно вспомнила, как утром стояла перед его братом, пока тот обвинял меня в расточительности, и как потом Алвиш обнимал меня, убеждая, что герцог просто жестокий человек.

— Я вообще ничего о тебе не знала, — сказала я, и от этого признания стало больнее, чем от его обвинений. — Даже когда защищала тебя перед Аскалоном, я не знала, что защищаю человека, который обманывал нас обоих.

Алвиш побагровел. Он сделал несколько быстрых шагов по комнате, потом остановился возле стола, где лежали бумаги с драконьими словами, и резко повернулся ко мне.

— Потому что тебе нельзя ничего доверить! — выпалил он, уже не пытаясь сдерживаться. — Стоило тебе один раз добраться до Аскалона, и ты уничтожила всё! Всё, что я столько лет строил!

Я посмотрела на него, потом на лист, который герцог написал для нашей дочери. Бумага лежала рядом с дешёвым лекарством и куклой из старых лоскутков, и мне вдруг стало невыносимо от того, что Алвиш стоит в нашей спальне и оплакивает свою разрушенную жизнь, даже не глядя на ребёнка, ради которого я нарушила его запрет.

— Я ничего не уничтожила, — ответила я, опираясь ладонью о спинку кровати. — Я просто открыла дверь, за которой ты прятал от меня другую семью.

Муж шагнул ко мне так резко, что я невольно выпрямилась.

— Ты нарочно пошла жаловаться моему брату! — прошипел он, наклоняясь ближе. — Выставила меня нищим, вором, плохим отцом. Ты хоть понимаешь, как теперь на меня будет смотреть Аскалон?

От его близости мне стало неприятно. Я отвернула голову, но он переместился следом, пытаясь поймать мой взгляд.

— Я рассказала ему, как мы живём, — ответила я, отступая вдоль кровати. — И оказалось, что он ничего об этом не знал.

Алвиш усмехнулся, однако улыбка получилась злой.

— Конечно. Ты же у нас всегда бедная, несчастная, обиженная. А я во всём виноват.

— Я не знала, что у тебя есть Несса, — сказала я, чувствуя, как слёзы снова подступают к глазам. — Не знала об Алорне. Не знала, куда уходят деньги, которые Аскалон присылал нам с Тайей. Я даже не знала, что ты рассказываешь брату обо мне. А теперь ты стоишь здесь и обвиняешь меня в том, что я узнала правду?!

Глава 62

Он открыл рот, но я продолжила, потому что впервые за весь разговор увидела: мужу нечего ответить на это, кроме очередного обвинения.

— Ты ведь не боишься того, что сделал со мной, Алвиш. И с Тайей тоже. Ты боишься, что Аскалон теперь знает, какой ты на самом деле.

Я увидела, как изменилось его лицо. Губы сжались, на скулах проступили красные пятна, и он вдруг оказался совсем рядом.

Удар пришёлся по щеке так быстро, что я не успела ни отступить, ни закрыться рукой. Голову резко повернуло в сторону, перед глазами мелькнул край кровати, и я схватилась за спинку, чтобы не упасть на спящую дочь. Во рту появился солоноватый привкус, а левая щека сразу начала гореть, словно к ней приложили раскалённую ладонь.

Несколько мгновений я не могла повернуть голову обратно.

Алвиш ударил меня.

За все годы нашего брака он ни разу не делал этого. Мог раздражаться, уставать от моих вопросов, говорить, что я преувеличиваю, но никогда прежде не поднимал на меня руку. Я так привыкла считать его человеком, рядом с которым мне хотя бы не грозит физическая боль, что сейчас продолжала держаться за кровать и пыталась понять, действительно ли это произошло.

— Югетта... — произнёс он, и я услышала, как изменился его голос. Теперь он прозвучал испуганным.

Я медленно повернулась.

Муж стоял передо мной с опущенной рукой и смотрел на моё лицо. На мгновение мне показалось, что он сам испугался сделанного, но почти сразу его брови сошлись, а взгляд стал жёстким.

— Ты сама меня довела, — сказал он, тяжело дыша. — Я сколько раз просил тебя остановиться?

Я провела языком по внутренней стороне губы и почувствовала боль. Хотелось закрыть щеку ладонью, но я не могла заставить себя отпустить спинку кровати: ноги всё ещё плохо слушались.

— Ты ударил меня, — произнесла я, глядя на человека, с которым прожила столько лет. Алвиш раздражённо отвернулся.

— Не надо делать из этого трагедию. Я не собирался тебя бить. Просто ты не знаешь, когда нужно замолчать.

Я услышала тихий шорох одеяла и сразу обернулась к Тайе. Дочь спала, поджав пальцы возле куклы. Я осторожно коснулась её плеча, проверяя, не проснулась ли она от крика, и почувствовала, как горячая щека начинает пульсировать в такт каждому движению челюсти.

Мне хотелось забраться на кровать, обнять дочь и больше никогда не поворачиваться к Алвишу. Но он всё ещё стоял за моей спиной, и я не могла позволить себе перестать следить за ним.

— Вот теперь я точно никогда к тебе не вернусь, — трясаясь от ненависти, сказала я, не повышая голоса.

Алвиш резко выдохнул и снова шагнул ко мне.

— Югетта, перестань! — потребовал он, протягивая руку к моему плечу. — Мы уже выяснили, что развода не будет. Это была всего лишь пощёчина. Я пытался привести тебя в чувство, потому что ты меня вообще не слышала. Не раздувай из этого ещё одну трагедию. Дай посмотрю.

Глава 63

Я отступила, но кровать не позволяла уйти дальше. Его пальцы почти коснулись моего рукава, когда в коридоре снова раздался знакомый стук трости — сначала один, потом второй. Я успела только поднять голову, а за спиной мужа уже прозвучал голос:

— Убери от неё руку.

Я подняла глаза.

Аскалон стоял в открытой двери. Я не слышала, как он вернулся, и не знала, сколько времени он находился в коридоре. Герцог смотрел на нас так неподвижно, что мне стало не по себе. Его взгляд задержался на протянутой руке Алвиша, потом переместился на мою щёку.

Муж медленно обернулся.

— Аскалон, это не то, что ты думаешь, — произнёс он, пытаясь вернуть себе спокойный голос. — У нас с Югеттой небольшой семейный разговор.

Герцог вошёл в комнату и прикрыл за собой дверь. Наконечник его трости негромко коснулся пола, когда он остановился в нескольких шагах от брата.

— Это ты называешь разговором? Шаг назад, Алвиш! — повторил Аскалон, не повышая голоса.

Алвиш посмотрел на меня с такой злостью, словно даже возвращение брата было моей очередной проделкой, но всё-таки отступил. Только после этого я смогла отойти от края кровати и почувствовала, как сильно болит ушибленное бедро.

Аскалон подошёл ближе. Его взгляд остановился на моей щеке, и я невольно повернула голову, пытаясь спрятать краснеющий след. Не хотелось, чтобы он видел меня ещё и такой, но герцог уже всё заметил.

— Что произошло? — спросил он, обращаясь ко мне.

Я открыла рот и не смогла сразу ответить. Ещё недавно я спорила с ним о разводе, говорила, что мне плевать на правила Эрланте, а теперь стояла возле кровати с горячей щекой и пыталась заставить себя произнести вслух то, что произошло после его ухода.

Алвиш не выдержал молчания.

— Она меня довела, — выпалил он, шагнув в сторону брата. — Ты не представляешь, что она здесь наговорила! Я пытался её успокоить, объяснить, что ничего ещё не потеряно, а она снова начала обвинять меня во всём подряд.

Аскалон медленно повернул к нему голову.

— Ты её ударил? — спросил он так спокойно, что я почувствовала, как по спине прошёл холод.

Алвиш замаялся, посмотрел на мою щёку и раздражённо отвёл глаза.

— Я просто... Да разве это... — ответил он наконец. — Просто она совершенно перестала себя контролировать. Ты сам видел, как она сегодня себя ведёт. Она оскорбляла меня, обвиняла во всех смертных грехах, заявила, что никогда не вернётся. Любой мужчина на моём месте...

— Я спросил, ты её ударил? — перебил Аскалон, чуть сильнее сжав набалдашник трости.

Глава 64

Алвиш умолк. Я видела, как у него напряглась челюсть, как взгляд метнулся от лица брата к двери, но теперь отступить ему было некуда.

— Это был даже не удар! Просто пощечина! Чтобы она прекратила истерику, замолчала и выслушала меня! — процедил он. — Один раз. И что теперь? Она моя жена. Это наше дело.

Аскалон некоторое время смотрел на него. Потом перевёл взгляд на меня, и я почувствовала себя ещё более униженной, чем утром в его кабинете. Тогда он видел мои старые рукава и считал меня лгуньей. Теперь на лице оставался след от ладони мужа, и мне хотелось объяснить, что раньше Алвиш никогда меня не бил, словно это могло хоть немного изменить происходящее.

Я не стала ничего объяснять.

Аскалон снова посмотрел на брата.

— Ты только что лишился наследства, Алвиш, — произнёс он негромко. — Я перекрыл тебе доступ к семейным деньгам, потому что ты годами присваивал средства, предназначенные жене и дочери. Ты услышал, что твоя дочь начала оборачиваться, хотя ещё недавно называл её убыточным предприятием. И после всего этого решил, что самое разумное — ударить женщину, которая потребовала развода?

Алвиш побледнел, но упрямо поднял подбородок.

— Ты сам сказал, что разводов не будет, — напомнил он, явно цепляясь за последнее, что ещё оставалось на его стороне. — Эрланте не разводятся. Это наше правило. Югетта моя жена, и мы сами разберёмся.

Аскалон медленно выдохнул. Я видела, как его взгляд снова остановился на моей щеке, затем скользнул к Тайе, которая спала возле своей куклы, и вернулся к брату.

— Ты прав, Алвиш, — произнёс он.

Муж заметно расслабился. Даже плечи у него опустились, словно теперь, когда старший брат вернулся к семейному правилу, всё остальное снова стало неважным.

Я прижала ладонь к больной щеке, стараясь не показать, как сильно надеялась услышать другое.

— В семье Эрланте не разводятся, — продолжил Аскалон, опираясь на трость обеими руками. — Так было всегда.

Алвиш торопливо кивнул.

— Именно! Я об этом и говорю. Нельзя менять правила только потому, что Югетта...

— Значит, придётся изменить правило, — закончил Аскалон, не дав ему договорить.

Я медленно опустила руку от лица.

Алвиш смотрел на брата, явно не понимая услышанного. Потом попытался улыбнуться, словно решил, что тот произнёс неудачную шутку.

— Аскалон, ты ведь не всерьёз? — спросил он, но улыбка исчезла, когда герцог не ответил. — Ты собираешься разрешить ей развод из-за одной пощёчины?

Глава 65

Аскалон посмотрел на него с таким выражением, что Алвиш невольно отступил на шаг.

— Не из-за одной пощёчины, — произнёс герцог. — Из-за всего, что ты сделал до неё. Пощёчина только показала мне, что произойдёт, если я оставлю твою жену с тобой наедине и продолжу делать вид, что ваше семейное дело меня не касается.

Он повернулся ко мне, и я невольно выпрямилась, хотя ушибленное бедро отозвалось болью. Взгляд герцога задержался на моей щеке, но он не стал приближаться и не попытался прикоснуться.

— Вы просили развода, Югетта, — произнёс Аскалон. — Я услышал вас.

Алвиш резко вдохнул, собираясь возразить, но брат даже не посмотрел в его сторону.

— А теперь выйди из комнаты, — приказал он, обращаясь к младшему брату. — Твоей жене и дочери достаточно твоего присутствия на сегодня.

— Ты не можешь выгнать меня из комнаты моей собственной жены! — возмутился Алвиш, но не двинулся с места.

Аскалон медленно повернул к нему голову.

— Могу, — ответил он негромко. — И если тебе понадобится повторить приказ ещё раз, Алвиш, разговор станет гораздо неприятнее.

Муж посмотрел на меня. В его глазах стояла такая злость, что я машинально придвинулась ближе к Тайе, но Аскалон уже находился между нами. Алвиш стиснул зубы, резко развернулся и направился к двери.

— Ты еще пожалеешь! Ты не знаешь, что тебя ждёт! Думаешь, он даст деньги на тебя? О нет, деньги только на ребенка! И он заставит тебя ползать на коленях и отчитываться за каждую монетку! — выпалил Алвиш, задыхаясь от злости. — Или что думала? Все так просто будет!

— Мне не привыкать к нищете! — произнесла я. — К ней я привыкла. А вот ко лжи и ударам я привыкать не хочу. Даже если я буду стоять с протянутой рукой, это намного лучше, чем жить с таким, как ты!

Я слушала его шаги и впервые за весь день чувствовала облегчение.

Когда дверь закрылась, Аскалон ещё некоторое время стоял ко мне вполоборота, словно проверяя, действительно ли брат ушёл. Потом посмотрел на меня.

Я прижимала одну ладонь к щеке, а другой держалась за край кровати. Слова благодарности никак не складывались, да и произносить их сейчас было мучительно: несколько минут назад этот человек отказал мне в разводе, а теперь согласился только после того, как Алвиш ударил меня.

Но благодарить его я не собиралась. Мне нужен был ответ на один вопрос.

Глава 66

— Когда будут документы на развод? Вы сможете их подготовить? — сказала я, не сразу узнав собственный охрипший голос.

Аскалон не отвёл взгляда. Его пальцы чуть сильнее сжали трость, но он не попытался оправдаться.

— Если не передумаете, то к вечеру вам их привезут, — произнёс он после паузы.

Я посмотрела на спящую Айталину, на её маленькую ладонь возле куклы и лист с драконьими словами. Хотелось сесть рядом, обнять дочь и больше никого сегодня не видеть.

— О, я не передумаю, — произнесла я.

Я смотрела на Аскалона, вспоминая его слова в кабинете. Вспоминала, как он называл меня оболочкой женщины, требовал вернуть платье служанке и прекратить разыгрывать спектакль. А сейчас он узнал правду.

Мне хотелось, чтобы он хотя бы извинился за свои слова. Я смотрела на Аскалона и ждала извинений.

Я смотрела на Аскалона и ждала извинений.

Не красивых слов и не обещания, что он никогда больше не ошибётся. Мне хватило бы признания, что утром я говорила правду, пока он называл меня лгуньей, обвинял в жадности и советовал продать украшения, которых у меня никогда не было. Теперь он видел наш дом, дешёвое лекарство, Тайину куклу и след от руки собственного брата на моей щеке. Отвернуться от всего этого и снова сделать вид, что ничего не произошло, было уже невозможно.

Аскалон выдержал мой взгляд. Несколько секунд его лицо оставалось совершенно неподвижным, потом губы герцога сжались, а пальцы раздражённо проšliсь по набалдашнику трости. Он явно понял, чего именно я от него жду, и это понимание почему-то не сделало его ни мягче, ни виноватее.

— Как же вы меня сегодня достали, — произнёс Аскалон с таким усталым раздражением, словно именно я с самого утра воровала его деньги, содержала любовницу и заставляла собственного брата разъезжать по городу вместо того, чтобы заниматься делами рода.

Я от неожиданности даже перестала прижимать ладонь к щеке. Герцог уже развернулся и направился к двери, не оставив мне времени придумать достойный ответ. Трость несколько

раз негромко коснулась пола, дверь закрылась за его спиной, а я ещё некоторое время смотрела на пустой проём и чувствовала, как возмущение постепенно вытесняет остатки ожидания.

Ну конечно. Извинений от главы дома Эрланте я сегодня явно потребовала слишком много.

Щека всё ещё горела после пощёчины, бедро ныло там, где я ударилась о кровать, на столе лежал дешёвый пузырьёк, которым я несколько дней поила больного ребёнка, а человек, называвший меня утром наглой актрисой, нашёл в произошедшем только одну очевидную проблему: я его достала.

Глава 67

Наверное, на этом следовало окончательно перестать ждать от мужчин этой семьи чего-либо, кроме неприятностей.

К вечеру дом наконец затих. Тайя почти всё время спала после лекарства, иногда беспокойно двигаясь под одеялом, и я несколько раз проверяла чешуйки у её ключицы, опасаясь нового приступа. Они никуда не исчезли, но больше не расплзались по коже, дыхание дочери оставалось ровным, и только это удерживало меня возле кровати, когда хотелось лечь рядом и провалиться в сон хотя бы на сутки.

Стук в дверь раздался уже в сумерках.

Я нехотя поднялась, поправила платье и спустилась вниз. После всего, что произошло за день, открывать кому-либо не хотелось, однако за дверью оказался поверенный Аскалона — тот самый суховатый мужчина с папкой, который выполнял распоряжения герцога так спокойно, будто разорённые семьи, незаконные траты и внезапные любовницы появлялись в его расписании несколько раз в неделю.

В этот раз в руках у него была новая папка.

— Его светлость распорядился доставить документы сегодня, — сообщил поверенный, войдя только после того, как я отступила от двери. Он раскрыл папку на нашем старом столике и аккуратно разложил бумаги, придерживая угол верхнего листа двумя пальцами. — Здесь требуется ваша подпись. Заявление о расторжении брака и подтверждение того, что требование исходит в том числе от вас.

Слово «расторжение» должно было что-нибудь во мне перевернуть. Ещё вчера, наверное, одно предположение о разводе заставило бы меня вспоминать свадьбу, первые годы с Алвишем, его объятия и те вечера, когда мы сидели вдвоём возле маленькой кровати и строили планы на будущее.

Сегодня перед глазами возникла только его рука, резко ударившая меня по лицу.

Я взяла перо.

Поверенный молча подвинул чернильницу ближе, показал место для подписи и отступил на полшага, оставляя мне достаточно пространства, чтобы читать. Я действительно прочла документ от начала до конца, хотя буквы несколько раз начинали расплываться от усталости, а потом поставила имя там, где требовалось.

Рука не дрогнула.

На втором листе подпись далась ещё легче.

Когда я закончила, поверенный промокнул чернила и не стал сразу убирать бумаги. Его палец задержался возле следующего пункта, а голос приобрёл ту сухую деловую интонацию, которая после сегодняшних криков показалась почти успокаивающей.

— Есть ещё вопрос имущества. При расторжении брака супруг обязан вернуть вам стоимость внесённого приданого. Сумма указана здесь.

Я сначала посмотрела туда, куда он показывал, и только потом поняла смысл услышанного.

— Приданого? — переспросила я, невольно коснувшись пальцами края листа.

Я столько лет жила в нищете, что почти забыла: когда-то у меня вообще было что-то своё.

Глава 68

Само слово показалось почти чужим.

Когда-то у меня действительно было приданое. Не состояние, способное впечатлить Эрланте, и уж точно не те суммы, которыми Аскалон распоряжался одним росчерком пера, но я вошла в дом Алвиша не с пустыми руками. Были деньги, вещи, украшения, часть которых потом исчезала из моей шкатулки всякий раз, когда семье требовалось пережить очередной трудный месяц.

За годы нужды я успела настолько привыкнуть к мысли, что у меня ничего нет, что почти забыла: когда-то было.

Поверенный назвал сумму, и я пересчитала её сама, не доверяя слуху. По меркам дома Эрланте она, вероятно, выглядела смешной. Для женщины, которая ещё утром собиралась продать последнюю жемчужину ради врача, этих денег было достаточно, чтобы впервые за много лет не считать дни до следующего платежа кредитору.

— Алвиш должен вернуть мне всё это? — спросила я, продолжая смотреть на цифры.

— Обязан, — подтвердил поверенный, собирая подписанные листы в папку. Его пальцы привычно выровняли края бумаг, а затем он добавил: — Это не содержание от дома Эрланте, мадам. Речь идёт о вашем имуществе.

Последние слова почему-то оказались важнее суммы.

Моём. Я пробовала это слово на вкус и повторяла беззвучно. Речь идет о моем имуществе.

Не деньгах Аскалона, которые он позволил потратить. Не деньгах Алвиша, которые нужно было просить, дожидаясь его возвращения. Не средствах, выделенных Тайе и принадлежащих ребёнку по праву крови.

Моё приданое.

Я и забыла, что у меня что-то есть. Годы нищеты словно стерли саму мысль, что у меня может быть что-то. Странная и непривычная мысль заставила на секунду замереть, пытаюсь ее осознать.

Когда поверенный уехал, я ещё некоторое время сидела за столом и смотрела на чернильное пятно возле места, где лежали бумаги. Впервые за весь день впереди возникло не только то, от чего хотелось убежать, но и что-то, что можно было начать строить самой.

Денег приданого не хватит на всю жизнь. Я прекрасно это понимала. Они закончатся, как заканчивается всё, если только тратить и ничего не зарабатывать. Но теперь между мной и очередной просьбой к Эрланте появилось время: несколько месяцев, в которые можно было найти способ содержать себя самой.

Я не хотела больше стоять перед Аскалоном с протянутой рукой. Не хотела ждать Алвиша, который обещал вернуться с деньгами. Не хотела объяснять ни одному мужчине, почему мне нужны платье, еда или крыша над головой.

Я ещё не знала, что первый способ заработать найдёт меня сам — уже очень скоро.

Глава 69

Тайино содержание оставалось Тайиным. Я не собиралась из гордости отказываться от врачей и лекарств, которые принадлежали дочери по праву. Но себя я содержать научусь сама.

Наверху скрипнула кровать, и все мысли о деньгах сразу исчезли.

Айталила ненадолго проснулась. Я разогрела оставшийся бульон, села возле неё и стала кормить маленькими ложками, дожидаясь каждого глотка. Дочка морщилась от слабости, иногда закрывала глаза прямо с ложкой у губ, но сегодня хотя бы не отворачивалась от еды, и после нескольких ложек я впервые позволила себе поверить доктору, что завтра ей станет легче.

— Всё будет хорошо, моя хорошая, — тихо рассказывала я, вытирая салфеткой каплю бульона возле её губ. — Мы с тобой справимся. Найдём другой дом, если понадобится. Разберёмся с долгами. Я что-нибудь придумаю.

Тайя сонно моргнула, уже почти не понимая слов, и уткнулась щекой в подушку. Я поправила одеяло, положила рядом куклу и продолжила говорить, хотя дочь снова начала засыпать.

— А главное, мама больше никогда не будет зависеть от этой семейки, — пообещала я ей и себе, осторожно проводя ладонью по волосам. — Тебе они семья, и всё, что тебе положено, ты получишь. А я как-нибудь сама. У меня теперь даже есть с чего начать.

Тайя уже спала и ничего не ответила. Я ещё долго сидела возле неё, прислушиваясь к дыханию и чувствуя под пальцами мягкие нитяные волосы куклы, которую когда-то сшила из остатков старой накидки только потому, что купить другую игрушку было не на что.

Утром меня разбудило движение рядом.

Я уснула прямо возле кровати, уронив голову на сложенные руки, и теперь шея ныла, а щёку неприятно тянуло там, где остался след от ладони Алвиша. Айталиνα уже открыла глаза. Она выглядела всё ещё слабой, но жар больше не окрашивал лицо тем страшным красным цветом, а кукла была крепко прижата к груди.

Дочка некоторое время разглядывала меня, словно пыталась вспомнить вчерашний день, потом обвела комнату сонным взглядом и спросила:

— Мам, а где папа? Он уже приехал? — Тайя приподнялась на локте и посмотрела на дверь, явно ожидая, что Алвиш сейчас войдёт, как входил после своих прежних поездок.

У меня болезненно сжалось что-то под рёбрами. Мы привыкли к длинным отлучкам Алвиша, считая их долгом перед семьей. Тайя часто сидела у окна и ждала папу. А я вроде бы жила с человеком, но разговаривала больше с чайником.

Вчера я могла сказать мужу, что никогда к нему не вернусь. Могла потребовать развод, подписать документы и не пожалеть ни об одной букве. Объяснить всё это ребёнку оказалось намного сложнее.

Но что именно я могла сказать ребёнку о человеке, по которому она всё ещё скучала?

Глава 70

Сказать правду означало рассказать, что отец годами тратил деньги на другого ребёнка, потому что считал сына важнее дочери. Тайя ещё не умела отделять чужую подлость от собственной ценности. Она могла услышать только одно: папа выбрал другого ребёнка, потому что со мной что-то не так.

Я не собиралась оставлять ей такую рану.

Но и выдумывать долгую историю не смогла.

— Папа снова уехал по делам, — ответила я наконец, поправляя сползшее с её плеча одеяло.

Знакомая фраза неприятно оцарапала изнутри. Именно так Алвиш объяснял свои исчезновения все эти годы, и теперь ту же ложь произнесла я сама, пусть и для того, чтобы защитить дочь от правды, которую она пока не могла вынести.

Айталиνα не заметила моей паузы. Она только крепче обняла куклу, прижалась носом к нитяным волосам и тихо призналась:

— Я скучаю по папе.

Мне пришлось отвернуться к окну, будто я проверяла погоду. Вчерашнее отвращение к Алвишу никуда не исчезло, но Тайя любила совсем другого человека — отца, который возвращался из поездок, обещал подарки, иногда привозил что-то недорогое, гладил её по голове и оставался для неё тем, по кому можно скучать.

Отнять этого отца одним рассказом было гораздо легче, чем потом собрать ребёнка обратно.

Стук в дверь спас меня от необходимости отвечать.

Я укутала Тайю плотнее, велела ей не вставать и поспешила вниз. На крыльце снова стоял поверенный Аскалона, только сегодня папка в его руках была гораздо тоньше, а рядом с ней он держал ещё один сложенный документ.

— Прошу прощения за ранний визит, мадам, — произнёс мужчина, входя в прихожую. Он раскрыл бумагу и протянул её мне таким движением, словно вручал самый обычный счёт. — Ваш брак официально расторгнут.

Я перечитала первую строку, потом последнюю, увидела печать и снова вернулась глазами к дате.

— Уже? — невольно спросила я, не понимая, как вчера вечером поставленная подпись успела превратиться в окончательное решение.

Поверенный едва заметно поджал губы, будто ответ одновременно казался ему очевидным и совершенно не заслуживающим дальнейших вопросов.

— Его светлость лично ездил к королю, — объяснил он, и только тогда я вспомнила вчерашнее лицо Аскалона и его усталое: «Как же вы меня сегодня достали».

Значит, после этого он сел в карету и поехал добиваться моего развода.

Я снова посмотрела на документ, не зная, раздражает меня этот человек или удивляет ещё сильнее.

Поверенный тем временем достал второй лист и положил его поверх уведомления.

— А это подтверждение банковского счёта на ваше имя. Сумма вашего приданого уже перечислена. Ваш бывший супруг исполнил обязательство.

Я увидела собственное имя и замерла.

Цифры были теми же, которые мне назвали вчера, но только сейчас они перестали быть строкой в документе и стали деньгами, к которым Алвиш больше не имел никакого отношения. Я могла распоряжаться ими сама, не спрашивая разрешения и не объясняя, зачем мне понадобился каждый золотой.

Поверенный дал мне время дочитать, а затем раскрыл небольшую записную книжку и заговорил уже о другом:

— Его светлость распорядился выяснить, что сейчас требуется Айталине. Не в дальнейшем, а сегодня. Назовите необходимое.

Я открыла рот, чтобы по привычке сказать: «Ничего». И впервые остановилась.

Глава 71

Я едва не ответила по старой привычке, что нам ничего не нужно, но наверху лежал ребёнок, который несколько дней почти не ел, спал на старом белье и только вчера получил настоящее лекарство. Гордость здесь снова не имела права решать за неё.

Я перечислила всё, что вспомнила: продукты, молоко, мясо, свежие фрукты, чистое постельное бельё, лекарства по назначению врача и несколько вещей взамен тех, из которых Тайя уже выросла. Поверенный не удивился ни одному пункту и не спросил, действительно ли ребёнку всё это необходимо. Он только записал, уточнил несколько практических деталей и закрыл книжку.

Через несколько часов наш дом перестал быть похож на прежний.

Привезли столько еды, что я сначала растерялась, не понимая, куда всё убрать. Свежий хлеб ещё пах тёплой коркой, рядом лежали масло, мясо, сыр, овощи и фрукты, которые я давно не покупала не потому, что не любила, а потому, что каждый раз находилось что-нибудь нужнее. Я ловила себя на привычном желании отложить лучшее на потом, растянуть масло на неделю и спрятать часть продуктов, словно следующая корзина могла больше никогда не появиться.

Потом напоминала себе: это еда Тайи. Ребёнку больше не нужно экономить на каждом куске.

С деньгами на моём собственном счёте всё обстояло иначе. Их следовало беречь, и именно поэтому после завтрака я достала газету с объявлениями и устроилась возле кровати дочери с карандашом.

Горничная и кухарка ещё вчера показались бы мне такой же непозволительной роскошью, как изумрудные серьги. Сегодня я впервые смотрела на стоимость их работы и думала не о том, можно ли прожить без помощи, а о том, сколько времени освобождается, если перестать в одиночку убирать дом, стирать, готовить и одновременно ухаживать за ребёнком.

Приданого хватит ненадолго, если просто его тратить. Мне нужен был собственный заработок, а для этого прежде всего требовались часы, в которые руки заняты не чужой грязной посудой и штопкой последней простыни.

Я обвела карандашом два подходящих объявления и подняла голову на шорох возле кровати.

Айталиνα сидела среди подушек и ела гораздо лучше, чем вчера. На небольшом столике перед ней стояла тарелка с едой, которую привезли утром, а рядом лежала её кукла. Я уже успела несколько раз порадоваться каждому съеденному кусочку, поэтому заметила, когда дочь осторожно отодвинула часть еды к краю тарелки.

— Не понравилось? — спросила я, откладывая газету и внимательно глядя на неё, потому что после болезни любое изменение аппетита снова заставляло насторожиться.

Тайя покачала головой, прижала к себе куклу одной рукой, а второй ещё немного отодвинула нетронутую еду, будто боялась, что я случайно заставлю её доесть.

— Это я кушать не буду, мама, — серьёзно объяснила дочь, бережно прикрыв оставленный кусочек салфеткой. — Я папе оставила.

Глава 72

— Папа уехал на несколько дней, — объяснила я, придвигаясь к Тайиному столику и осторожно отгибая салфетку, которой она накрыла оставленную еду.

Мне хотелось сказать это так буднично, чтобы дочь не услышала ничего, кроме обычной отцовской поездки, хотя после вчерашнего каждое упоминание Алвиша будто заставляло снова чувствовать горячий след на щеке.

— До его возвращения всё это испортится. Давай ты лучше съешь сама, а папе потом оставим что-нибудь свежее.

Айталиνα посмотрела на кусочек, который так старательно берегла, и нахмурилась. Мягкую куклу она прижимала к груди одной рукой, а второй придерживала край салфетки, словно я могла без предупреждения забрать приготовленное для отца угощение.

— А точно испортится? — спросила она с такой серьёзностью, будто от моего ответа зависело, нарушит она важное обещание или нет.

— Точно, — заверила я, заметив, что сомнение с её лица не исчезло, и мягко добавила, снова накрывая её пальцы своими: — Папа ведь не хотел бы, чтобы ты заболела ещё и от старой еды. А еще нужно выпить лекарство. Это обязательно!

Этот довод оказался убедительнее. Тайя нехотя убрала салфетку, хотя к оставленному кусочку сразу не притронулась, и я не стала её торопить.

После вчерашнего приступа мне было достаточно видеть, что она сидит среди подушек, сама держит ложку и спорит со мной о еде, а не мечется от боли, пока под кожей проступает чешуя.

Даже медлительность её движений сейчас скорее успокаивала: дочь была слабой, но бодрствовала и смотрела на меня ясными глазами.

Она выпила лекарство, поморщилась, а я успокоилась, глядя на то, как она бережит платье любимой куклы.

Стук в дверь раздался, когда я снова взяла газету с объявлениями и попыталась решить, кому из двух женщин написать первой. Я уже собиралась подняться, но снизу постучали ещё раз — без тяжёлой уверенности поверенного Аскалона и без вчерашнего грохота дверного

кольца, который теперь слишком прочно связывался у меня с очередной бедой. На крыльце оказалась миссис Гейден, принеся небольшую корзинку, прикрытую тканью.

С порога соседка начала объяснять, что пришла ненадолго и ни в коем случае не собирается тревожить больного ребёнка, однако, едва мы поднялись вверх, сразу подошла к Айтилине, коснувшись её лба и только после этого позволила себе улыбнуться.

— Совсем другое дело, — одобрительно произнесла миссис Гейден, поправляя край Тайино одеяла и с явным облегчением всматриваясь в лицо девочки. — Вчера я уже не знала, за кого молиться: за девочку или за тебя. Вид у вас обоих был такой, что впору всем доктора звать.

— Сегодня уже лучше, — ответила я и машинально коснулась щеки.

Я сразу встретила с внимательным взглядом миссис Гейден.

Глава 73

След от пощёчины побледнел, но при нажатии кожа всё ещё отзывалась тупой болью, поэтому я сразу опустила руку, надеясь, что соседка не заметила этого движения.

Миссис Гейден всё-таки заметила: её взгляд задержался на моём лице дольше необходимого, однако расспрашивать она не стала, за что я была ей почти благодарна.

Вместо вопросов соседка повернулась к Айтилине и, кивнув на мягкую куклу в её руках, заговорила с деловитостью человека, который пришёл не из праздного любопытства:

— А я вообще-то пришла по делу. Можно посмотреть на твою красавицу?

Тайя отдала игрушку не сразу. Сначала крепче обняла её за длинные мягкие ноги, потом посмотрела на миссис Гейден и только после этого нехотя протянула.

Соседка приняла куклу осторожно, будто понимала, насколько важным сокровищем та была для ребёнка, и снова принялась рассматривать простое платьице, вышитое лицо и длинные руки без пуговиц и бусин. Именно она ещё вчера сказала, что такие игрушки могли бы покупать, но тогда у меня не было ни сил, ни желания всерьёз думать о её словах.

Сегодня интерес миссис Гейден оказался гораздо конкретнее. Она провела пальцем по краю кукольного платья и, всё ещё разглядывая швы, произнесла:

— У моей внучатой племянницы скоро день рождения. Она ещё совсем маленькая. Я вчера весь вечер думала о вашей игрушке: мягкая, ничего не оторвёшь, ничего не проглотит, и выглядит не как те страшные тряпичные мешки, которые продают для малышей. Ты не могла бы сшить ещё одну? Я заплачу! Три золотых!

Я на секунду задержала взгляд на собственных стежках, проверяя, правильно ли поняла просьбу, и переспросила:

— Такую же?

— Не совсем такую же, конечно. Я кое-что принесла, — уточнила миссис Гейден, возвращая Тайе её куклу и подтягивая к себе корзинку.

Она сняла прикрывавшую её ткань, и под ней оказалось маленькое детское платье.

Когда-то оно, наверное, было нарядным: светлая ткань с мелкими цветами, тонкая отделка по вороту, несколько аккуратных складочек на юбке. Сейчас платьице выглядело старым, но сохранилось удивительно хорошо, и по тому, как миссис Гейден разгладила ткань ладонью, стало понятно, что вещь берегли не потому, что её ещё можно было кому-нибудь надеть.

— Это платье её матери, — пояснила соседка, и в её голосе появилась такая нежность, что я перестала смотреть на состояние ткани и посмотрела на неё. — Она носила его маленькой. Я столько лет храню и всё думаю, зачем. Отдать жалко, выбросить тем более. А вчера посмотрела на вашу куклу и подумала: если взять эту ткань на платьице для игрушки, получится вроде как память. Девочка вырастет, а у неё останется кусочек маминого детства.

И именно тогда я впервые увидела в этой кукле не просто игрушку. Возможность.

Глава 74

Я приняла платье и провела пальцами по мягкой, истончённой от времени ткани. Теперь я смотрела на него уже не как на вещь, которую жалко разрезать: в голове сами собой складывались детали будущей куклы.

Юбочку можно было выкроить из нижней части, отделку воротника осторожно перенести почти целиком, а для тела взять мягкую однотонную ткань, чтобы не уничтожать лишнее из того, что миссис Гейден так долго хранила. Где-то у меня лежит однотонная ткань простыни. Прямо в цвет кожи. Там хватит еще на одну куклу точно.

— Я сошью, — пообещала я, ещё раз проверяя, хватит ли ширины подола, и добавила уже увереннее: — Думаю, много времени не понадобится.

Миссис Гейден сразу просияла и, кажется, обрадовалась моей уверенности больше, чем самой возможности получить подарок. — Вот и прекрасно. За работу я заплачу, — объявила она, забирая пустую корзинку с кровати.

Я провела большим пальцем по истончённому краю детского платья и всё-таки начала возражать:

— Вы же ткань сами принесли. Брать деньги с женщины, которая ещё вчера сидела возле моей больной дочери, казалось неловким, но соседка даже дослушивать не захотела.

Миссис Гейден поджала губы и отрезала с такой уверенностью, что я сразу поняла: дальнейший спор только оскорбит её.

— Ткань моя, руки ваши. И если я хочу подарить ребёнку хорошую вещь, то заплачу тому, кто её сделал. Не вздумай опять изображать из себя благотворительное общество.

Я невольно улыбнулась. Вчера её слова о том, что кто-то мог бы купить такую куклу, казались почти нелепыми на фоне больной Тайи, долгов и десяти тысяч золотых, которые я не могла найти на врача.

Сегодня рядом со мной лежало старое детское платье, а передо мной стояла женщина, которая действительно хотела заплатить за мою работу. Это было не возвращённое по закону приданое, не содержание дома Эрланте и не деньги, предназначенные дочери: впервые кто-то собирался дать деньги именно мне за то, что сделаю я сама.

Вспомнив об обведённых объявлениях, я всё-таки решила воспользоваться ещё одной помощью и попросила соседку:

— Тогда договорились. Миссис Гейден, вы не могли бы немного посидеть с Тайей? Я хотела написать двум женщинам насчёт работы. Горничной и кухарке. Если отправить письма сейчас, возможно, они успеют прийти сегодня.

— Иди, — разрешила миссис Гейден, уже устраиваясь на стуле возле Айталины, и с такой деловой уверенностью добавила: — Мы тут прекрасно справимся без тебя.

Впервые за много лет у меня появилось несколько часов, которые принадлежали только мне. И я собиралась понять, во что их можно превратить.

Глава 75

Всем своим видом она показывала, что обратно меня до окончания писем не пустит. Тайя тут же оживилась и начала показывать ей новые продукты, заодно сообщая, что папа скоро вернётся, поэтому я вышла прежде, чем пришлось бы снова объяснять, насколько неопределённым стало это «скоро».

Я спустилась вниз, достала бумагу и написала два коротких письма по адресам из объявлений, а потом отнесла в конец улицы и бросила в магический почтовый ящик.

Ответы пришли быстрее, чем я рассчитывала: к полудню сначала появилась женщина, согласившаяся работать горничной, а вскоре за ней — кухарка.

Я познакомила их с домом, показала комнаты, кухню, кладовую и всё, чем им предстояло заниматься, и впервые за много лет увидела наше жильё глазами людей, которые не успели привыкнуть к каждой трещине.

Обои местами выпвели настолько, что первоначальный рисунок угадывался только за мебелью. В углу прихожей по-прежнему осыпалась штукатурка, возле кухонного окна рассохлась рама, одна дверца шкафа держалась так ненадёжно, что я заранее предупредила кухарку не тянуть её на себя слишком резко, а пол в коридоре давно требовал ремонта.

Пока я каждый день думала о еде, лекарствах, долгах и о том, как пережить ещё одну вещь так, чтобы её хватило Тайе, дом старел вместе с нами, и я перестала замечать это почти так же, как перестала замечать раны, ожоги и мозоли на собственных руках.

Теперь у меня были деньги, и впервые мысль о ремонте не выглядела издевательством. Можно было вызвать мастеров, починить окна, купить обои, заменить шкаф и несколько старых предметов мебели. Я даже провела пальцами по трещине возле дверного косяка, прикидывая, с какой комнаты начать, но почти сразу вспомнила цифру на банковском счёте и почувствовала знакомую необходимость считать не то, что хочется, а то, что будет потом.

Приданое казалось огромным только рядом со вчерашними сто двадцатью семью золотыми.

Если начать менять мебель, чинить комнаты и покупать всё, что годами откладывалось, деньги исчезнут гораздо быстрее, чем мне хотелось признавать, а одного заказа на куклу было слишком мало, чтобы уже считать себя женщиной с постоянным заработком.

Тайя получит врачей, лекарства и всё необходимое от дома Эрланте, потому что это принадлежало ей по праву, но вчера я пообещала себе другое: я сама больше не стану жить на деньги этой семьи. Поэтому трещина могла подождать. Деньги пока были важнее красивых стен.

Я решила: эти деньги должны купить мне не красивые стены. Свободу.

Глава 76

Кухарка тем временем добралась до кухни и через несколько минут начала ворчать так громко, словно всё это время дом существовал исключительно затем, чтобы однажды оскорбить её профессиональные чувства состоянием кастрюль и запасов.

Горничная открыла окна, принялась выносить пыльные вещи и двигать стулья, и я неожиданно поймала себя на том, что прислушиваюсь к этим звукам. Несколько лет любой скрип ведра, хлопок половики или звон посуды означал работу, которую нужно сделать мне самой; теперь впервые дом шумел чужими руками, а мои оставались свободными.

Сначала мне почти физически хотелось пойти помочь. Я уже сделала несколько шагов к кухне, но остановилась, вспомнив, зачем вообще наняла этих женщин, и вернулась вверх к детскому платьицу миссис Гейден.

На кровати рядом с ним лежали иглы, нитки и остатки подходящей ткани, и, устроившись у окна, я принялась за работу.

После многих лет, когда приходилось перелицовывать рукава, латать прорехи и выкраивать Тайины вещи из собственных платьев так, чтобы ткани хватило ещё хотя бы на одну переделку, сшить небольшую мягкую куклу оказалось почти отдыхом. Самым трудным было приложить ножницы к старому детскому платью: я несколько раз проверила выкройку и только потом сделала первый надрез, понимая, что второго такого материала у миссис Гейден нет. Из нижней части получилась пышная юбка, старую отделку я осторожно сняла и перенесла на ворот, а длинные руки и ноги сделала из мягкой светлой ткани.

Когда соседка увидела готовую игрушку, она задержалась у окна и несколько мгновений просто держала её обеими руками, поворачивая к свету. Потом провела пальцами по знакомому рисунку и тихо произнесла:

— Это же её платьице. Надо же. Смотришь и сразу вспоминаешь её маленькой. Она в этом платье ещё бегать толком не умела, всё падала на колени и пачкала подол.

Я следила за тем, как меняется её лицо, и поняла, что для миссис Гейден игрушка уже перестала быть просто подарком ребёнку. Старое платье, которое столько лет занимало место

в корзине, внезапно снова стало частью жизни той маленькой девочки, которой когда-то принадлежало.

Миссис Гейден пригладила нитяные волосы куклы и, задержав пальцы на затылке, спросила уже с новым интересом:

— Знаешь, что ещё было бы красиво? Если бы волосы сделать настоящими. У нас где-то сохранился локон, который ей срезали в детстве. Моя сестра хранила. Представляешь? Платье из её детского платьица, волосы — её собственные. И всё это потом достанется дочери.

Я провела взглядом от нитяных прядей к старой ткани юбки. Мысль оказалась настолько простой, что я сразу увидела готовую куклу: не просто игрушку, а вещь, в которой можно сохранить то, что иначе десятилетиями лежит в коробках. — Можно попробовать, — согласилась я, осторожно поправляя юбочку. — Если принесёте локон, я посмотрю, как лучше закрепить, чтобы волосы держались.

— Принесу обязательно, — заверила миссис Гейден, и только после этого полезла за деньгами. Монет было немного, особенно рядом с суммой моего приданого, но когда они легли мне в ладонь, ощущение оказалось совсем другим, чем утром у банковского документа.

Эти деньги никто не возвращал мне по закону и не выдавал на содержание: я заработала их сама.

Глава 77

Я медленно сомкнула пальцы, а соседка, видимо, приняла мою паузу за попытку снова отказаться от оплаты и сразу предупредила:

— Даже не начинай говорить, что много. За такую вещь я бы в лавке заплатила не меньше.

Спорить я не стала. После её ухода дом окончательно перестал быть тихим: горничная ходила из комнаты в комнату, во дворе временами глухо хлопала выбиваемая ткань, кухарка продолжала чем-то возмущаться на кухне, но вместе с её ворчанием по коридору постепенно расплзался запах еды.

Не жидкого бульона, который приходилось растягивать на два приёма, и не дешёвого блюда, выбранного только потому, что на другое не хватало денег; пахло жареным мясом, свежим хлебом и пряностями, от которых даже у меня впервые после вчерашнего появился аппетит.

Позже привезли игрушки, и Айталиня на время забыла о слабости ровно настолько, насколько способен забыть болезнь ребёнок при виде целой коробки вещей, которых у него никогда не было.

Я сидела рядом, наблюдая, как она достаёт мягких зверей, маленькую посуду, фигурки животных и несколько кукол, и каждый раз ловила себя на непривычном желании сказать: «Осторожнее, не испорть», хотя теперь разбитая игрушка уже не означала, что другой не будет несколько лет.

Одну из кукол Тайя особенно полюбила сразу. Фарфоровая красавица была одета в нарядное платье с крошечными пуговками, а аккуратные локоны лежали так ровно, что моя длинноногая кукла рядом с ней выглядела почти смешно.

Дочь, однако, старую игрушку не отложила: новую посадила возле себя, а мягкую прижала к боку, словно дорогая фарфоровая красота не могла заменить то, с чем она спала все прежние ночи.

Убедившись, что Тайя занята подарками и чувствует себя достаточно хорошо, я спустилась на кухню. Кухарка встретила меня новым ворчанием: еды теперь было столько, что хранить её толком негде, половину посуды давно пора заменить, а шкаф, по её мнению, вообще держался исключительно из упрямства. Я выслушала замечания, снова подавила желание немедленно потратить деньги на кастрюли, полки и ремонт и пообещала подумать.

Ответить ещё что-нибудь я не успела. Наверху что-то глухо ударилось о пол, и почти сразу следом раздался звон разбившегося фарфора.

Глава 78

После вчерашнего мне хватило этих двух звуков, чтобы ладонь сама разжалась на спинке стула, а всё внимание мгновенно ушло туда, где оставалась Тайя. Я бросилась к лестнице, поднялась так быстро, как позволяли ноги, и влетела в спальню.

Первым я увидела белые осколки. Фарфоровая кукла лежала возле кровати с разбитым лицом, кусочки головы рассыпались по полу, нарядное платье задралось, а совсем рядом на боку лежала Айталиня.

— Тайя! — крикнула я, уже опускаясь возле неё на колени и подхватывая за плечи. Дочь не ответила; её лицо побледнело, пальцы судорожно сжимались возле груди, а дыхание снова стало коротким и рваным, почти таким же, каким было во время вчерашнего приступа.

Я просунула одну руку ей под спину, вторую под колени и попыталась подняться. Низ живота тут же пронзило знакомой тянущей болью, которая после родов возвращалась каждый раз, когда я поднимала слишком тяжёлое или долго оставалась на ногах.

На мгновение пришлось замереть, крепче прижав дочь к груди и уперевшись ступнёй в пол, но отпустить Тайю обратно рядом с осколками я не смогла.

Она оказалась пугающе лёгкой, и от этого стало ещё страшнее: несколько лет я экономила на себе, чтобы ей доставалось лучшее из того малого, что у нас было, а теперь несла ребёнка и слишком ясно чувствовала, как мало она весит.

До кровати оставалось всего несколько шагов. На последнем боль внизу живота стала острее, и я почти уронила дочь на матрас, успев повернуть её так, чтобы голова легла на подушки, а не ударилась о деревянную спинку.

— Тише, моя хорошая. Мама здесь. Сейчас, сейчас... — уговаривала я Тайю, одновременно стараясь отдышаться и натягивая на неё одеяло, пока собственные руки не начали дрожать от напряжения.

Когда ткань рубашки сдвинулась на плече, я увидела у ключицы тёмные чешуйки. После вчерашнего мне уже не понадобилось время, чтобы понять, что это не сыпь и не игра света; одна пластинка блеснула, рядом проступала следующая, и страх сразу стал конкретным.

Я метнулась к столику за листом, который Аскалон написал для меня, схватила бумагу обеими руками и вернулась к кровати прежде, чем чешуя успела расползтись дальше.

Я была уверена, что теперь справлюсь сама. Я ошибалась.

Глава 79

Драконьи знаки по-прежнему ничего мне не говорили, но под ними стояли обычные буквы, выведенные специально для меня.

Я нашла первую строку и начала читать, стараясь вспомнить не только сочетания звуков, но и то, как вчера они звучали из уст Аскалона. Первое слово застряло на языке; то, что на бумаге выглядело сложным, но возможным, во рту превратилось в бессмысленную кашу.

Я начала сначала, медленнее, растягивая непривычные сочетания и заставляя язык двигаться так, как, по моему воспоминанию, двигался голос герцога.

Тайя болезненно дёрнулась под одеялом, и я наклонилась к ней ближе, не выпуская листа.

— Сейчас, милая. Подожди. Я смогу, — пообещала я скорее себе, чем ей, и снова посмотрела на строку.

Со второй попытки слова прозвучали отчётливее, но ничего не изменилось. Дыхание дочери не успокаивалось, пальцы по-прежнему были сведены, а возле первой чешуйки уже блеснула следующая.

Я перечитала строку ещё раз и наконец услышала собственный голос так ясно, что поняла разницу: у меня получалась человеческая речь, тогда как вчера Аскалон говорил иначе.

Я помнила этот звук слишком хорошо — низкий, гортанный, временами почти рычащий, будто часть слов рождалась глубже обычного голоса. На бумаге он записал буквы, но буквы не передавали того, что я слышала возле кровати.

Я стиснула лист сильнее и попыталась повторить именно ту интонацию, с которой вчера говорил Аскалон.

Язык снова запутался на непривычном сочетании звуков, голос сорвался куда-то выше, чем нужно, а Айтилина застонала так тихо, что я сразу забыла и о собственной боли, и о том, как нелепо звучала моя попытка.

— Нет, нет, нет... — выдохнула я, прижимая свободную ладонь к её горячему лбу и заставляя себя снова смотреть на запись, а не на чешуйки у ключицы. — Сейчас, моя хорошая. Ещё раз.

Вчера я попросила Аскалона записать эти слова именно затем, чтобы не оказаться беспомощной, если приступ повторится без него.

Бумага была у меня в руках, буквы я видела и могла прочесть, но от моего голоса Тайе не становилось легче.

Я попробовала ещё раз, медленнее, потом ещё, пока не поняла, что дело не в том, насколько старательно я повторяю написанное.

Аскалон вчера сказал, что разговаривал с её драконом внутри. Я тогда думала прежде всего о словах и потребовала записать их, будто достаточно будет правильно сложить звуки.

Теперь, глядя на сведённые пальцы дочери, я слишком ясно услышала разницу между своим голосом и тем низким гортанным звучанием, от которого вчера её судороги начали отпускать. Одних букв было мало: мне нужен был дракон.

В первое мгновение я подумала об Алвише. Не потому, что хотела его видеть или успела забыть вчерашнюю пощёчину: он оставался отцом Айтилины и сам ещё вчера кричал, что она Эрланте, его дочь, часть его семьи.

Глава 80

Если существовал хотя бы шанс, что он сможет сделать то же, что сделал Аскалон, я не имела права отвергать этот шанс только потому, что больше не хотела находиться рядом с мужем.

Я поднялась слишком резко, и боль внизу живота заставила ухватиться за край кровати. Пришлось переждать несколько вдохов, пока тянущее ощущение немного отпустит, но задерживаться дольше я не могла.

На шум в дверях появилась горничная, увидела Айтилину и сразу побледнела.

— Оставайтесь с ней, — попросила я, складывая лист Аскалона и пряча его в карман платья. Мне пришлось повторить спокойнее, потому что женщина всё ещё смотрела на Тайины руки. — Ни на минуту одну не оставляйте. Я скоро вернусь.

Горничная торопливо подошла к кровати, а я вышла из комнаты, пока страх не заставил меня вернуться и снова беспомощно читать те же строки.

Я схватила со столика письмо о разводе с номером банковского счета, на который перечислили мои деньги. Это на случай, если они пригодятся.

На улице холодный воздух обжёг разгорячённое лицо.

До соседней улицы, где обычно стояли извозчики, было недалеко, но уже на первом повороте дыхание сбилось, а низ живота снова потянуло после того, как я несла Тайю. Я придерживала юбку одной рукой, второй прижимала к карману бумагу и продолжала идти почти бегом.

Извозчики стояли на привычном месте, переговариваясь возле экипажей и лошадей. Первый мужчина, к которому я подошла, выпрямился, увидев, как я пытаюсь отдышаться, но расспрашивать не стал. Я назвала адрес на Бриллиантовой улице и забралась в экипаж, даже не спросив цену.

Кучер стегнул лошадь, и колёса застучали по мостовой. Чем дальше мы ехали, тем шире становились улицы, а фасады домов отступали от дороги за ограды и ухоженные дворы.

Здесь достаток не приходилось угадывать по новым шторам или свежей краске на двери: он начинался у ворот и продолжался до самой крыши.

Экипаж остановился перед домом, который никак не вязался со всеми прежними рассказами Алвиша о трудных месяцах, непредвиденных расходах и пустой семейной кассе. Я вышла, запрокинула голову к фасаду и на несколько секунд задержалась у ворот, хотя Тайя ждала меня дома. Именно сюда мой муж приезжал, когда говорил, что денег нет. Именно здесь оставались те суммы, которых не хватало на настоящее лекарство для его дочери.

Я заставила себя подойти к двери и постучала. Открыл дворецкий. Мужчина осмотрел мое платье и произнес с вальяжностью слуги, который привык считать себя выше других:

— Мадам, если вы по объявлению, то мы уже нашли горничную. Всего хорошего.

Он попытался закрыть дверь. Я не дала.

Глава 81

Он попытался закрыть дверь, но я удержала ее.

— Я не горничная! — произнесла я так, вспоминая, как общаются со слугами те, у кого есть деньги. — Мне нужен ваш господин!

— Мадам, я не... — продолжил дворецкий, явно желая прекратить разговор.

— Я его бывшая жена! — произнесла я, доставая письмо о разводе из кармана и показывая ему.

Несколько минут дворецкий читал документ, а потом быстро пробежал по мне взглядом. От него не спряталось ни старое платье, ни потертые ботинки, ни руки, привыкшие к работе.

По его лицу прошла короткая тень, после чего выражение снова стало безупречно спокойным, и он отступил в сторону, пропуская меня внутрь.

— Он дома? — спросила я, входя в прихожую. После холодной улицы тепло ударило в лицо, а сбившееся дыхание никак не желало выравниваться.

Дворецкий медленно прикрыл дверь и ответил не сразу, словно пытался подобрать слова.

— Дома, мадам, — произнёс он осторожно и, понизив голос, добавил: — Боюсь, сейчас не самый подходящий момент. В доме возникли... разногласия.

Ответить на это я не успела: сверху донёсся визг Нессы, перекрывший последние слова дворецкого:

— ДА КАКИЕ ЕЩЁ РАСХОДЫ Я ДОЛЖНА СОКРАТИТЬ?!

Дворецкий едва заметно прикрыл глаза. По его лицу я поняла, насколько щадящее слово он выбрал для происходящего, и не удержалась от короткого взгляда на лестницу.

— Я сообщу господину, что вы здесь, — произнёс дворецкий ещё тише и направился наверх, сохраняя достоинство человека, которому явно приходилось делать вид, будто весь дом не слышит хозяйскую ссору.

Он не успел подняться и на несколько ступеней, когда Несса снова закричала так громко, что каждое слово разнеслось по холлу:

— Ты... Ты ничтожество! Слышишь! Ты сам во всём виноват! Не уследил за своей дурой-женой! Она всё испортила!

Я застыла посреди прихожей, не столько от оскорбления, сколько от формулировки. «Не уследил» звучало так, будто вся ошибка Алвиша заключалась в том, что он недостаточно хорошо держал меня подальше от брата и от правды.

— Да откуда я знал, что она туда пойдет! Несса! Я прошу тебя, успокойся! Наследником станет наш сын! И теперь я могу спокойно жениться на тебе! Ты сама говорила, что хочешь замуж! Я был уверен, что как только мой брат увидит сына, он сделает исключение и разрешит развод!

Глава 82

Если бы я продолжала сидеть дома, считать монеты и ждать его возвращения, их жизнь могла бы идти дальше точно так же.

Наверху что-то хлопнуло, и Несса сорвалась ещё громче, уже не пытаясь сдерживаться:

— Я не собираюсь жить в нищете! Ты слышишь меня? Счёт почти пуст! Королевский суд обязал тебя вернуть приданое, и теперь там почти ничего нет! О, боги! На что мы будем жить!

— Несси, милая... Услышь меня! Услышь! Мой брат успокоится, поймет, что допустил ошибку и все будет как прежде! Ему просто нужно время!

Я медленно перевела взгляд на холл и впервые позволила себе рассмотреть его как следует. До этого я слишком торопилась, чтобы замечать что-либо кроме лестницы и двери, за которой находился Алвиш.

Теперь под ногами оказался толстый ковёр без единой протёртой дорожки; вдоль стен стояла крепкая полированная мебель, которую не требовалось подпирать сложенной бумагой; в большом зеркале отражались светильники, лестничные перила и тяжёлые портьеры из ткани, на которую я раньше посмотрела бы только в витрине.

В доме не было ничего нарочито вызывающего. Он просто был хорошим, богатым и ухоженным, и от этого сравнение становилось ещё мучительнее. Утром я водила пальцами по трещине возле дверного косяка и решила, что ремонт подождёт, потому что возвращённое приданое нужно беречь. Несколько лет я смотрела, как рассыхается наше окно, осыпается штукатурка и стареет мебель, убеждая себя, что сейчас важнее еда, лекарства и очередной долг.

Деньги всё это время существовали. Я просто не знала, где именно они превращаются в ковры, хорошую мебель и жизнь женщины, которая теперь называла нищетой необходимость вернуть законное приданое жене своего любовника.

На лестнице послышались быстрые шаги. Я подняла голову и увидела Алвиша. По выражению лица было понятно, что дворецкий успел сообщить ему, кто ждёт внизу. Муж остановился на последних ступенях, несколько мгновений смотрел на меня, а потом его рот криво дёрнулся.

— Что? Подавилась деньгами? Да? — спросил Алвиш с усмешкой, спускаясь в холл. Он смотрел на меня так, словно я явилась жаловаться на неудачную покупку, а не прибежала из дома, где осталась наша больная дочь.

Глава 83

В другое время эта фраза заставила бы меня ответить. Сейчас перед глазами всё ещё лежала Тайя с белым лицом и сведёнными возле груди пальцами, поэтому я только достала из кармана сложенный лист и подошла ближе.

— Мне нужна твоя помощь, — произнесла я, разворачивая бумагу. Голос после бега и страха звучал хрипло, но я заставила себя говорить отчётливо. — Дочке плохо. Нужно прочитать вот это. Ты дракон.

Я протянула лист. Алвиш перевёл взгляд с моей руки на строчки и задержался на почерке, который наверняка узнал. Лицо его стало жёстче, но бумагу он не взял.

— Приползла, значит? — спросил он с тихой усмешкой, не отводя глаз от листа. — После того, что случилось, решила всё-таки прийти за помощью?

Край бумаги впился в пальцы. Я заставила себя не отвечать на «приползла» и подняла лист выше, потому что каждая секунда, потраченная на нашу ссору, принадлежала сейчас Тайе.

— Я пришла не ради себя. Это твоя дочь, — напомнила я, глядя ему прямо в лицо. — Не ты ли сам вчера говорил об этом? Что она Айталиня Эрланте? Что она принадлежит твоей семье не меньше, чем мне?

На мгновение в его лице что-то изменилось, но сверху снова донёсся сердитый голос Нессы, и Алвиш отвёл взгляд от бумаги.

— Видимо, уже нет, раз ты решила подать на развод, — бросил он с раздражением, словно сам факт моего появления снова заставлял его отвечать за то, что он предпочёл бы считать законченным.

Я несколько секунд смотрела на него, пытаюсь понять, действительно ли он только что связал развод со мной с собственным отцовством.

— Развод был со мной, — произнесла я медленнее, удерживая лист между нами. — Не с Тайей.

Алвиш дёрнул плечом, наконец посмотрел мне в глаза и отрезал:

— Мне всё равно, как ты теперь это называешь. Ты хотела уйти? Ушла. Ты хотела свои деньги? Получила. От меня что нужно? Что?!!

Я шагнула ближе и почти упёрла бумагу ему в грудь.

— Ей больно! — Голос всё-таки сорвался, и я уже не пыталась сделать его тише. — У неё снова чешуя. Я пытаюсь прочитать это, но у меня не получается. Вчера твой брат говорил с её драконом, и приступ прекратился. Ты дракон. Поедем со мной. Просто прочитай! От тебя многое не требуется! Если хочешь, я сама отвезу тебя. Меня ждет извозчик.

Глава 84

Я посмотрела на лицо мужа и решила добавить:

— Она все время спрашивает про папу. Она скучает по тебе.

Алвиш наконец посмотрел на меня внимательно. Я следила за его руками, за плечами, за малейшим движением в сторону двери и всё ещё ждала, что сейчас он спросит, где экипаж, или хотя бы заберёт у меня лист. Он мог ненавидеть меня, мог после возвращения снова выставить за порог, но дома лежала его дочь.

Вместо движения к двери Алвиш только усмехнулся и произнёс с ленивой злостью:

— Аскалон уже прекрасно с этим справлялся, насколько я понимаю. Вот его и зови.

От этого спокойствия бумага в моей руке дрогнула прежде, чем я успела сильнее сжать пальцы. Я подняла взгляд на Алвиша и уже не пыталась скрывать ни страх, ни злость:

— Она твоя дочь. Не его.

Алвиш протянул руку и впервые всё-таки забрал лист. Разворачивая бумагу, он ответил с тем же раздражением, которое не отпускало его с моего появления:

— Вчера тебе почему-то это не мешало требовать развод.

На одно мгновение я успела поверить, что этого оказалось достаточно. Он скользнул взглядом по строчкам, задержался на них чуть дольше, чем требовалось, затем аккуратно сложил лист пополам и сунул обратно мне в руку.

— Я выплатил тебе приданое? Выплатил, — произнёс Алвиш с тем же раздражённым спокойствием, с каким раньше объяснял мне, почему денег на врача снова нет. — Всё. Ты получила то, чего хотела. Теперь забудь дорогу сюда.

За спиной на лестнице послышалось движение, однако я не обернулась. Мне было всё равно, вышла ли Несса посмотреть на бывшую жену или наверху просто прошёл слуга. Передо мной стоял единственный человек, которого я пока ещё пыталась убедить.

— Алвиш, — выдохнула я, удерживая лист обеими руками, чтобы он не дрожал. — Она лежит дома. Ей плохо.

Он не отвёл глаз и ответил так, будто хотел закончить одним словом не только этот разговор, но и всё, что ещё связывало его с нами:

— Проваливай.

Я смотрела на человека, с которым прожила столько лет, и больше не пыталась найти в его лице мужа, который запутался, погорячился или сказал лишнее. Сейчас передо мной стоял отец ребёнка, которому прямо сообщили, что его дочери больно, и он всё равно выбрал остаться здесь.

Просить ещё раз означало только потерять время, поэтому я развернулась к двери. Дворецкий уже стоял возле неё и открыл створку, выпуская в тёплый холл холодный уличный воздух. На его лице не было ни насмешки, ни удовлетворения; он отвёл взгляд, когда я проходила мимо, будто хотя бы этим мог не участвовать в моём унижении.

— И больше сюда не приходи, — бросил Алвиш мне вслед, не делая ни шага к двери.

Створка закрылась за моей спиной прежде, чем я успела спуститься с крыльца. После визга Нессы и нашего разговора звук получился почти тихим, но именно он окончательно оборвал то, с чем я ещё несколько минут назад приехала сюда: надежду, что ради Айталины Алвиш всё-таки останется её отцом, даже если перестал быть моим мужем.

Извозчик всё ещё ждал у ворот. Я почти бегом спустилась по ступеням и схватилась за ручку экипажа, но боль внизу живота снова заставила согнуться.

Несколько секунд пришлось стоять, прижав локоть к боку и пытаясь набрать воздуха, пока перед глазами не возникла Тайя, оставленная в кровати с чешуёй у ключицы.

Я заставила себя выпрямиться и забралась внутрь, а кучер сразу обернулся, ожидая новый адрес. Смятая бумага Аскалона оставалась зажата в моей ладони, и теперь от неё зависело уже не то, сумею ли я сама повторить чужие слова, а успею ли привезти к дочери человека, которому они действительно подчинялись.

— К герцогу Аскалону Эрланте, — выговорила я, ещё не восстановив дыхание, и, наклонившись вперёд, добавила с единственным оставшимся требованием: — И быстрее.

Глава 85

До дома Аскалона мы добрались быстрее, чем я ожидала, но мне всё равно казалось, что извозчик нарочно придерживает лошадь на каждом повороте.

Я несколько раз подавалась к окну, вглядываясь в знакомые улицы, и каждый раз смятый лист в ладони напоминал, зачем я мчусь через город: дома на кровати лежала Тайя, бледная, с судорожно сведёнными пальцами и тёмными чешуйками у ключицы.

Я уехала от неё, потому что была уверена, что достаточно привезти дракона. Сначала её отца, а если Алвиш не сможет — Аскалона. Я не предусмотрела только одного: отец даже не попытается.

Когда карета остановилась у знакомого дома, я выбралась наружу раньше, чем извозчик успел нормально открыть дверцу. После двух поездок боль внизу живота стала заметнее, и на первой ступени пришлось на секунду прижать ладонь к платью, переживая тянущий спазм, но терять ещё хоть немного времени я не могла. Дверь открыли почти сразу.

Дворецкий Аскалона узнал меня. Его взгляд задержался на моём лице, потом опустился к смятой бумаге в руке, однако обычная выученная невозмутимость не дала понять, что именно он подумал о моём повторном появлении.

Я шагнула ближе, едва не задев носком порог, и заговорила раньше, чем он успел меня поприветствовать:

— Мне нужен герцог. Немедленно. Где он? — выпалила я, чувствуя, как после бега и дороги голос стал хриплым, а в пальцах, сжимавших лист, появилась неприятная слабость.

Слуга не отступил, но его лицо сделалось чуть строже, будто мои слова заставили его мгновенно перейти от обычного визита к чему-то действительно срочному.

— Его светлости нет дома, мадам, — сообщил он, и короткий ответ ударил сильнее, чем должен был: я невольно посмотрела мимо него в освещённую прихожую, словно Аскалон мог всё-таки оказаться там вопреки словам собственного дворецкого.

— Его нет дома для меня или для всех? — спросила я, снова глядя на коридор.

— Для всех, мадам, — произнес дворецкий. — Он уехал час назад.

— Когда он вернётся? — спросила я, удерживая ладонь на косяке, потому что вдруг стало трудно просто стоять и ждать ответа.

Дворецкий чуть заметно качнул головой и ответил с той осторожностью, которой слуги обычно прикрывают хозяйские дела от чужих вопросов:

— Боюсь, мне это неизвестно. У главы рода сегодня важное мероприятие. Его светлость распорядился не ждать к определённому часу. Также он не сообщал время возвращения. Ему что-то передать?

Слово «мероприятие» показалось почти оскорбительным рядом с Тайным стоном, который всё ещё звучал у меня в ушах. Я втянула воздух, сдерживая желание схватить этого безупречно спокойного человека за рукав и заставить немедленно выдать мне хоть какое-нибудь направление.

— Где оно проходит? — спросила я уже тише, но от этой сдержанности собственный голос показался ещё более напряжённым.

И впервые за весь день я испугалась не того, что Аскалон откажет. Я испугалась, что просто не успею его найти.

Глава 86

Дворецкий впервые отвёл взгляд, всего на мгновение, и мне хватило этого движения, чтобы надежда успела подняться и тут же оборваться.

— Я не знаю, мадам, — произнёс он, снова глядя на меня.

— Вы его дворецкий и не знаете, куда уехал хозяин? — вспыхнула я.

Я услышала, как резко прозвучали слова, и заставила себя убрать ладонь с косяка, чтобы не выглядеть так, будто собираюсь ворваться внутрь и искать Аскалона по комнатам.

— Простите. Просто... моей дочери снова плохо. Очень плохо. Мне нужен Аскалон, — произнесла я чуть тише.

Последние слова дались тяжелее всего. Ещё вчера мне хотелось больше никогда не видеть этого человека, утром я пообещала себе, что не стану зависеть ни от одного Эрланте, а несколько часов назад получила первые деньги, заработанные собственными руками, и впервые за долгие годы почувствовала, что моя жизнь начинает принадлежать мне.

Теперь я снова стояла на пороге чужого богатого дома и просила о помощи, только на этот раз мне не нужны были ни его золото, ни врач, оплаченный из семейной казны. Мне нужен был сам Аскалон и то странное драконье умение, которое оказалось сильнее моих попыток прочесть записанные им слова.

Дворецкий посмотрел на смятый лист, потом снова на меня, и в его голосе впервые исчезла привычная сухая отстранённость.

— Я буду ждать возвращения его светлости, — произнёс он, чуть склонив голову и тем самым давая понять, что воспринимает просьбу всерьёз. — И передам ваше сообщение сразу, как только он появится.

Я жала бумагу ещё сильнее. Можно было остаться здесь, сесть в прихожей и ждать вместе с ним неизвестно сколько, надеясь, что Аскалон вернётся через четверть часа, а не глубокой ночью, но дома лежала Тайя. А я уже потратила слишком много времени, умоляя одного Эрланте о помощи его дочери, и бросить ребёнка ещё на несколько часов ради ожидания другого не могла.

— Скажите ему, что Айталине снова плохо, — попросила я, заставляя себя говорить медленно и отчётливо, чтобы дворецкий запомнил каждое слово. — У неё снова появились чешуйки. Я пыталась повторить то, что его светлость написал мне, но не получилось. Скажите, чтобы он приехал как можно быстрее. Пожалуйста.

Голос всё-таки дрогнул на последнем слове, и от этого унижение оказалось острее, чем от самой просьбы.

Дворецкий не сделал вид, что не заметил; просто ответил с той же серьёзностью, с какой, наверное, принимал распоряжения хозяина:

— Я передам всё в точности, мадам.

Я развернулась и спустилась к извозчику так быстро, как позволяла боль внизу живота. На обратной дороге он ни разу не спросил, почему мы приехали к герцогу лишь затем, чтобы тут же повернуть назад, а я сидела на самом краю сиденья и раздражалась на каждый экипаж впереди, на каждый поворот и на каждую секунду, которую приходилось проводить не рядом с дочерью.

Когда я наконец распахнула дверь спальни, горничная сидела возле кровати и поднялась мне навстречу так резко, что стул отъехал назад по полу.

— Госпожа... — начала она, побледнев сильнее, чем несколько часов назад, но я не дала ей договорить: по Тайиному лицу и без слов было видно, что лучше не стало.

Глава 87

Дочка лежала почти в той же позе, в которой я её оставила, только дышала теперь чаще, а маленькие пальцы то сжимались, то расслаблялись поверх одеяла. Тёмные чешуйки возле ключицы никуда не исчезли.

Я опустилась рядом, коснулась её лба и наклонилась так близко, что прядь моих волос упала ей на щеку.

— Тайя, мамочка вернулась. Я здесь, — прошептала я, надеясь хотя бы на движение ресниц.

Веки действительно дрогнули, но дочь не открыла глаза. Паника поднялась так быстро, что мне захотелось вскочить и снова куда-нибудь бежать, только адресов больше не осталось.

Я заставила себя посмотреть на комнату, на горничную у кровати, на лист Аскалона на столике и вспомнила единственное, чего ещё не могла позволить себе раньше: теперь у меня были деньги.

— Позовите вчерашнего доктора, — велела я горничной, не отнимая ладони от Тайино лба. — А если его не найдёте — любого, кто согласится приехать немедленно. Скажите, что я заплачу за срочный вызов. — Впервые эти слова не сопровождались мысленным счётом того, что придётся продать после визита, и от одного этого мне стало чуть легче удерживать голос ровным.

Мне больше не нужно было открывать перед врачом пустой кошелек, обещать вернуть потом или вспоминать, что ещё можно отнести в ломбард. Я могла заплатить сама, и несколько часов ожидания держалась именно за эту новую возможность, как раньше держалась за обещания Алвиша привезти деньги.

За вчерашним доктором послали первым, но он уехал на срочный вызов за город и вернуться вовремя не мог.

Доктор приехал уже вечером.

Он долго осматривал Тайю, несколько раз проверял дыхание, осторожно касался кожи рядом с чешуйками и задавал вопросы о вчерашнем приступе. Я отвечала подробно, стараясь не перебивать, хотя всё время следила за его руками и ловила малейшее движение, которое могло бы означать: он понял, что делать.

Когда доктор наконец выпрямился, мне не понравилось, как медленно он снял пальцы с Тайино запястья. Я встала вслед за ним и заговорила прежде, чем он успел выбрать слова:

— Что нужно дать ей? Назовите лекарство. Если его нет поблизости, я пошлю в другую аптеку. Если оно дорогое, это неважно.

Последняя фраза всё ещё звучала непривычно даже для меня самой, но сейчас я произнесла её без колебаний.

Доктор устало потёр переносицу и снова посмотрел на Айталину, явно не желая отвечать мне так, как собирался.

— Боюсь, дело не в лекарстве, — произнёс он наконец, и от этого спокойствия я сразу выпрямилась.

— Тогда что? — спросила я, не отходя от кровати и уже заранее ненавидя паузу, которую он сделал перед ответом.

Он сжал губы, словно ещё раз перебирал в голове всё, что увидел, и заговорил с той неприятной честностью, от которой нельзя было спрятаться за надеждой на более дорогой препарат:

— Я не знаю, чем ей помочь, мадам. Перед этим я бессилен.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы смысл добрался сквозь привычное убеждение, что доктор обязан знать, что делать. Я посмотрела на его сумку, на аккуратно сложенные инструменты, на чек, приготовленный на краю стола в который осталось вписать сумму, и всё равно услышала собственное возражение:

— Но вы доктор.

И по его лицу я поняла страшное: до возвращения Аскалона у Тайи действительно не было никого, кто знал бы, как ей помочь.

Глава 88

Доктор не обиделся. Он только чуть устало опустил плечи и кивнул на чешуйки возле Тайиной ключицы, словно именно они проводили границу его знаний.

— Именно поэтому я не стану делать вид, что понимаю то, чего не понимаю. Обычным лечением я сейчас могу скорее навредить, чем помочь.

Я перевела взгляд на лист Аскалона. Доктор проследил за этим движением, но спрашивать не стал, а мне вдруг отчаянно захотелось потребовать, чтобы он остался, попробовал ещё раз, вызвал кого-нибудь другого и не смел уходить, пока ребёнку плохо. Ни одна из этих просьб не превращала его незнание в знание.

За визит я заплатила полностью. Деньги впервые за много лет не пришлось пересчитывать трижды и мысленно отнимать от еды, лекарств и долгов, но облегчения это не принесло: доктор убрал чек, ещё раз посмотрел на Тайю и ушёл, оставив после себя запах холодного воздуха из прихожей и ту же больную девочку на кровати.

Деньги у меня теперь действительно были, а помощи всё равно не оказалось.

К вечеру я перестала смотреть в окно каждые несколько минут, а потом поймала себя на том, что снова вслушиваюсь в каждый экипаж. Колёса замедлялись на повороте, стучали по камням и удалялись, не останавливаясь у нашего дома.

Горничная несколько раз предлагала посидеть с Айталиной вместо меня, кухарка приносила еду и спустя час уносила почти нетронутой, а я продолжала поправлять одеяло, смачивать Тайе губы водой и проверять дыхание, стараясь не переводить взгляд на часы слишком часто.

Аскалон не приезжал, и чем темнее становилось за окном, тем меньше я позволяла себе ждать его всерьёз.

Он ничего мне не обещал. Последними словами, которые я услышала от него вчера, было усталое: «Как же вы меня сегодня достали», и нелепо было рассчитывать, что после этого человек бросит свои дела и среди ночи примчится ко мне только потому, что дворецкий передал просьбу.

Поздним вечером я заставила себя переодеться. Платье после двух поездок через город липло к спине, пояс давил на больной живот, а ждать гостя, который, возможно, ещё даже не вернулся домой, становилось бессмысленно.

Я надела ночную рубашку и снова села возле Тайи. Тонкая старая ткань была мягче и нигде не давила; обычно поверх неё я сразу набрасывала что-нибудь тёплое, но в спальне натопили сильнее обычного, поэтому искать халат я не стала. Кроме горничной и кухарки, в доме всё равно никого не ожидалось.

Часы пробили одиннадцать, потом половину двенадцатого. К полуночи я уже почти перестала прислушиваться к улице, убеждая себя, что дворецкий просто не успел передать сообщение.

Если Аскалон до сих пор не вернулся, он не мог знать о Тайе; если вернулся и решил не приезжать, я не позволяла себе додумывать эту мысль, потому что тогда пришлось бы признать, что последнего человека, способного помочь дочери, у нас тоже нет.

Последний удар полуночных часов ещё не успел раствориться в тишине, когда внизу тяжело ударило дверное кольцо.

Глава 89

Я скинула голову и несколько секунд сидела неподвижно, не доверяя слуху после целого вечера ожидания. Когда стук повторился — уверенный, без суеты, — я поднялась так резко, что стул качнулся за спиной, и поспешила к лестнице, не став будить горничную.

Я спускалась почти бегом, придерживаясь за перила там, где ступени уходили в темноту, и только на середине лестницы заметила, что босая. Возвращаться за обувью не стала.

Холод от пола неприятно прошёл по ступням, когда я добралась до прихожей и распахнула дверь.

На пороге стоял Аскалон. За его спиной темнела улица, у ворот ждала карета, а свет из прихожей ложился на плечи герцога и тёмную одежду, в которой он явно приехал не из собственного кабинета. Он не поздоровался и не спросил, почему я прислала за ним ночью; взгляд сразу остановился на моём лице, и, уже делая шаг ближе к порогу, Аскалон спросил коротко, без привычной раздражённой насмешки:

— Айталиνα?

— Ей всё ещё плохо. Доктор приезжал и сказал, что ничего не может сделать, а я пыталась читать ваши слова, но... — выпалила я.

Я заговорила слишком быстро и осеклась только тогда, когда холодный воздух из открытой двери скользнул по голым ногам и напомнил, в чём именно я выбежала встречать мужчину.

Я опустила глаза. В полутёмной спальне тонкая старая рубашка казалась совершенно приличной, но в ярком свете прихожей ткань стала предательски прозрачной там, где лампа светила сзади. Сквозь неё слишком отчётливо угадывались ноги и линии тела, а я стояла перед Аскалоном босая, растрёпанная и почти не прикрытая ничем, кроме слоя тонкого полотна.

Жар поднялся от груди к лицу так быстро, что я машинально скрестила руки и отступила за створку двери, пытаясь одновременно закрыть собой прозрачную ткань и не захлопнуть дверь перед человеком, которого сама же просила приехать.

— Подождите... Простите... Я просто уже не ждала вас... Мне... мне очень неловко... Я сейчас. Мне нужно одеться, — выговорила я, уже оглядывая прихожую в поисках хоть чего-нибудь, что можно набросить на плечи.

Аскалон нахмурился не как мужчина, которого смутил мой вид, а как человек, которому сообщили о совершенно ненужной задержке.

— Югетта, — произнёс он с коротким предупреждением в голосе, пока я метнулась к стулу, где утром оставила старую кофту.

Я просунула одну руку в рукав, второй придерживая полы рубашки, и из-за спешки несколько раз промахнулась мимо застёжек.

— Минуту. Я не могу вас вести наверх в таком виде, — пробормотала я, чувствуя себя всё нелепее с каждой секундой, пока он стоял у открытой двери и ждал.

— Почему? — спросил Аскалон без всякого смущения, и именно спокойствие его голоса заставило меня замереть с одной рукой в рукаве.

И впервые подумала: возможно, Алвиш не солгал хотя бы об одном.

Глава 90

Я посмотрела на него, потом вниз, на тонкую ткань, и раздражение на собственную неловкость помогло выговорить очевидное.

— Потому что рубашка просвечивает, — объяснила я, резче запахивая кофту на груди.

Взгляд Аскалона на мгновение скользнул вниз ровно настолько, чтобы понять, о чём я говорю, и тут же вернулся к моему лицу. Он не отвёл глаза с той поспешностью, с какой отвёл бы мужчина, случайно заставший женщину раздетой, но и не задержался ни на секунду дольше необходимого.

— Меня это не интересует, — произнёс он совершенно спокойно и, не позволяя моей одежде отнять у него ещё хоть немного внимания, сразу спросил: — Где Айталиня?

Я так и осталась с одной рукой в рукаве. В другой ситуации подобный ответ, наверное, задел бы женское самолюбие, особенно от мужчины, чью красоту я ещё при первой встрече заметила вопреки ненависти.

Сейчас вместо обиды пришло облегчение, а за ним — воспоминание о том, что Алвиш говорил о старшем брате задолго до всех последних событий.

Про недуг Аскалона в семье старались не говорить вслух. Алвиш однажды объяснил мне почти шёпотом, что женщины, любовь и постель его брата не интересуют, а драконья природа так и не проснулась как должна. Позже он даже посмеивался над попытками Аскалона ухаживать за очередными красавицами в надежде что-нибудь изменить. Тогда я не слишком задумывалась над семейной тайной, но теперь невольно посмотрела на герцога внимательнее.

Такой мужчина мог бы жениться когда угодно. Богатый, красивый, глава древнего рода, но жены у него не было. Об официальной любовнице я тоже никогда не слышала, а сейчас он стоял передо мной, пока тонкая ночная рубашка почти ничего не скрывала, и выглядел лишь раздражённым потерей времени.

Получалось, что Алвиш хотя бы в этом мог говорить правду. Неловкость отпустила достаточно, чтобы я перестала мучить застёжки и просто запахнула кофту поверх груди. Аскалон всё это время ждал у порога, не рассматривая меня и не делая ни шага ближе, пока я сама не отступила в сторону.

Аскалон вошёл в дом и закрыл за собой дверь. Знакомый негромкий стук трости прозвучал по полу прихожей, когда он повернулся к лестнице, а я отступила, освобождая ему проход.

— Наверху, — сказала я, и тревога за дочь мгновенно вытеснила остатки смущения. — И ей хуже, чем было вчера.

Глава 91

Аскалон поднялся следом за мной, и ровный стук его трости по ступеням почему-то действовал успокаивающе сильнее, чем все слова доктора за вечер.

Я всё ещё чувствовала себя нелепо в наскоро запахнутой кофте поверх ночной рубашки, босыми ступнями ощущала прохладу лестницы, но возле двери спальни это перестало иметь какое-либо значение. Из комнаты доносилось частое Тайино дыхание, и я первой протиснулась внутрь, сразу глядя на кровать.

Аскалон не стал ни спрашивать, что именно происходило за время его отсутствия, ни требовать подробного рассказа.

Он поставил трость возле кровати так, чтобы та осталась под рукой, наклонился к Тайе и осторожно коснулся её виска. В его движениях не было врачебной нерешительности: вчера он уже видел это состояние и сейчас словно проверял только то, насколько далеко оно успело зайти. Я встала с другой стороны кровати, почти нависнув над дочерью, и следила за его лицом, пытаясь по одному движению бровей понять больше, чем он собирался говорить.

Чешуйки возле ключицы Тайи всё ещё проступали тёмными неровными пятнышками. Дочка дышала неглубоко, иногда морщилась во сне, и, когда Аскалон положил пальцы ей на запястье, её рука дёрнулась. Он придержал её ладонью и заговорил тем самым голосом, который я пыталась повторить весь вечер.

Я сразу напряглась, стараясь не упустить ни звука.

На бумаге всё казалось почти простым. Несколько записанных человеческими буквами сочетаний, которые я могла прочитать, запомнить и повторить.

В устах Аскалона они превращались во что-то совсем другое: один звук уходил глубоко в грудь, другой будто рождался ниже обычного человеческого голоса, а третьего я вообще не могла понять. Я беззвучно шевелила губами вместе с ним, пыталась поймать положение языка и даже мысленно повторяла за ним каждую фразу, однако уже на середине поняла, что снова произношу у себя в голове совершенно не то.

Тайно дыхание тем временем постепенно стало ровнее.

Аскалон не торопился отнимать руку. Он дождался, когда разожмутся маленькие пальцы, ещё раз коснулся кожи возле чешуек, после чего несколько секунд просто наблюдал за дочерью. Я боялась спросить и только смотрела, как её грудь теперь поднимается без прежних коротких рывков.

— Она уснула, — негромко произнёс Аскалон, выпрямляясь после осмотра.

Он взял трость, но ещё не отошёл от кровати и добавил уже спокойнее:

— Сейчас всё прошло.

Напряжение, с которым я держалась последние несколько часов, ослабло так резко, что пришлось ухватиться пальцами за спинку стула. Тайя просто спала. Не потеряла сознание, не стала слабее, не лежала сейчас на границе чего-то, чего даже доктор не сумел понять. Я наклонилась, поправила одеяло и провела ладонью по её волосам, проверяя уже для себя то, во что только что поверила на словах Аскалона.

— Я пыталась повторить, — призналась я тихо, не поднимая головы. — Правда пыталась. Несколько раз. Но она даже не отреагировала.

Глава 92

Аскалон посмотрел на смятый лист, который я положила возле кровати, и в его лице не появилось ни удивления, ни особого сочувствия.

— Я не удивлен, — напомнил он с той сухостью, от которой невозможно было понять, утешает он меня или просто сообщает неприятный факт. — Результат был предсказуем.

Я бросила на него взгляд. Даже посреди ночи, после того как ему пришлось бросить неизвестно какое важное мероприятие и ехать сюда, сил на снисходительность у него каким-то чудом хватало. Возразить хотелось, но Тайя наконец дышала спокойно, поэтому я проглотила замечание и ещё раз посмотрела на бумагу.

Если приступ повторится завтра, мне снова придётся искать Аскалона. Если он уедет из города — узнавать, куда.

Если отправится на очередное важное мероприятие — караулить возвращение возле его дома. У главы рода наверняка имелось расписание, в котором моя дочь со своими приступами никак не могла появляться по требованию, и от одной мысли, что я теперь должна каким-то образом подстраивать Тайно здоровье под занятость герцога Эрланте, становилось дурно.

Аскалон тем временем отошёл от кровати.

На маленьком столике возле стены сидели новые игрушки, часть которых горничная успела собрать после Тайиногo приступа, а несколько так и остались на полу. Рядом с дорогими подарками лежала старая мягкая кукла, сшитая мной когда-то из того, что удалось найти в доме.

Его взгляд прошёл по столу, задержался на разбросанных игрушках, после чего Аскалон едва заметно кивнул, словно убедился в чём-то, что хотел проверить.

Я заметила этот жест и сразу поняла, чему именно он удовлетворён. Всё, что было предназначено Тайе, действительно дошло до Тайи.

От этого стало совсем неловко.

Он организовал врача, лекарства, еду, одежду, игрушки, а теперь ещё и приехал посреди ночи, стоило получить сообщение от дворецкого. При этом я умудрилась сначала поехать к Алвишу, потом к нему, потом снова вызвать врача и всё равно закончить ночь ровно там же: возле Аскалона, который решил проблему за несколько минут.

Я обхватила ладонями края кофты, внезапно не зная, что вообще принято предлагать герцогу, которого вытащили из его жизни в полночь ради больного ребёнка.

— Я понимаю, что вы... вы устали. Я могу предложить вам чай, — прошептала я, стараясь хотя бы не смотреть на собственные босые ноги, торчащие из-под ночной рубашки.

Аскалон перевёл взгляд с игрушек на меня. Пауза оказалась настолько короткой, что предложение явно не потребовало размышлений.

— Нет, спасибо, — отказался он и, перехватив трость удобнее, слегка развернулся к двери.

Вот тогда до меня дошло, что он собирается уходить.

Естественно, собирается. Он приехал, помог ребёнку и теперь хотел вернуться домой. Возможно, хотя бы остаток ночи поспать. Никаких оснований оставаться здесь у него не было, а мне внезапно стало страшно от совершенно практической мысли: что я сделаю, если через час Тайя снова начнёт задыхаться?

Я посмотрела на смятый лист возле кровати. Потом на спокойно спящую дочь.

Гордость продержалась недолго.

— Тогда я буду совсем наглой и попрошу научить меня это говорить, — произнесла я, прежде чем Аскалон успел сделать второй шаг к двери.

Глава 93

От неловкости слова полезли быстрее, чем я собиралась их произносить.

— Я не хочу дёргать вас каждый раз. Да и вам накладно срываться с места и ехать сюда среди ночи. Сегодня ещё повезло, что вы вообще вернулись, а если в следующий раз вы уедете куда-нибудь далеко, я же не смогу послать за вами через половину королевства.

Аскалон остановился. Его взгляд скользнул к бумаге, затем снова вернулся ко мне, и я вдруг заметила ещё одну вещь, о которой до этого не успела подумать.

Он ни разу не спросил про Алвиша.

Не спросил, почему я послала именно за ним. Не поинтересовался, пыталась ли сначала найти отца ребёнка. Не напомнил, что в городе вообще-то есть ещё один взрослый дракон Эрланте, который должен был бы примчаться сюда первым.

Я вдруг подумала, что он догадался. Или просто не захотел заставлять меня рассказывать то, что по моему лицу и так можно было понять.

От этого молчания стало почти так же неудобно, как стало бы от прямого вопроса. Я отвела взгляд и взяла со столика бумагу.

— Научите, — попросила я уже тише, разглаживая лист пальцами. — Как это правильно выговаривать. Я слушаю вас и вроде бы понимаю, а потом открываю рот — и получается совершенно другое.

Аскалон несколько секунд смотрел на меня так спокойно, что я уже начала надеяться, будто он сейчас велит повторить первый звук. Вместо этого он опёрся ладонью на набалдашник трости и произнёс без малейшего желания смягчить отказ:

— У меня сейчас нет ни малейшего желания кого-то учить.

Пальцы на бумаге замерли.

Внутри всё провалилось так стремительно, будто я снова услышала от доктора, что он бессилен. Я успела представить остаток ночи возле кровати, следующий приступ и собственные бесполезные попытки рычать над ребёнком по бумажке, прежде чем Аскалон продолжил.

— Значит так. Я приезжаю завтра примерно после полудня.

Он говорил уже тоном человека, который не обсуждал решение, а просто ставил его в расписание.

— Заодно узнаю про самочувствие ребёнка. Тогда и поговорим.

Я моргнула, всё ещё не успев выбраться из собственного ужаса.

— Завтра, — повторила я, словно слово требовало дополнительной проверки.

Аскалон слегка наклонил голову, и мне вдруг стало неловко уже по совершенно другой причине: я поймала себя на том, что рассматриваю его.

Белые волосы в тёплом свете спальни казались почти серебряными. Красивое холодное лицо, прямая осанка, тёмная одежда, трость возле ноги — он выглядел каким-то снежным принцем, которого по ошибке занесло в мой маленький дом, к разбросанным детским игрушкам и женщине в ночной рубашке. Наверное, на моём месте другая женщина хотя бы задумалась бы, прилично ли ждать такого мужчину завтра после полудня без сопровождения.

Я уже знала ответ. Его это не интересовало. От этой мысли стало проще смотреть ему в лицо.

— Хорошо. Завтра я буду вас ждать, — согласилась я и, заметив, что снова начинаю говорить слишком много, всё равно не смогла остановиться: — Надеюсь только, за ночь ничего страшного не случится. Хотя после сегодняшнего я уже боюсь надеяться. Ещё вчера я думала, что если у меня будут деньги, то достаточно будет просто вызвать хорошего врача. Сегодня врач приехал, взял деньги и честно сообщил, что понятия не имеет, что делать.

Я ещё не знала, что следующая беда этой ночью случится не с Тайей.

Глава 94

Уголок рта Аскалона едва заметно изменился, но насмешки я так и не дождалась. Он снова посмотрел на спящую Тайю, и это напомнило мне вопрос, который я весь вечер задавала всем не тем людям.

— Это болезнь? — спросила я, понизив голос, чтобы не разбудить дочь. — То, что с ней происходит? Это можно как-то вылечить?

Аскалон не ответил сразу. Он прошёл ближе к кровати, ещё раз посмотрел на Тайю и кончиком трости осторожно отодвинул с дороги игрушку, лежавшую там, где на неё легко было наступить. Потом остановился напротив меня.

— Нет. По крайней мере, не в том смысле, в котором вы понимаете слово «болезнь», — пояснил он, и на этот раз в его голосе не было раздражения. Скорее усталость человека, которому приходится объяснять очевидное для него тому, кто вырос с совершенно другими представлениями о мире. — Это кровь. В каждом драконе есть человеческая природа и драконья. У женщин драконья часть обычно слабее. Иногда настолько, что за всю жизнь почти не даёт о себе знать. У мужчин она проявляется сильнее.

Я перевела взгляд на Тайины чешуйки. Слабее — явно не значило отсутствует.

Аскалон проследил за моим взглядом и продолжил, не заставляя меня задавать следующий вопрос:

— Эти две части не всегда существуют мирно. Драконья природа дикая, необузданная, она иначе реагирует на боль, страх и угрозу. Человек должен научиться её контролировать, иначе она пытается вырваться тогда, когда считает нужным сама. Если вам так проще это понимать, считайте происходящее конфликтом двух природ в одном теле.

Я сжала бумагу и постаралась уложить объяснение рядом со всем тем, что уже видела. Жар. Судороги. Чешуйки. Голос Аскалона, после которого Тайя успокаивалась так, словно внутри неё действительно кто-то слышал и понимал сказанное.

— Значит, лекарством это не убрать, — произнесла я скорее для себя, чем для него.

Аскалон посмотрел на меня, и усталость теперь проступила в его лице заметнее.

— Югетта, уже за полночь, а я действительно устал и хочу вернуться домой. Завтра я приеду, вы зададите мне всё, что не успели спросить сегодня, и я постараюсь объяснить.

Он сделал небольшую паузу, глядя уже не на меня, а на Тайю.

— Если до утра её состояние изменится, пришлите за мной.

Последняя фраза была сказана так буднично, что я не сразу поняла её смысл. Он только что сам предложил снова ехать через весь город среди ночи, если понадобится, хотя минуту назад признался, что устал и хочет домой.

Я кивнула и тут же вспомнила, что он не обязан разбирать мои молчаливые жесты.

— Хорошо. Я провожу вас, — сказала я и положила бумагу возле кровати, чтобы утром не искать её по всему дому.

До входной двери оставалось совсем немного. Я была уверена, что сейчас просто провожу его и вернусь вверх.

Глава 95

На лестнице я пошла следом за Аскалоном. Он спускался неторопливо, ставя трость на каждую вторую ступень, а я придерживала одной рукой кофту, второй касалась перил. Первые несколько шагов всё было нормально, потом внизу живота возникла знакомая тянущая боль. Та самая, которую я столько лет научилась переживать, не делая лишних движений.

Я осторожно вдохнула.

За этот день я слишком много бегала, несколько раз тряслась в экипажах по мостовой, поднимала Тайю, хотя давно знала, чем это заканчивается, а потом часами сидела возле её кровати, почти не меняя положения. Сейчас организм решил предъявить счёт.

Аскалону об этом знать не требовалось.

Я замедлилась всего на одну ступень и сразу заставила себя догнать его. Стук трости впереди стал почти раздражающим мерилom расстояния до двери: ещё несколько ступеней, приходя, порог — и он уедет. Тогда я смогу подняться обратно, лечь хотя бы ненадолго и дожидаться, пока привычный спазм отпустит.

На последней ступени боль усилилась.

Я незаметно прижала локоть к животу, пряча движение в складках кофты. Аскалон уже оказался в прихожей и повернулся ко мне, поэтому пришлось убрать руку и выпрямиться.

Только бы не заметил.

Мне и без того было стыдно за всё, что он увидел сегодня: за ночную рубашку, за мою панику, за беспомощность возле Тайиной кровати, за просьбу приехать завтра и учить меня тому, что для него было естественным.

Если сейчас ещё выяснится, что после спасения ребёнка ему придётся заниматься её матерью, я окончательно превращусь в семейное бедствие, которое герцогу Эрланте почему-то досталось вместе с должностью главы рода.

Я дошла до двери и взялась за ручку. Холодный металл приятно лёг в ладонь, помогая сосредоточиться на чём-то кроме боли.

Аскалон задержался у порога. На улице за его плечом стояла тёмная карета, и я уже почти с облегчением представила, как дверь наконец закроется.

— Завтра я приеду, — напомнил он, внимательно глядя на меня. — Заодно посмотрю на племянницу.

Новая волна боли прошла по низу живота так резко, что слова пришлось буквально вытолкнуть между стиснутыми зубами.

— Д-д-да, к-к-конечно... — выдавила я, и тут же постаралась улыбнуться, хотя собственное лицо перестало нормально слушаться. — П-приезжайте.

Аскалон нахмурился.

Я поспешно потянула дверь на себя, желая только одного — чтобы он сделал ещё шаг, оказался снаружи и перестал смотреть на меня этими слишком внимательными холодными глазами.

Боль ударила раньше.

Она стала настолько острой, что пальцы сами разжались. Дверная ручка выскользнула из ладони, колени подломились, а мне даже не удалось ухватиться за косяк. Я успела увидеть, как Аскалон резко развернулся обратно ко мне и трость в его руке ударилась о порог.

Потом пол приблизился слишком быстро, и свет исчез.

Глава 96

Сознание возвращалось медленно и совсем не так, как мне хотелось бы. Сначала я почувствовала холодный воздух, который всё ещё тянуло от распахнутой входной двери, потом — мерное покачивание и чужую руку под коленями.

Вторая удерживала меня за спину так надёжно, что даже после провала в темноту я никуда не падала. Щекой я упиралась в плотную ткань мужской одежды, слышала совсем рядом ровное дыхание и только после этого вспомнила последние мгновения перед обмороком: дверную ручку в пальцах, резкую боль внизу живота и трость, с грохотом ударившуюся о порог.

Когда я открыла глаза, совсем близко оказался подбородок Аскалона. Несколько секунд я смотрела на него снизу вверх, не понимая, почему потолок прихожей медленно движется над нами, а потом дошло: герцог нёс меня на руках. Стыд от этого открытия подействовал лучше любой нюхательной соли, и я сразу дёрнулась, пытаясь отстраниться.

— Поставьте меня, — потребовала я хрипло, но движение отозвалось внизу живота такой тяжёлой тупой болью, что закончить попытку освободиться пришлось раньше, чем я её начала.

Аскалон почувствовал это раньше, чем я успела спрятать гримасу, и рука на моей спине только крепче удержала меня.

Я упрямо добавила, стараясь хотя бы голосом вернуть себе остатки достоинства:

— Я уже пришла в себя. Я могу сама.

— Я тоже был в этом уверен до того, как вы рухнули у меня перед носом, — сухо заметил Аскалон, даже не замедлив шага. Только один раз опустил взгляд к моему лицу, словно проверял, не собираюсь ли я снова потерять сознание посреди спора.

Я уже открыла рот, чтобы объяснить ему разницу между «рухнула» и «просто на секунду отключилась», но увидела возле порога его трость. Она лежала поперёк коврика там, где, должно быть, выскользнула из руки, когда он успел меня поймать, и готовая реплика куда-то исчезла.

Несколько минут назад мне хотелось только одного: чтобы Аскалон наконец ушёл, дверь закрылась и я смогла тихо подняться наверх, никому ничего не объясняя. Вместо этого он снова тащил меня в мой же дом, а я висела у него на руках босая, в тонкой ночной рубашке и кое-как запахнутой кофте.

Если бы на его месте оказался другой мужчина, я, наверное, попыталась бы спрыгнуть даже ценой новой боли. Одна ладонь Аскалона лежала под моими коленями, другая почти полностью закрывала спину; при каждом шаге я ощущала через ткань тепло его груди и движение сильных рук.

Но Алвиш годами рассказывал о недуге старшего брата, а совсем недавно сам Аскалон спокойно сообщил, что моя просвечивающая рубашка его не интересует. Поэтому смущала меня сейчас не мужская близость, а собственная беспомощность. Причём настолько сильно, что хотелось извиниться хотя бы за то, что весила больше его трости. И за то, что это вообще случилось при нем!

Аскалон, однако, отпускать меня не собирался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.